

ЗА ТЕМНЫМИ ЛЕСАМИ

СТАРЫЕ СКАЗКИ НА НОВЫЙ ЛАД

18+

НИЛ ГЕЙМАН

ЧАРЛЬЗ ДЕ ЛИНТ • ТАНИТ ЛИ • ХОЛЛИ БЛЭК • ПИТЕР БИГЛ

Мастера магического реализма (АСТ)

Нил Гейман

**За темными лесами. Старые
сказки на новый лад**

«АСТ»

2016, 2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Вел)-445

Гейман Н.

За темными лесами. Старые сказки на новый лад / Н. Гейман —
«АСТ», 2016, 2018 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-110768-0

В давние-предавние времена истории, названные позже «волшебными сказками», взращивались для того, чтобы развлекать не детей, но взрослых, и лишь затем были укрощены, подстрижены и превращены в менее шипастые цветы для детворы. Но на самом-то деле они не утратили колкости, по-прежнему подстегивавшей, будоражившей воображение читателей всех возрастов. Многие годы писатели то и дело одалживали из этих историй разные разности, прививая их черенки к ветвям собственных произведений, отыскивая в стародавних символах новое содержание. Вдобавок, в последние несколько десятилетий они намеренно пересказывали старые сказки на множество новых ладов, придавая им новые обличья – восхитительные и мрачные, грустные и жестокие, милые и язвительные, прокладывая в темных лесах фантастической литературы новые тропы. В этой антологии собрана захватывающая коллекция лучших современных пересказов и переосмыслений волшебных сказок, созданных авторами многих бестселлеров и лауреатами множества премий, известными рассказчиками и восхитительными новыми талантами. Взгляните же на новые волшебные царства, последовав за нами – за темные леса...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-17-110768-0

© Гейман Н., 2016, 2018

© АСТ, 2016, 2018

Содержание

Введение: погрузиться с головой	7
Красна, как кровь	11
В пряничном домике	19
Костяная Нога	32
Путеводный огонь	40
Монета заветных желаний	50
Фокус с бутылкой	57
Дева-дерево	67
Сюртук из звезд	73
Дорога иголок	85
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Пола Гуран

За темными лесами. Старые сказки на новый лад

Сборник

Paula Guran

Beyond the Woods: Fairy Tales Retold

© 2016, 2018 by Paula Guran. All rights reserved

© Д. А. Старков, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается Танит Ли

19 сентября 1947 г. – 24 мая 2015 г.

Эту антологию я решила посвятить Танит задолго до ее смерти. Возможно, Анджела Картер и мать современной волшебной сказки, но Танит Ли – по меньшей мере одна из ее ближайших теток. Однако, если Картер по праву высоко оценивают почти в каждом академическом исследовании волшебных сказок, то о Ли упоминают крайне редко. Произведения Картер всегда считались «литературой», тогда как творчество Ли навсегда заклеямили «жанровой беллетристикой».

В конечном счете я полагаю, что Танит Ли повлияла на творчество современных авторов волшебных сказок (неважно, осознают они это или нет) не меньше, чем Анджела Картер.

Но Ли писала не только волшебные сказки. Она породила на свет литературные произведения многих жанров, и ограничивать ее уголком волшебной сказки было бы неверно: Танит Ли заслуживает много большего. «Всемирная премия фэнтези за заслуги перед жанром» – достаточное свидетельство признания ее вклада в литературу.

Этот сборник украшают два ее рассказа: первый – «Румяна, как кровь», и последний – «Красавица». Это было решено еще до ее смерти.

Танит оставила след во множестве жизней, и я очень дорожу заочной дружбой с ней. Она была – и, думаю, остается – неким волшебным существом. Видите ли, едва закончив редактирование «Красавицы» для этого тома, я проверила электронную почту. И обнаружила письмо от Джона Кайина, любимого мужа Танит. Он был так любезен, что описал мне церемонию подведения итогов ее жизни.

А теперь прочтите финал «Красавицы» – две последние фразы.

И сами решите: было ли все это простым совпадением?

Или ее волшебство не угасло?

Введение: погрузиться с головой

Чтобы читать волшебную сказку, нужно погрузиться в нее с головой.

У. Х. Оден

1

В конце 2014 г. была опубликована чудесная книжка Марины Уорнер «В давние-давние времена: краткая история волшебной сказки». Восхитительно написанная, немногословная, однако очень подробная, она может послужить массовому читателю превосходным современным введением в историю развития волшебной сказки как «драгоценнейшего, величайшего творения человеческой истории и культуры».

Эта книга также напомнила мне о термине «небылица», означающем сказку о чудесах. Пожалуй, воспользоваться им было бы уместнее, хотя он и не так привычен широкой аудитории.

Однако, попытавшись всесторонне представить здесь эту книгу, я рискую слишком уж углубиться в цитаты. Поэтому тут лучше прибегнуть к совершенно неформальному подходу.

Я вовсе не считаю, будто «В давние-давние времена: краткая история волшебной сказки» лишена спорных моментов, но подобные дискуссии лучше оставить для более академической аудитории. Упомяну – в самой ненаучной манере – только об одном.

Уорнер пишет:

«Самая трудная на сегодняшний день задача – сделать историю о брошенных детях и ведьмах-людоедках подходящей для детей на Рождество, но так, чтобы она не утратила правдоподобия в глазах людей взрослых, лучше знающих жизнь. Общая тенденция такова: чем дальше, тем больше волшебные сказки остаются нам, взрослым».

По-моему, здесь она кое-что упускает. И не просто «кое-что», а многое.

Да, под этой обложкой собраны уже публиковавшиеся произведения – как пересказы старых сказок, так и новые «небылицы», предназначенные в первую очередь для взрослых.

Для взрослых предназначены антологии Эллен Датлоу и Терри Виндлинг «Белоснежка, Краснокровка», «Черный терновник, белая роза», «Рубиновые туфельки, золотые слезы», «Черный лебедь, белый ворон», «Серебряная береза, кровавая луна» и «Черное сердце, белые кости». Все они составлены из оригинальных произведений авторов, пересказавших старые или создавших новые волшебные сказки. Как и моя «Давным-давно: новые волшебные сказки».

«Литературная» антология Кейт Бернхаймер «Мать извела меня, папа сожрал меня: сорок новых волшебных сказок» также предназначена для взрослых.

Однако...

На счету Датлоу и Виндлинг и детские «Волк у дверей», «Сестрица-лебедь» и «Глазами тролля: книга злодейских сказок», а также ряд книг для читателей чуть старше: «Зеленый Рыцарь: Легенды Зачарованного леса», «Пляска фэйри: Сказки из Царства Сумрака», «Дорога Койота: Сказки о хитрецах».

Многие истории для юношества в сборниках «Жар-птицы», «Жар-птицы возвращаются» и «Полет жар-птиц», составленных Шарин Новембер, хоть и названы «научной фантастикой», на самом деле – сказки о чудесах.

И из совсем свежего – «Чудовищные привязанности: Антология сказок о жутких зверях» Гевина Гранта и Келли Линк; «Тряпье и кости: Новые повороты вечных сказаний» Мелиссы

¹ “Introduction: Throwing In” © 2016 Paula Guran.

Марр и Тима Пратта, «Фантастические создания: рассказы, выбранные Нилом Гейманом» (а также Марией Дэваной Хэдли).

И это – только первое, что пришло в голову, первое, что попало на глаза при взгляде на книжную полку.

Что касается недавних романов-фэнтези, адресованных юношеству, в которых также можно узнать не что иное, как очень длинные волшебные сказки... их список велик настолько, что не стоит его и начинать.

При этом правдивые истории в наши дни рассказывают не только в книгах. Танцы, пьесы, музыка, живопись, кино, телевидение – о них и говорить нечего.

Станут ли новые сказки классическими «наставниками», хранилищами человеческой культуры? Время покажет. Главное – они создаются.

На той же ноте...

Есть на свете ученый – профессор Армандо Магги, полагающий, будто волшебные сказки утратили свое волшебство. Будто мы, хоть и нуждаемся в новых мифах, указующих нам жизненный путь, неспособны их сочинить. Будто мы просто раз за разом возвращаемся к старым сказкам, интерпретируя их на новый лад. Будто мы упростили, сгладили сложности, моральную неоднозначность, грубую неприкрашенную жуть и насилие оригинальных повествований, превратив их в сказки, подходящие для детей, и разучились мечтать.

Очевидно, профессор Магги уверен, что у нас нет новых сказок, способных прийти на смену старым, и что никто не «спасает» волшебные сказки, сочиняя новые.

Какая чушь!

Должно быть, профессор Магги просто не читает художественной литературы (и не обращает внимания на прочие виды искусства и прессу). На свете существуют мириады волшебных сказок, великолепно переосмысленных, пересказанных и сочиненных в наши дни. И ничуть не выхолощенных в угоду малышам: многие из этих повествований так же суровы, революционны, возмутительны, причудливы и сильны, как те, что были созданы в старину. Одни, при всей их неожиданности и богатстве приключениями, с немалой точностью воспроизводят предшественниц. Другие – как, например, произведения Анджели Картер – вливают в старые бутылки молодое вино, да так, что под напором молодого вина старые бутылки лопаются.

А многие авторы расширяют и укрепляют фундамент нашей мечты при помощи «вина» иных, новых для Запада культур...

Черт возьми, профессор Магги, и все это происходит уже сорок лет!

Неужто вы никогда не слышали (назову лишь немногих) о Холли Блэк, о Сюзанне Кларк, о Льве Гроссмане, о Грегори Макгуайре, о Робин Маккинли, о Мариссе Майер, о Кэтрин М. Валенте, о Джейн Йолен? И даже о Ниле Геймане?!

То, что мы утратили некоторую «мораль», некие существенные элементы, некоторых персонажей древних сказок, безусловно, верно. И с досточтимым профессором трудно спорить, когда он утверждает, что первым шагом к новому открытию силы волшебных сказок должно стать полное понимание их корней, доскональное исследование истории устного и письменного повествования.

По крайней мере, я думаю, что именно эту идею он развивает на четырехстах сорока восьми страницах своей книги «Сохраняя волшебство: “Сказка сказок” Джамбаттисты Базиле и ее дальнейшая жизнь в традиции волшебной сказки». Признаюсь, мои впечатления об этой работе основаны только на интервью, выдержках и тому подобном. Сама же книга, как и то, что я пишу здесь, еще не вышла из печати. И, поскольку читанные мной выдержки нередко просто смешны, а книга будет стоить 55 долларов, я вряд ли прочту ее в обозримом будущем.

Но, когда «Юниверсити оф Чикаго Мэгэзин» рассказывает о том, как Магги в разговоре на эту тему неизбежно спрашивают: «Так где же новые сказки?», а он может ответить

только одно: «Необходим культурный сдвиг. Одному человеку волшебной сказки не спасти», – и настаивает на том, что этого не делает никто на свете, – возникает ощущение, что интуиция меня не обманывает.

Что касается исследования, понимания и нового открытия – все это я также наблюдаю уже не первый десяток лет. Не сомневаюсь: его книга – еще один достойный вклад в изучение волшебной сказки. Но и Мария Татар, и Марина Уорнер, и Рут Б. Боттихеймер, и Джек Ципес, и многие-многие другие отнюдь не сидели сложа руки со времен простого обзора сюжета, структуры, стиля и смысла волшебной сказки «Давным-давно: О природе народных сказок» (*Es war einmal: Vom Wesen des Volksmärchens*, 1962), сделанного Максом Люти, или с тех пор, как Бруно Беттельгейм подлил бензину в огонь, анализируя волшебные сказки с точки зрения фрейдистской психологии в «Пользе зачарованности» (*The Uses of Enchantment*, 1976)... а то и со времен еще более ранних исследователей.

Что до неспециалистов – похоже, очень многие хотели бы больше узнать о том, какими изначально были старые сказки, ныне известные в нескольких вариантах. Для этого они находят в Сети бесплатные источники и прибегают к ним. Например, к «Оригинальным народным и волшебным сказкам братьев Гримм» Джека Ципеса, благодаря которому все 156 сказок из собрания братьев Гримм в редакциях 1812 и 1815 гг. впервые увидели свет на английском. Довольно дорогое издание в твердом переплете (а также в виде электронной и аудиокниги), выпущенное «Принстон Университи Пресс» в 2014-м, тоже раскупается очень неплохо – и вовсе не только библиотеками.

Читают и «новые» старые сказки. Выпущенная издательством «Пингвин букс» в 2015-м «Принцесса-репка и другие недавно обнаруженные волшебные сказки» представляет читателю 500 волшебных сказок из собрания Франца Ксавера фон Шенверта под редакцией Эрики Ахензеер, пролежавших под замком в немецких архивах более ста пятидесяти лет. Для книги из области «общественных наук» она привлекла значительное внимание и очень неплохо раскупается...

Кхм.

Уж не знаю, удалось ли мне с самого начала не сбиться с пути, но, если и так, теперь-то я уж точно отклонилась далеко в сторону. Подводя итог, скажу: волшебные сказки способны к преобразованию и нужны людям. Старые сказки развиваются, эволюционируют, и наряду с этим создаются новые. Не каждая из них порадует всех до одного, не всякий читатель найдет в них удовлетворение культурных потребностей или хотя бы развлечение. Но, поскольку в наши дни они развиваются в таком множестве различных направлений, все шансы – за то, что хотя бы некоторые из путей их развития верны. Корни волшебных сказок раскинулись по всему миру, и, уж конечно, из них произрастает далеко не один стебелек. Их стебли выются, ветвятся, сплетаются друг с другом, разрастаются, мутируют, порождая бесконечное множество новой, свежей литературной флоры.

Ее цветы вовсе не сложно найти.

В эту минуту целых тридцать из них – здесь, прямо в ваших руках!²

Пола Гуран
Июль 2015 г.

² Нетрудно заметить, что источники рассказов, собранных под обложкой этой антологии, многочисленны и разнообразны: семь различных печатных и электронных журналов, пятнадцать антологий из трех разных стран, четыре разных авторских сборника, и даже фотоальбом! – Прим. ред. – сост.

Неожиданные интерпретации сюжета «Белоснежки» в наши дни не новость, но рассказ «Румяна, как кровь», написанный Танит Ли в 1979-м, пожалуй, впервые так фундаментально развенчивает, переворачивает традиционный сюжет с ног на голову. Значительным новшеством было и скрещение волшебной сказки с клише из рассказов ужасов. А, прибегая к христианской мифологии, Ли перекликается с братьями Гримм, но выбивает из колеи любителей фэнтези, привыкших к более мирской символике. Рассказ был номинирован на премию «Небьюла» и на «Всемирную премию фэнтези».

Красна, как кровь

3

Прекрасная королева-ведьма распахнула резные костяные дверцы, закрывавшие волшебное зеркало. А сделано было то зеркало из темного золота – из темного золота точно того же цвета, что и локоны королевы-ведьмы, ниспадавшие на ее плечи и спину. Так вот, сделано было то зеркало из темного золота, и было оно очень древним – таким же древним, как и семь черных корявых карликовых деревьев, растущих за бледно-голубым стеклом окна.

– *Speculum, speculum*, – сказала волшебному зеркалу королева-ведьма. – *Dei gratia*.⁴

– *Volente Deo. Audio*, – ответило зеркало.⁵

– Зеркальце мое, – спросила королева-ведьма, – ответь: кого ты видишь?

– Вижу тебя, госпожа, – отвечало зеркало, – и всех в нашей земле. Кроме одного.

– Зеркало, зеркало, кого же ты не видишь?

– Не вижу одной только Бьянки.

Королева-ведьма осенила себя крестным знаменем. Закрыв дверцы зеркала, она медленно подошла к окну и взглянула сквозь бледно-голубое стекло наружу, на древние карликовые деревца.

Четырнадцать лет тому назад здесь, у этого самого окна, стояла другая женщина, совсем не такая, как королева-ведьма. Волосы ее были черны и ниспадали вниз до самых щиколоток, а одета она была в багровое платье, перепоясанное высоко, под самой грудью, так как совсем скоро ей предстояло родить на свет дитя. Распахнув застекленные рамы, она выглянула в зимний сад, где съжились среди сугробов старые деревья. Взяв костяную иглу, она вонзила ее в палец и стряхнула на землю три яркие красные капли.

– Пусть будут у моей дочери, – заговорила женщина, – волосы – черные, как мои, черные, как эти кривые колдовские деревья. Пусть будет кожа ее, как моя – белой, как этот снег. И пусть будут губы ее, как мои – красны, как моя кровь.

Тут женщина улыбнулась и лизнула уколотый палец. Корона на ее голове сверкнула в сумерках, будто звезда. Она никогда не подходила к окну до сумерек, так как не любила день. Она-то и была первой королевой, и у нее не было зеркал – ни одного.

Вторая королева, королева-ведьма, обо всем этом знала. Знала, что первая королева умерла, рожая дочь. Гроб с ее телом отнесли в собор, прочли заупокойную мессу. Ходили вздорные слухи, будто под брызгами святой воды мертвая плоть задымилась. А еще считалось, что первая королева приносит королевству несчастья. Стоило ей появиться во дворце, всю страну охватил странный мор – опустошительная болезнь, от которой не было исцеления.

Минуло семь лет. Король женился на второй королеве, не похожей на первую в той же мере, в какой ладан не похож на смирну.

– А это моя дочь, – сказал король своей второй королеве.

Неподалеку стояла маленькая девочка почти семи лет от роду. Ее черные волосы ниспадали вниз до самых щиколоток, ее кожа была бела, как снег. На губах девочки, красных, как кровь, играла улыбка.

– Бьянка, – сказал король, – ты должна полюбить свою новую матушку.

Бьянка улыбнулась ослепительнее прежнего. Зубы ее блеснули, как острые костяные иглы.

³ “Red as Blood” © 1979 Tanith Lee. First publication: *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, July 1979.

⁴ Зеркало, зеркало. Милостью Божией (лат.). Здесь и далее – примеч. пер.

⁵ Волею Господа. Слушаю (лат.).

– Идем, Бьянка, – сказала королева-ведьма. – Идем со мной. Я покажу тебе мое волшебное зеркало.

– Пожалуйста, мама, не надо, – тихонько ответила Бьянка. – Я не люблю зеркал.

– Она скромна, – пояснил король. – И очень нежна. Никогда не выходит из дворца днем. Солнечные лучи причиняют ей боль.

В ту же ночь королева-ведьма распахнула дверцы волшебного зеркала.

– Зеркальце мое, кого ты видишь?

– Вижу тебя, госпожа, и всех в нашей земле. Кроме одного.

– Зеркало, зеркало, кого же ты не видишь?

– Не вижу одной только Бьянки.

Тогда вторая королева подарила Бьянке крохотное распятие из филигранного золота. Но Бьянка не приняла подарка. Она побежала к отцу и зашептала:

– Боюсь, мне не нравится вспоминать, что Господь наш умер в муках на кресте. Она хочет меня напугать. Вели ей убрать это.

Тогда вторая королева вырастила в саду дикие белые розы и пригласила Бьянку прогуляться после заката, чтобы взглянуть на них. Но Бьянка отпрянула прочь.

– Шипы непременно уколют меня, – зашептала она отцу. – Она хочет мне зла.

Шли годы, Бьянке исполнилось двенадцать, и королева-ведьма сказала королю:

– Бьянке нужно пройти конфирмацию, чтобы она могла ходить с нами к причастию.

– Это невозможно, – отвечал король. – Скажу тебе: она даже не крещена, такова была последняя воля моей прежней жены. Она молила не делать этого, ибо ее вера отлична от нашей. Как же не уважить последнюю волю покойной?

– Но разве тебе не хотелось бы получить благословение церкви? – спросила Бьянку королева-ведьма. – Преклонить колени у золотого ограждения перед мраморным алтарем? Пропеть хвалу Господу, отведать пресуществленного хлеба, глотнуть пресуществленного вина?

– Она хочет, чтоб я предала свою родную мать, – сказала Бьянка королю. – Когда же она прекратит меня мучить?

В тот день, когда Бьянке исполнилось тринадцать, она поднялась с постели и увидела на простынях пятно – красное-красное, будто роза.

– Теперь ты стала женщиной, – сказала ей нянюшка.

– Да, – откликнулась Бьянка.

И подошла она к ларцу с драгоценностями родной матери, и вынула из него материнскую корону, и водрузила ее на голову.

И когда она шла в сумерках под древними черными деревьями, корона сверкала, будто звезда.

И опустошительная хворь, не тревожившая земли королевства вот уж тринадцать лет, внезапно вспыхнула снова, и исцеления от нее не было.

Королева-ведьма сидела в высоком кресле у окна, забранного бледно-зеленым и темно-белым стеклом, а в руках держала Библию в переплете из розового шелка.

– Ваше величество? – с низким поклоном сказал охотник.

То был человек лет сорока – сильный, приятный на вид, искушенный и в тайнах леса, и в оккультных знаниях земли. И убивал он без колебаний – таково уж было его ремесло. Убивал и хрупких, стройных оленей, и лунокрылых птиц, и пушистых зайцев с печальным всепонимающим взглядом. Да, он жалел их, но, жалея, убивал. Жалость не могла помешать ему. Таково уж было его ремесло.

– Посмотри в сад, – сказала королева-ведьма.

Выглянул охотник в сад сквозь темно-белое стекло. Солнце уже село за горизонт, и под деревьями гуляла девушка.

- Там принцесса Бьянка, – сказал охотник.
- А еще что? – спросила королева-ведьма.
- Охотник перекрестился.
- Сохрани меня Господь, владычица, не скажу.
- Но знаешь?
- Кто же этого не знает?
- Король не знает.
- Или знает слишком хорошо.
- Ты человек храбрый? – спросила королева-ведьма.
- Летом я охочусь на диких вепрей. Зимой истребляю волков.
- Но достаточно ли ты храбр?..
- Если таков будет ваш приказ, госпожа, – отвечал охотник, – я постараюсь.

Королева-ведьма, не глядя, открыла Библию. Внутри оказалось плоское серебряное распятие, указывавшее на слова: «Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень».

Охотник поцеловал распятие, надел его на шею и спрятал на грудь, под рубашку.

– Подойди ближе, – велела королева-ведьма, – и я объясню, что тебе нужно будет сказать.

И вот, как только зажглись в небе звезды, вышел охотник в сад. Подошел он к Бьянке, стоявшей под кривым карликовым деревом, и встал на колени.

– Принцесса, – сказал он, – прошу прощения, но я пришел с дурной вестью.

– Рассказывай же, – велела девочка, играя длинным бледным стеблем сорванного ночного цветка.

– Ваша мачеха, эта треклятая завистливая ведьма, задумала погубить вас. Помочь тут ничем нельзя, но вы должны бежать из дворца – сейчас, этой же ночью. Если позволите, я отведу вас в лес. Там – те, кто позаботится о вас, пока опасность не минует и вы не сможете вернуться домой.

Бьянка не сводила с него глаз, но взгляд ее был мягок, доверчив.

– Что ж, я пойду с тобой, – сказала она.

Потайным путем – подземным ходом – вышли они из сада, прошли сквозь густую рощу диких яблонь, и двинулись по разбитой дороге среди огромных кустов.

В ночи, дышащей темной, искристой синевой, дошли они до леса. Ветви деревьев сомкнулись над их головами, будто огромный оконный переплет. Сквозь них, точно за синим стеклом, тускло мерцало небо.

– Я устала, – вздохнула Бьянка. – Можно мне чуточку отдохнуть?

– Конечно, – ответил охотник. – Вон там, на полянке, по ночам собираются поиграть лисы. Смотрите туда и непременно увидите их.

– Как ты умен, – сказала Бьянка. – И как мил на вид.

Усевшись в траву, она устремила взгляд в сторону поляны.

Охотник беззвучно вытащил нож, спрятал его в складках плаща и встал над девушкой.

– Что такое ты шепчешь? – спросил он, опуская руку на ее волосы – черные, как черное дерево.

– Всего лишь стишок, которому научила меня матушка.

Тогда схватил ее охотник за волосы, запрокинул ей голову и занес нож над ее белым горлышком. Но удара не последовало – ведь в руке его оказались золотистые кудри королевы-ведьмы, а смеющееся лицо, обращенное к нему, было ее лицом!

Захохотав, королева-ведьма обняла его и сказала:

– О, добрый человек, о, милый мой, все это было лишь испытанием! Разве я не ведьма? И разве ты не любишь меня?

Охотник затрепетал. Он и вправду любил королеву-ведьму, а она прижалась к нему так крепко, что ему почудилось, будто ее сердце бьется в его груди.

– Спрячь нож. А дурацкое распятие выброси. Все это нам ни к чему. Король и вполнину не так хорош, как ты.

Послушался ее охотник и отшвырнул и нож, и распятие далеко-далеко, под корни деревьев. Привлек он королеву к себе, а она припала лицом к его шее, и боль ее поцелуя была последним, что он почувствовал на этом свете.

На ту пору небо стало черным-черно, а лес – еще чернее. Лисы так и не пришли поиграть на полянке. Взошла луна, и ее бледный луч, пронизав полог леса, блеснул в пустых, мертвых глазах охотника. Бьянка утерла губки увядшим цветком.

– Семеро спят, семеро – нет, – сказала Бьянка. – Дерево к дереву. Кровь к крови. А вы – ко мне.

В ответ на эти слова вдалеке, за деревьями, за разбитой дорогой, за яблоневою рощей, за подземным ходом, раздался громкий треск – один, другой, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой. За ним последовал грохот – точно тяжкие шаги семи огромных ног. Ближе. Ближе...

Хоп, хоп, хоп, хоп. Хоп, хоп, хоп.

От семи тяжелых, глухих ударов содрогнулась яблоневая роща.

Семь черных пятен скользнули вдоль разбитой дороги среди высоких кустов.

Зашуршали ветки, затрещали сучья.

Из лесу на полянку вышли семеро – семь жутких, уродливых, согбленных, низкорослых тварей. Черный, как черное дерево, мох шкур, черные, как черное дерево, безволосые маски лиц. Глаза – точно блестящие щелки, пасти – точно сырые пещеры. Бороды из лишайника. Пальцы – кривые сучки. Оскалились. Преклонили колени. Припали лицом к земле.

– Приветствую вас, – сказала Бьянка.

Тем временем королева-ведьма подошла к окну цвета разбавленного вина и взглянула в волшебное зеркало.

– Зеркальце мое, кого ты видишь?

– Вижу тебя, госпожа. Вижу человека в лесу. Шел он на охоту, да только не за оленем. Глаза его открыты, да только он мертв. Вижу и всех прочих в нашей земле. Кроме одного.

Королева-ведьма прижала ладони к ушам.

В саду, раскинувшемся под окном, больше не было семи черных, кривых карликовых деревьев.

– Бьянка... – прошептала королева.

Окна были завешены и не давали света. Свет хлынул в комнату из неглубокой чаши, поднявшись над нею, будто синеватый пшеничный сноп. Свет этот озарил четыре мечя, указывавших на север и на юг, на восток и на запад.

Четыре ветра ворвались в зал, скрылись под тремя арочными сводами, вздымая в воздух холодные огни, иссушая моря, взвихряя серебристую пылью Времени.

Руки королевы-ведьмы вспорхнули в воздух, будто свернутые листья, пересохшие губы дрогнули, и королева-ведьма запела:

– *Pater omnipotens, mittere digneris sanctum Angelum tuum de Infernis*⁶.

Свет приугас, засиял ярче прежнего...

И видит королева: там, меж рукоятей четырех мечей, стоит во всей своей мрачной красе ангел Люцифиэль; лицо его скрыто в тени, за спиной златом сверкают распростертые крылья.

⁶ Отче всемогущий, ниспошли мне святого Ангела Твоего из Преисподней (лат.).

– Коли уж ты призвала меня, твое желание мне известно. Безрадостным будет оно. Ты просишь о страдании.

– Тебе ли говорить о страдании, Владыка Люцифиэль, познавший самую жестокую муку на свете? Ту муку, что хуже гвоздей в ступнях и запястьях? Ту муку, что хуже тернового венца, и укуса на губах, и острой стали в подреберье? Да, многие взывают к тебе ради злых дел, но я не из их числа. Я понимаю твою истинную природу, сын Божий, брат Сына Божия.

– Что ж, ты узнала меня. Я исполню то, о чем ты просишь.

И с этими словами Люцифиэль (именуемый некоторыми Сатаной, Князем Мира Сего, однако ж, по замыслу Божию – левая длань, шуйца Господа) призвал с небес молнию и поразил ею королеву-ведьму.

Ударил молния королеву в грудь, и рухнула королева замертво.

Сноп света, поднимавшийся над чашей, озарил золотые глаза Ангела, и, как ни ужасен был взор их, они были полны сострадания. Миг – и четыре меча разлетелись вдребезги, и Люцифиэль исчез.

А королева-ведьма с трудом поднялась с пола. Вся красота ее исчезла, как не бывало. Прекрасная королева превратилась в дряхлую слюнявую старуху.

Сюда, в чащу леса, солнечный свет не проникал даже в ясный полдень. В траве там и сям виднелись цветы, но все они были бесцветны. С черно-зеленой крыши над головой свисали тенета густого, зеленоватого полумрака, в котором порхали бабочки-альбиносы да трепетали, точно в горячке, мотыльки. Стволы деревьев были гладки, словно стебли подводных трав. Здесь среди бела дня порхали летучие мыши и птицы, тоже считавшие себя летучими мышами.

И был здесь склеп, поросший мхом. Кости, выкатившиеся наружу, лежали в беспорядке у подножья семи корявых карликовых деревьев. Да, выглядели они, как деревья. Но иногда они двигались. А иногда среди морщин их коры поблескивало во влажном сумраке нечто вроде узкого глаза или клыка.

В тени от двери склепа сидела, расчесывая волосы, Бьянка.

Вдруг густой сумрак дрогнул, встревоженный шарканьем шагов.

Семь деревьев, семь карликов повернули головы на звук.

Из лесу на поляну вышла безобразная дряхлая старуха. Спина ее была согнута дугой, отчего голова – сплошь в морщинах, почти лишенная волос, как у стервятника – хищно торчала вперед.

– Вот мы наконец-то и здесь, – скрипучим, как у стервятника, голосом проскрежетала старуха.

Подойдя ближе, она с трудом опустилась на колени и пала перед Бьянкой ниц, уткнувшись лицом в траву среди блеклых цветов.

Бьянка глядела на нее во все глаза. Старуха поднялась и обнажила в улыбке желтые пеньки зубов.

– Я пришла к тебе от ведьм с низким поклоном и с тремя дарами, – сказала она.

– Зачем тебе это?

– Ишь, какое шустрое дитя – а ведь ей всего четырнадцать. Зачем? Из страха перед тобой. Я принесла дары, чтобы снискать твое благоволение.

Услышав это, Бьянка рассмеялась:

– Что ж, показывай.

Старуха взмахнула рукой в зеленоватом воздухе, и в руке ее появился шнур из пестрого шелка, затейливо переплетенного с человеческими волосами.

– Вот пояс, что защитит тебя от злых козней попов – от распятия, от потира, от этой треклятой святой воды. Вплетены в него и волосы непорочной девы, и волосы женщины нестроного нрава, и волосы покойницы. А вот... – еще взмах руки, и на ладони старухи появился

лаковый гребень, расписанный лазурью по зелени, – ...вот гребень из самых морских глубин, русалочья безделка, чтоб очаровывать и повелевать. Расчешь им локоны, и ноздри мужчин наполнит аромат моря, а уши – рокот волн, и этот рокот свяжет их надежнее любых цепей. И, напоследок, – добавила старуха, – тот древний символ коварства, тот красный Евин плод, то самое яблоко, румяное, как кровь. Откуси кусочек – и разом познаешь все зло, которым похвалялся змей.

Взмахнула старуха рукой в последний раз, добыла прямо из воздуха яблоко и вместе с поясом и гребнем подала его Бьянке.

Но Бьянка окинула взглядом семь кривых карликовых деревьев.

– Дары мне по нраву, – сказала она. – Но я не слишком доверяю ей.

Из клочковатых бород выглянули наружу безволосые маски. Блеснули щелки глаз. Щелкнули сучковатые когти.

– Но все-таки, – продолжала Бьянка, – я позволю ей повязать мне пояс и расчесать волосы гребнем.

Старуха, расплывшись в глупой ухмылке, повиновалась и заковыляла к Бьянке, будто жаба. Повязала ей пояс. Расчесала надвое волосы. Зашипели, брызнули искры: от пояса – ослепительно-белые, от гребня – цвета павлиньего глаза.

– А теперь, старуха, отдавай-ка сама свое яблоко.

– Какая честь для меня, – заскрипела старуха. – Расскажу сестрицам, что разделила с тобой этот плод – то-то они позавидуют!

С этими словами вгрызлась старуха в яблоко, шумно зачавкала, проглотила, да еще облизнулась.

Тогда и Бьянка взяла яблоко, впилась в него зубками...

И, вскрикнув, поперхнувшись, вскочила на ноги! Ее волосы закрубились в воздухе, словно черная грозовая туча. Лицо ее посинело, почернело, как аспидная доска, и снова сделалось белым. Пала Бьянка среди бледных цветов и замерла, не шевелясь и даже не дыша.

Семь карликовых деревьев засучили лапами, затрясли клочковатыми бородами, но все напрасно. Без помощи Бьянки они не могли сдвинуться с места. Их когти рванули старуху за редкие волосы, за плащ, но та, проскочив между ними, пустилась бежать – по залитым солнцем лесным полянам, вдоль разбитой дороги, через яблоневую рощу, в тайный подземный ход.

Вернувшись потайным ходом во дворец, старуха поднялась потайной лестницей в покои королевы. Спина ее согнулась чуть ли не вдвое, ладонь была прижата к ребрам. И вот костлявые пальцы старухи распахнули резные костяные дверцы волшебного зеркала.

– *Speculum, speculum. Dei gratia.* Кого ты видишь?

– Вижу тебя, госпожа. И всех в нашей земле. И вижу я гроб.

– Чье тело лежит в том гробу?

– А этого я не вижу. Должно быть, Бьянки.

Старуха – она-то и была прекрасной королевой-ведьмой – устало опустилась в высокое кресло перед окном из огуречно-зеленого и темно-белого стекла. Лекарства и снадобья ждали, готовые избавить королеву от безобразной колдовской старости, насланной на нее ангелом Люцифиэлем, но она не спешила прибегнуть к ним.

Яблоко таило в себе частицу Тела Христова, гостию, святое причастие.

Положив на колени Библию в переплете из розового шелка, королева-ведьма открыла ее, не глядя.

И в страхе прочла первое попавшееся на глаза слово: *Resurcat*⁷.

⁷ Восстань, возродись (лат.).

Казалось, гроб отлит из стекла – из стекла молочно-белого цвета. А появился он вот как. От кожи Бьянки поднимался тоненький белый дымок. Она дымилась, как дымится огонь, угасающий под каплей воды. А все – кусочек святого причастия, застрявший в ее горле. Он-то, словно вода, погасившая ее огонь, и заставил ее задымиться.

Затем на землю пала ночная роса, к полночи похолодало, вот дым угасающей Бьянки и застыл вокруг нее льдом. А иней украсил глыбу туманного льда, внутри которой покоилась Бьянка, серебряными узорами.

Холодное сердце Бьянки не могло растопить лед. Не растаял он и в зеленом, лишенном солнца сумраке дня.

Оставалось лишь любоваться на нее, распростертую в гробу, сквозь стекло. И как же прекрасна Бьянка была с виду! Черна, как черное дерево, бела, как снег, румяна, как кровь...

Над гробом нависли семь карликовых деревьев. Шли годы. Деревца разрослись, раскинули ветви, укачивая гроб, точно в колыбели. Глаза их сочились плесенью и зеленой смолой. Янтарно-зеленые капли застывали поверх стеклянного гроба россыпью драгоценных камней.

– Кто это лежит здесь, под деревьями? – спросил принц, выехавший на полянку.

Казалось, он привел за собой золотую луну, озарившую золото его кудрей, и золото его доспехов, и его плащ белой парчи, расшитый золотым и черным, кроваво-алым и васильково-синим. Его белый скакун ступал по блеклым цветам, но, стоило коню поднять копыто, цветы поднимались вновь. С седельной луки свисал щит, и странный же то был щит: с одной стороны – морда льва, с другой – морда ягненка.

Деревца застонали, головы их затрещали, разевая огромные пасти.

– Уж не гроб ли это Бьянки? – спросил принц.

– Оставь ее с нами, – заскрипели семь карликовых деревьев, изо всех сил стараясь вытянуть из земли корни.

Земля задрожала. Гроб подскочил кверху и треснул пополам. Бьянка кашлянула, и...

От толчка кусочек святого причастия выскочил из ее горла. Гроб разлетелся на тысячу осколков. А Бьянка села, удивленно взглянула на принца и улыбнулась.

– Привет тебе, любимый, – сказала она.

Поднявшись на ноги, Бьянка откинула с лица волосы и пошла навстречу принцу на бледном коне.

Но, сделав шаг, она очутилась в сумрачном пурпурном зале. Еще шаг – и пурпурный зал сменился алым, и свет, исходящий от алых стен, пронзил ее, точно тысяча ножей.

Еще шаг – и Бьянка вошла в желтый зал, и там услышала плач, раздиравший уши. Казалось, и тело, и кости ее исчезли – осталось лишь бьющееся сердце. Биения сердца сделались парой крыльев, и Бьянка взлетела. Вот она – ворон, а вот – сова... Устремившись вперед, она влетела в искристое стекло. Сияние опалило ее, раскалило добела, сделало белой, как снег. Теперь она стала голубем.

Усевшись на плечо принца, она спрятала голову под крыло. В ней больше не было ни черного, ни красного.

– Начни все заново, Бьянка, – сказал Принц, снимая ее с плеча.

На его запястье белела отметина. Будто звезда. Когда-то сюда вбили гвоздь...

Бьянка вспорхнула ввысь, пронеслась над пологом леса и влетела в открытое окно – изящное окно цвета разбавленного вина. Она была во дворце. И было ей семь лет от роду.

Новая матушка, королева-ведьма, повесила ей на шею филигранное золотое распятие.

– Зеркальце мое, – спросила королева-ведьма, – ответь: кого ты видишь?

– Вижу тебя, госпожа, – отвечало зеркало, – и всех в нашей земле. Вижу и Бьянку.

Танил Ли

* * *

Танит Ли родилась в Лондоне в 1947 г. и мирно отошла в мир иной после долгой болезни в Гастингсе, Восточный Суссекс, в 2015-м. Окончив среднюю школу, она сменила множество мест работы, а в двадцать пять проучилась около года в художественном колледже. Затем издательство «ДОУ Букс» опубликовало ее роман «Восставшая из пепла», и с тех пор она полностью посвятила себя литературе. На ее счету около девяноста романов и авторских сборников и более трехсот рассказов. Кроме этого, она писала для радио и телевидения. Произведения Танит Ли были удостоены ряда премий, включая две Всемирные премии фэнтези за лучший рассказ. В 2009 г. ей было присвоено звание Грандмастера мирового конвента любителей ужасов, а в 2013-м она получила Всемирную премию фэнтези за заслуги перед жанром. Была замужем за писателем и художником Джоном Кайином.

Джин Вулф, истинный мастер слова, превращает знакомую старую сказку (или две) в современный детектив, одновременно смешной и ужасный. Возможно, вы усмехнетесь, возможно, покроетесь гусиной кожей с головы до пят. А, может, и то, и другое.

Впервые опубликованный, рассказ «В пряничном домике» был выдвинут на Всемирную премию фэнтези.

В пряничном домике

8

Дровосек шел по тропинке к крыльцу. Нарядный старый дом наблюдал за ним из-под опущенных век жалюзи. Одет дровосек был в красно-коричневый твидовый костюм, а неприметную машину оставил у обочины. Почувствовав его шаги по ступеням и быстрый стук в дверь, дом задался вопросом: как же он ухитрился проехать по дорожке среди деревьев? Надо будет сказать ведьме: пусть раздробит его кости и высосет костный мозг.

С этими мыслями дом звякнул дверным колокольчиком.

Тина Гейм отперла дверь, не забыв накинуть цепочку, хотя ждала всего-навсего очередную соседку с миской капустного салата. Она слыхала, что Смерти полагается приносить куриную лапшу, но в этих краях, похоже, был принят капустный салат. Хотя вот Джерри кто-то принес вальфдорский...

– Лейтенант Прайс, – без улыбки сказал дровосек, раскрыв перед ней черный кожаный чехол с жетоном. – А вы – миссис Гейм? Хотелось бы побеседовать с вами.

– Неужто дети... – начала она.

– Мне хотелось бы побеседовать с вами, – повторил он. – И лучше бы – в доме и сидя.

– Ладно.

Сбросив цепочку, Тина распахнула дверь. Прайс шагнул в дом.

– Вы были заняты на кухне.

Взгляда на свой передник Тина не заметила. Видимо, как-то да углядел...

– Пекла пряничных человечков для школьных ланчей, – пояснила она. – Люблю каждый день подкладывать детям в коробки с ланчем по паре печенек.

Все еще не улыбаясь, дровосек кивнул:

– Пахнут вкусно. Можем там и поговорить, а вы сможете следить за ними, чтобы не подгорели.

– Они уже готовы. В микроволновке всех дел – на пару минут. Не могли бы вы...

Но было поздно. Он проскользнул мимо нее и скрылся из виду. Поспешно пройдя сквозь темную прихожую и полумрак обеденного зала, Тина обнаружила незваного гостя в своей кухне, удобно устроившимся в кухонном кресле.

– А вправе ли вы вот так запросто врывать к людям в дом?

Он покачал головой:

– Знаете, я и не думал, что в микроволновке можно что-то испечь.

Поколебавшись между гостеприимством и возмущением, Тина решила остановиться на первом.

– Пирог не взойдут, это да, а вот печенье получается прекрасно. Хотите попробовать?

Лейтенант согласно кивнул.

– И чашечку кофе? Или молока, если угодно?

– Кофе будет окей, – сказал он. – Нет, миссис Гейм, вот так запросто врывать к людям в дом мы не вправе: тут требуется постановление об обыске. Но, как только вы впускаете нас внутрь, нас уже не остановить. Можем пройти, куда пожелаем. Сейчас я, например, могу подняться к вам спальню и обыскать ваш комод.

– Но вы не...

Он замотал головой:

⁸ “In the House of Gingerbread” © 1987 Gene Wolfe. First publication: *The Architecture of Fear*, eds. Peter D. Pautz & Kathryn Cramer (Arbor House). Reprinted with the permission of the author and the author's agents, the Virginia Kidd Agency, Inc.

– Нет-нет, я просто привел пример. Таковы уж законы в нашем штате.

Опустив взгляд, Тина непонимающе уставилась на маленькую кофейную чашку с улыбающейся рожицей на боку. Чашка была доверху полна черного кофе. Она налила его бездумно, будто автомат.

– Добавить сливок? Сахара?

– Нет, спасибо. Присядьте, миссис Гейм.

Тина села к столу. Ее обычное кресло занял незванный гость. Пришлось сесть напротив, в кресло Джерри. Аккуратно выдвигая его и усаживаясь, Тина почувствовала себя так, будто явилась на собеседование, наниматься на работу.

– Ну что ж, начнем, – сказал дровосек, сложив руки домиком.

Жест показался Тине каким-то старческим, хотя выглядел гость не старше нее. «В конце концов, я у себя дома, – подумала она. – И, если уж это собеседование, вопросы задавать буду я». Однако Тина прекрасно понимала, что это не так.

– Миссис Гейм, в прошлом году, в ноябре, умер ваш муж.

Тина сдержанно кивнула.

– И причиной смерти был?..

– Рак легких. Так сказано в свидетельстве о смерти. – Тине тут же представились обложки бесчисленных книжонок в мягких переплетах: «Убийство в “Восточном экспрессе”», «Флетч», «Тайна исчезнувшей шляпы»... – Вы сказали, вы – лейтенант... откуда? Из отдела по расследованию убийств? Бог мой, я в детективном романе!

– Нет, – в который раз сказал он. – Никакой это не роман, миссис Гейм. Просто нужно кое-что уточнить. Ваш покойный супруг много курил?

Тина покачала головой:

– Джерри не курил.

– Может, он раньше много курил, а потом бросил?

– Нет, – ответила Тина. – Джерри не курил никогда в жизни.

Прайс кивнул – будто бы собственным мыслям – и глотнул кофе.

– Я читал, порой и пассивное курение может плохо кончиться. Скажите, миссис Гейм, а вы курите? Пепельниц я не вижу.

– Нет. Нет, лейтенант, я не курю. И никогда не курила.

– А-га... – Правая рука гостя, выпустив ручку чашки с улыбающейся рожицей, скользнула к карману рубашки. – А я вот, так уж вышло, миссис Гейм, курю. Вы не возражаете?

– Конечно, нет, – соврала Тина.

Пепельницы для гостей лежали в шкафчике. Поднявшись, она выставила одну из них на стол.

Лейтенант достал сигарету и прикурил от одноразовой пластиковой зажигалки.

– Пытаюсь бросить, – сообщил он, наполняя легкие дымом. – А не был ли ваш муж химиком, миссис Гейм? На химическом производстве не работал?

Она покачала головой:

– Джерри был юристом.

И Прайс все это, конечно же, знал.

– И умер он в возрасте?..

– Сорока одного.

– Очень ранняя смерть для того, кто никогда в жизни не курил и умер от рака легких, миссис Гейм.

– Доктор, лечивший Джерри, так и сказал.

Не желая снова расплакаться, Тина налила кофе и себе, добавила сливки и диетический подсластитель и долго, пока, наконец, не сумела совладать с чувствами, размешивала его.

Когда она снова села к столу, лейтенант сказал:

– Должно быть, многие удивлялись. Моя жена умерла около трех лет назад, и я сразу понял: вопросов будет целая куча.

Тина рассеянно кивнула, глядя на блюдечко на противоположном краю кухонного стола. Еще недавно на нем лежал нетронутый пряничный человечек. Теперь он исчез.

– Они просветили легкие Джерри рентгеном, лейтенант, – сказала она. – Рентген показал рак. Так нам сообщили.

– Я знаю, – ответил он.

– Но все же не верите, что Джерри умер от рака?

Лейтенант пожал плечами:

– А теперь еще и ваш малыш... Как, говорите, его звали?

Тина изо всех сил постаралась спрятать подальше все чувства, и ей это удалось.

– Его звали Аланом.

– И месяца не прошло... Должно быть, нелегко вам пришлось.

– Именно. Лейтенант, мы можем говорить откровенно? К чему весь этот разговор?

Прайс сделал еще глоток кофе.

– Хорошо. Как бы там ни было, у вас остались еще двое. Мальчик и девочка, верно?

– Генри и Гейл, – кивнула Тина. – Но Генри с Гейл на самом деле не мои.

Во взгляде лейтенанта в первый раз мелькнуло удивление:

– Как так?

– Они – приемные дети, вот и все. Конечно, я люблю их, как собственных. По крайней мере, стараюсь.

– Этого я не знал, – сказал он. – Но Алан был?..

– Нашим ребенком. Нашим с Джерри.

– Ваш муж уже однажды был женат. Развод?

– Да. Джерри получил полную опеку. А Рона даже не имела... не имеет прав навещать их.

– Вот, значит, как, – задумчиво сказал он.

– Да, лейтенант. Вот так.

– А что же будет теперь, когда вашего мужа не стало?

Прайс стряхнул пепел в салатное блюдечко, на котором лежал пряничный человечек.

– Не знаю. Если Рона попробует забрать их, пойду в суд, а там увидим. Так вы ответите, наконец, к чему весь этот разговор?

Прайс кивнул:

– На самом деле речь о страховке, миссис Гейм. Жизнь вашего мужа была застрахована на крупную сумму.

Тина сдержанно кивнула:

– И они все выплатили.

Но Прайс уже не слушал ее. Казалось, он прислушивается к чему-то еще.

– Генри или Гейл сегодня не пропускают школу, миссис Гейм? Сейчас всего час тридцать.

– Нет. Они вернутся только после трех. Хотите поговорить с ними?

Лейтенант покачал головой:

– Я слышал шаги наверху. Похоже, детские.

– Генри восемнадцать, лейтенант. А Гейл шестнадцать. Вы уж поверьте, их топот с детским не спутаешь. Хотите подняться наверх и посмотреть? Вы же говорили, будто имеете полное право.

Он затушил сигарету в салатном блюде.

– Это верно, имею полное право... А Алан отравился, не так ли, миссис Гейм? Отравление свинцом?

Представив себе, что на лице – чудесная глиняная маска, которая непременно потечет от слез, треснет, стоит лишь дрогнуть хоть одному мускулу, Тина медленно кивнула.

– Наглотался облупившейся краски, лейтенант. В его шкафу было такое место, где старая краска потрескалась и облупилась. Мы перекрашивали его комнату, но не там. Ему было всего два года, и... и...

– Окей, окей, – сказал он. – У меня у самого двое ребятишек.

– Нет. Никогда это не будет «окей».

Оторвав от рулона бумажное полотенце, Тина отвернулась – лицом в угол, спиной к гостю, высморкалась и промокнула глаза. Все это – в надежде, что, когда она повернется обратно, Прайс исчезнет.

– Полегчало? – спросил он, прикуривая новую сигарету.

– Немного. Знаете, как это все несправедливо...

– Что именно?

– Вы вон сколько курите. Однако вы живы, а Джерри никогда в жизни не курил, но его уже нет.

– Пытаюсь бросить, – машинально ответил он, поигрывая сигаретой. – Откровенно говоря, миссис Гейм, в страховой компании с вами полностью согласны.

– Что вы хотите сказать?

– Ваш муж был застрахован в «Аттика Лайф» на сто тысяч долларов.

Тина автоматически покачала головой:

– На двести тысяч. Столько они выплатили.

Лейтенант затянулся сигаретой и выпустил дым через нос.

– Да, полис был на сто тысяч, но в случае рака компенсация удваивалась. Так сейчас многие делают, потому что люди очень опасаются рака. Обычно рак означает огромные счета за лечение.

Так оно и было. Тина молчала, сжав кулаки на коленях.

– Конечно, не в случае вашего Джерри. Тут обошлось без больших расходов. Ведь умер он... за сколько? За три недели?

– Да, – ответила Тина. – Через три недели после того, как лег в больницу.

– И у него наверняка была страховка на случай госпитализации, верно? От юридической фирмы?

Тина кивнула.

– А еще у вас, естественно, оформлены полисы на ребятишек и на вас. По двадцать пять тысяч на каждого ребенка, верно?

– Именно так. У нас очень хороший страховой агент, лейтенант. Могу вас познакомить.

– И Генри с Гейл застрахованы до сих пор, правильно? На двадцать пять тысяч, при смерти от несчастного случая сумма удваивается. Маленький Алан погиб именно от несчастного случая. Малыш, еще младенец, наглотался облупившейся краски – это сочли случайным отравлением.

– И вы считаете, это я его убила.

«Если бы только мой взгляд мог жечь, – подумала она, – этот тип изжарился бы, как бекон на сковородке. Ничего. Будет гореть в аду».

– Считаете, я погубила мужа и сына, чтобы получить эти деньги? Так, лейтенант?

Она представила себе, как занимается пламенем его коричневого пиджак, как чернеет лицо, полыхают волосы...

– Нет, – ответил он. – Нет, миссис Гейм, ничего подобного.

– Тогда зачем вы здесь?

Лейтенант раздавил вторую сигарету в блюдце, рядом с первой.

– В вашей страховой компании волнуются.

Он сделал паузу, но Тина молчала.

– И неудивительно. Два страховых случая, на немалые суммы, с удвоением выплат, и все – меньше, чем за два года.

– Понятно, – сказала Тина, чувствуя себя совершенно опустошенной. Огонь внутри угас. – И чего вы от меня хотите? Чтоб я прошла проверку на детекторе лжи и сказала, что не убивала мужа? Что не травила Алана? Ладно. Хорошо. Я согласна.

– Нет. Я хочу, чтоб вы кое-что подписали, только и всего. На том, скорее всего, дело и кончится. – На этот раз рука, шарившая в карманах в поисках сигарет, полезла во внутренний карман твидового пиджака. – Если хотите, можете прочесть. Или я сам объясню вам вкратце. Как пожелаете.

«Кое-что» оказалось длиннющим официальным документом, отпечатанным мелким шрифтом. Взгляд зацепился за слово «эксгумация».

– Объясните, – сказала Тина.

– Это позволит им – ребятам из коронерской службы – исследовать тело вашего мужа. Например, проверить легкие и посмотреть, вправду ли он умер от рака.

Наверное, могилы вскрывают по ночам. Люди с лопатами методически, степенно выбрасывают наружу те же самые комья земли... Да, конечно, по ночам. Не заниматься же этим на глазах у тех, кто хоронит близких – ничего себе «покойся с миром»! Ставят прожектора с длинными оранжевыми кабелями, чтобы работать при свете, а может, обходятся и фонарями на батарейках...

– А это возможно, лейтенант? Они действительно могут что-то определить? – спросила Тина, вспомнив ту библейскую женщину. «Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе». – Ведь прошло больше года.

В ответ он пожал плечами:

– Может, да, а может, и нет. Вашего мужа ведь бальзамировали, верно?

– Да. Да, бальзамировали.

– Тогда шансы неплохи. Конечно, все зависит и от качества их работы, и от температуры почвы, и от герметичности гроба. Факторов целая куча, однако шансы очень даже неплохи. К тому же, есть такие тесты, которые можно выполнить когда угодно – например, проверку на наличие мышьяка или свинца. Хоть через сотню лет исследуют тело, а эти вещи обнаружат.

– Понимаю. Ручка у вас найдется?

– Конечно.

Он вынул из того же кармана и ручку и подал Тине, не забыв нажать на пластиковую кнопку, чтоб выдвинуть стержень. «Будто торговый агент, – подумалось ей. – Совсем как торговый агент, удачно сбывший товар».

С этой мыслью она приняла ручку и подписала документ, и лейтенант с облегчением улыбнулся.

– А знаете, по-моему, этих красок на свинцовой основе уже давно не используют.

– Так и есть, – подтвердила Тина, придвигая к нему бумаги. – Дом у нас старый, и краска была старой. Один доктор сказал: возможно, осталась еще с двадцатых годов. Хотите взглянуть? На шкаф, конечно же, не на краску. Я его перекрасила, чтобы...

– Чтобы с чьим-то еще ребенком не произошло того же самого, – подхватил он. – Конечно, давайте пойдем наверх и посмотрим.

Уже на лестнице он добавил:

– Глядя снаружи, я как-то засомневался, что дом действительно стар, несмотря на всю эту затейливую резьбу. Похоже было, будто строили недавно, но под старину – как в Диснейленде.

– Он был построен в тысяча восемьсот восемьдесят втором, – сообщила Тина. – Для наружного ремонта мы наняли подрядчика, а внутри все сделали сами.

Пройдя по коридору второго этажа, она отворила дверь.

– Я не входила сюда с тех пор, как перекрасила шкаф. Думаю, настало время...

Лейтенант согласно кивнул и окинул оценивающим взглядом дубовый дверной наличник.

– Наверное, в старые времена здесь была комната прислуги.

– Нет, здесь всегда была детская. Комнаты прислуги еще выше, под самой стрехой.

Тина умолкла. Пол все еще был застелен газетами, закапанными темной краской. Банка с краской стояла там же, где она оставила ее; краска внутри засохла и растрескалась. Рядом лежала и засохла кисть.

«Я здесь не убиралась, как видите», – хотела было сказать Тина. Но прежде, чем она успела выговорить хоть слово, в комнате раздался звук – слабый, однако в тишине показавшийся неестественно громким. Сухой перестук, шорох... словно там, в шкафу, вскочила на ноги маленькая собачка, или просто скатился на пол какой-то небольшой твердый предмет – к примеру, детская погремушка, упавшая с неопрятной кучи игрушек.

Поэтому вместо того, что собиралась сказать, Тина воскликнула:

– Там, внутри, ребенок!

– Да, внутри кто-то есть, – согласился Прайс.

Подойдя к шкафу, он повернул старомодную фарфоровую ручку, но дверца не открывалась.

– Заперто.

– Я его не запирала.

Сама того не сознавая, Тина обхватила руками плечи и крепко сжала пальцы. В детской было холодно – едва ли не холоднее, чем снаружи. Может, она забыла закрыть вентиляцию?

– Конечно, это вы и заперли, – возразил Прайс. – Вполне естественное дело. Все окей, мне не обязательно туда заглядывать.

«Да он будто закрывает глаза на улики ради моей пользы», – подумала Тина.

– У меня даже нет ключа, – сказала она вслух, – но надо открыть. Там же ребенок внутри.

Прайс заглянул в замочную скважину.

– Кто-то внутри, конечно, есть, только сомневаюсь, что это ребенок. Ладно. Всего лишь старый мебельный замок. Думаю, сложностей не предвидится.

У банки с краской имелась проволочная дужка. Короткие, сильные пальцы Прайса легко оторвали и согнули ее.

– Наверное, вы правы: откуда бы там взяться ребенку. Но тогда кто же внутри?

– Хотите мое мнение? – откликнулся Прайс, присев на корточки перед замочной скважиной. – Опоссум у вас в стене поселился. Или белка. Крыс ведь в доме нет, верно?

– Пытались вывести. Джерри расставил в подвале крысоловки... – В шкафу вновь тихонько заскреблись, и Тина заговорила быстрее, чтоб заглушить звук. – Он даже купил хорька и пустил его в подвал, только хорек погиб. Джерри думал, это Генри убил его.

– Вот как? – рассеянно проговорил Прайс. Замок заскрипел, щелкнул, и лейтенант с улыбкой выпрямился во весь рост. – Похоже, его никогда не смазывали. Слегка туговат.

Он вновь повернул ручку. На этот раз ручка подалась, но дверь не открылась.

– Тоже заклинило. Косяки вы красили?

Тина безмолвно кивнула.

– Так вы просто заперли шкаф до того, как краска просохла, миссис Гейм.

Достав из правого кармана пиджака большой складной нож, он подковырнул ногтем лезвие отвертки.

– Зовите меня Тиной, – сказала она. – К чему такие формальности.

Только минуту назад на впервые увидела его улыбку – и вот он уже ухмыляется во весь рот.

– Дик, – представился он. – Только попрошу без шуток про Дика Трейси⁹. Мне их и в участке хватает.

– Окей, – ухмыльнулась в ответ Тина.

Жало отвертки скользнуло вдоль щели между дверью и косяком. Дик снова повернул ручку, нажал на отвертку, и дверь с треском распахнулась. На миг Тине почудились внутри глаза – невысоко, над самым полом.

Лейтенант широко распахнул дверь, заскрипевшую на петлях.

– Пусто, – подытожил он. – А Джерри, похоже, не доверял смазке.

– Ничего подобного, у него всегда все было смазано. Он еще говорил, что сам не механик, но банка масла – уже полмеханика.

Прайс хмыкнул, достал из кармана фонарик, и слабый луч света заиграл на стенках шкафа.

– Кто-то здесь явно был, – сказал он. – Не крыса, крупнее. Может, енот.

– Дайте-ка посмотреть.

Подобрав испачканные краской газеты, смяв их и сунув в банку, Тина подошла к шкафу. На стенках изнутри виднелись царапины – тонкие, будто оставленные маленькими коготками... или ноготками. Пол был усыпан хлопьями ободранной краски и штукатурки.

Прайс выключил фонарик и посмотрел на часы.

– Мне пора ехать. Спасибо, что подписали разрешение. Я позвоню и сообщу, что покажут тесты.

– Буду рада, – кивнула Тина.

– Окей, я позвоню. А что это у вас за книга?

– Эта? – Тина подняла книгу. – Просто старая детская книжка. Джерри нашел ее, осматривая чердак, и принес вниз, для Алана. Лежала тут, под газетами.

Она проводила Прайса назад по узкому коридору. Новые яркие обои на стенах, наклеенные ими с Джерри, никак не могли пробиться к ее сознанию. Стоило оторвать от них взгляд – и на стены тут же возвращались старые, потемневшие.

– Осторожнее на ступеньках, – сказал Прайс за спиной. – Не поскользнитесь.

– Мы собирались застелить их ковром, – сообщила Тина. – Но теперь, пожалуй, не стоит и возиться. Я пытаюсь продать этот дом.

– Да, я заметил табличку снаружи. Место чудесное, но, думаю, вас можно понять.

– Вовсе оно не чудесное, – пробормотала Тина себе под нос, но так тихо, что ее слова услышал только дом.

– До свидания, Тина, – сказал Прайс, когда она отперла входную дверь. – Еще раз спасибо. Очень рад был познакомиться.

Они обменялись официальным рукопожатием.

– Вы ведь позвоните, Дик? – спросила она, прекрасно понимая, как это прозвучит.

– Обещаю.

Он двинулся по дорожке к машине. Тина задержалась на крыльце, провожая его взглядом. Не дойдя до машины пару шагов, он похлопал по боковому карману пиджака – не по правому, куда спрятал нож, а по левому. «Для лаборатории, – подумала Тина. – Отвезет в какую-нибудь полицейскую лабораторию – проверить, не отравлена ли».

Она даже не взглянула на книгу в руке, но строчки, прочитанные, когда она подняла газету, так и звенели в ушах.

Пряничный человечек запел:

⁹ Сыщик, главный герой популярной серии комиксов Честера Гулда. Экранизирована в 1990 году Уорреном Битти, который также сыграл главную роль.

Я убежал от маленькой старушки,
И от маленького старичка!
И от тебя я убегу, это уж точно!

В тот вечер дом играл в Маленькую Девочку. Флюиды души ребенка сочились из потрескавшейся старой штукатурки, впитавшей ее, когда штукатурка была еще совсем свежей. Смотревший телевизор в гостиной (некогда – спальне хозяина) Генри, конечно же, не видел и не слышал ее, но тревожно пыхтел, ерзал на диване, не в силах сосредоточиться ни на передаче, ни на чем-либо еще, ругательно ругал учителей, сестру, мачеху, надеялся, что зазвонит телефон, но, сам не зная, отчего, боялся позвонить кому-нибудь и злился на собственное ничтожество, ничтожный в собственной ярости.

А вот Гейл, склонившаяся над учебниками наверху, ее слышала. Быстрые легкие шаги в коридоре – вперед, назад... «Джоконда – модель гениального молодого скульптора Лючио Сетталы. Лючио, хоть и старается противостоять внушенному ею очарованию из верности своей ведьме-Сильвии, чувствует, что именно Джоконда – его истинная муза-вдохновительница. Во время болезни Лючио Тина приводит Джоконду в ярость, и модель с помощью брата сжигает ее...»¹⁰

«Это я запомню», – подумала Гейл. Она сама хотела стать моделью, как ее настоящая мать, и когда-нибудь непременно должна была стать ей. Положив книгу на голову, она прошла по своей спальне, остановилась и замерла в картинной, исполненной напускного высокомерия позе.

Тина, вытиравшаяся в ванной после душа, тоже видела кое-что. Испарина, исчезавшая с зеркала, образовала силуэт девочки с косичками – маленькой девочки, чья голова и плечи едва ли не повторяли форму островерхой двускатной крыши. Тина протерла зеркало полотенцем, проследила, как фантом появляется вновь, и решительно выкинула его из головы. «Джерри следовало бы поставить сюда вентилятор, – подумала она. – Надо ему сказать».

Нет, она прекрасно помнила, что Джерри мертв. Прекрасно сознавала это. Уж этого-то было не забыть, как и того, что сама она еще жива, а живой не связаться с покойным – с покойным, который не ответит ни на телефонные звонки, ни на письма. Просто ей на миг почудилось, будто умершего Джерри всего лишь нет дома – уехал в Нью-Йорк, или в Нью-Мексико, или в Новый Орлеан, в какое-то новое место, встретиться с каким-нибудь клиентом, подписать какие-нибудь бумаги, сделать доклад перед какой-нибудь комиссией, а вскоре и она полетит туда же, чтобы присоединиться к нему в этом новом месте...

Он подарил ей душистую пудру для тела, а к ней – огромную пуховку. И в этот вечер Тина сняла ее с полки, вспомнив, как это нравилось Джерри. Как же давно, как давно она пудрилась в последний раз?

Призрак из капелек конденсата, который она не смогла стереть полотенцем, исчез. Вспомнив его глаза, Тина вздрогнула. Глаза эти были всего лишь (как она твердо сказала самой себе) точками на запотевшем стекле, двумя пятнышками, на которые по какой-то неведомой причине не осел конденсат, но от этой мысли стало только хуже. Если так, получалось, что они никуда не исчезли и все еще, невидимые, наблюдают за ней...

Тину снова охватила дрожь. Казалось, в ванной холодно, несмотря ни на пар, ни на отопление, над которым столько трудился Джерри. Она понимала, что пора надеть халат, но вместо этого встала перед зеркалом, оглядела напудренные груди, провела ладонями вдоль напудренных бедер. Растолстела, слишком растолстела – жутко растолстела после рождения Алана...

Однако Дик Прайс улыбался ей. Она заметила, как он смотрел на нее в спальне, почувствовала, как он, хоть и на миг, но задержал ее руку в своей.

¹⁰ Несколько искаженное содержание пьесы Габриэле д'Аннунцио «Джоконда».

Прошло несколько дней.

– Значит, в конце концов это оказался рак, лейтенант? – спросила Гейл. – Не стойте, присядьте, пожалуйста.

Пройдя через просторную темную гостиную (некогда – столовую), она села сама – совсем как взрослая.

Прайс кивнул и сделал глоток коктейля, приготовленного для него Генри. В бокале оказался скотч с водой – первого слишком много, второй слишком мало, и Прайс решил, что этим первым глотком следует и ограничиться.

– Я и не думал, что это сделают так быстро, сэр, – заметил Генри.

– Случается иногда и такое, – ответил Прайс.

Гейл покачала головой:

– Это она убила папку, лейтенант. Я уверена. Вы ее не знаете – иногда она бывает настоящей ведьмой.

– И потому вы написали эти письма в страховую компанию.

Прайс поставил бокал на кофейный столик.

– Какие письма?

– Не стоит так кусать губу, птица-курица, – усмехнулся Генри. – Сама же выдаешь себя с головой.

Прайс согласно кивнул:

– Позволь-ка дать тебе совет, Гейл. Полиции лучше не врать, но если уж собралась, то не торопись и следи за лицом. Просто произнести нужные слова – этого мало.

– Значит, вы?..

– К тому же, откровенная ложь убедительнее уверток. Попробуй так: «Лейтенант я не писала никаких писем».

– Но письма – это же дело конфиденциальное!

– Думаешь, «конфиденциальное» означает, что их даже полиции не покажут? – спросил Генри, чистя ногти тонкой отверткой.

– Он прав, – еще раз кивнул Прайс. – Естественно, они показали письма нам. Написаны женским почерком, содержат детали, известные только одному из живущих здесь. Выходит, писала либо ты, либо твоя мачеха. Ну, а поскольку в них обвиняется она, остаешься ты. Когда-то нам попала одна чокнутая, обвинявшая в письмах саму себя, но твоя мачеха на чокнутую не похожа. А когда она подписала для меня разрешение на эксгумацию и проставила дату, почерк оказался другим.

– Ладно, ладно, это мои письма.

На рукояти отвертки имелся зажим, как у авторучки, и Генри убрал ее в карман рубашки.

– А с парочкой я ей помог. Подсказал, что писать, понимаете ли. Собираетесь рассказать мачехе?

– А ты хочешь, чтоб я рассказал? – спросил Прайс.

Генри пожал плечами.

– Да мне, в общем, плевать.

– Тогда зачем спрашиваешь? – Прайс поднялся. – Спасибо за гостеприимство, ребятки. Передайте Тине: жаль, что я ее не застал.

Гейл тоже поднялась.

– Я уверена, лейтенант: она просто где-то задержалась. Если бы вы немного подождали...

Прайс отрицательно покачал головой.

– Еще один вопрос, сэр, если, конечно, вы в курсе, – сказал Генри. – Откуда у папы взялся рак легких?

– Легкие оказались полны асбестовых волокон. Обычно такое случается только с рабочими-изолировщиками.

Тине в кухне представился котел парового отопления – трубы тянутся вверх, как ветви давно погибшего дерева, асбестовая лента теплоизоляции свисает с них, как кора, белая пыль, как гнилая труха, осыпается вниз, падает в оскверненную могилу Джерри, словно снежинки...

«Это все пряничный домик, – подумала она, вспомнив мрачные обои в детской, которые они с Джерри старательно закрасили. – Да, он тебя не съест, ты сам съешь его. Но он до тебя все равно доберется».

Она пыталась шевельнуться, ударить ногой в пол или плечами в стену, перегрызть кухонное полотенце, которым Гейл заткнула ей рот, соскрести яркую новенькую изоленту, купленную Джерри для переделки парового котла.

Ничего из всего этого не вышло. Распахнутая дверца микроволновки зияла, как ненасытная пасть. Где-то далеко отворилась и захлопнулась входная дверь. Из стереосистемы в гостиной загремело «Она была моей подружкой»¹¹.

На волне рока в кухню, важно колыхая толстым брюхом, вошел Генри с почти полным темной жидкости бокалом в руке.

– Вот и нет твоего дружка. Ты нас слышала? Могу спорить, подумала: он явился спасти тебя?

Глотнув темной жидкости – виски, судя по запаху, – он поставил бокал на сливную полку раковины.

За ним вошла Гейл.

– Ну что, сейчас и кончим? – спросила она, закрыв за собой дверь, чтобы не перекрикивать грохот музыки.

– Конечно, отчего бы нет.

Генри присел над Тиной и заскреб ногтем по клейкой ленте.

– По-моему, лучше оставить так.

– Я же сказал: клейкий слой от нагрева расплавится. Хочешь оттирать ей морду растворителем, когда сдохнет? – Подковырнув кончик изоленты, он размотал ее и отшвырнул. – Кроме того, орать она не будет. Будет говорить. Я ее знаю.

Тина вытолкнула изо рта кухонное полотенце. Казалось, она у дантиста – вот-вот поднимется с кресла, и администратор назначит дату следующего визита.

Гейл подхватила мокрое полотенце с пола.

– Микроволновка готова?

– Конечно, птица-курица. Дело несложное.

– Ее будут осматривать. Будут проверять, что с ней не так.

Тина раскрыла было рот, но в горле пересохло так, что ей не удалось вымолвить ни слова.

– И найдут вот это, – с широкой улыбкой ответил Генри. – Провод отпаялся, отогнулся и закоротил защитную блокировку дверцы. Дай яйцо из холодильника.

Тина понимала, что сейчас должна молить о пощаде, но отчего-то не могла заставить себя сделать это. «Да я храбра, – с удивлением подумала она. – Какое мужество, какое дурацкое упорство. В жизни бы не подумала...»

– Видишь яйцо, дорогая мачеха? – сказала Гейл, показывая ей яйцо. – Если яйцо положить в микроволновку, оно взорвется.

С этими словами она положила яйцо в микроволновку, а Генри захлопнул дверцу.

– Видишь? – сказал он. – Теперь она будет работать хоть с закрытой дверцей, хоть с открытой. Только сейчас я ее закрыл: лишняя радиация нам тут ни к чему.

Нажав на кнопку, он инстинктивно подался назад.

¹¹ «Она была моей подружкой» (англ. *She Used to Be My Girl*) – популярная песня американской группы *The O'Jays*.

Яйцо взорвалось с глухим звуком, вроде удара топора, впившегося в дерево, или падения ножа гильотины.

– Ого, как ее изнутри заляпало! Оставим ненадолго, чтоб затвердело.

– Музыка не кончится раньше времени? – деловито спросила Гейл.

– За глаза хватит.

– Если хотите вернуться к Роне, валяйте, – сказала Тина. – Я старалась относиться к вам с любовью, но силой вас никто не держит.

– Мы не хотим жить с Роной, – пояснил Генри. – Мы хотим свести счеты с тобой. А еще хотим разбогатеть.

– Ты же получила сто тысяч за папку, – добавила Гейл. – А потом еще за малыша.

– Еще пятьдесят тыщ, – уточнил Генри.

– Выходит, сто пятьдесят тысяч. И когда ты умрешь, они достанутся нам. Плюс еще пятьдесят за тебя, да с удвоением из-за смерти от несчастного случая. Тоже нам пойдут. Всего получается четверть миллиона.

Микроволновка зажужжала.

– Окей. – Генри распахнул дверцу и взял из раковины маленький фруктовый нож. – Теперь освободим ее.

– Драться будет, – остерегла его Гейл.

– Ничего, птица-курица, управлюсь. Нам совсем ни к чему, чтобы ее нашли со следами от веревок.

Маленький фруктовый нож вгрызся в веревки за спиной Тины, словно крыса. Несколько секунд – и ее онемевшие руки безжизненно повисли вдоль тела. Крыса перебралась к щиколоткам.

– От веревки надо избавиться, – напомнила Гейл.

– Конечно. Выбрось в мусор. И изоленту тоже.

В руки вонзились тысячи игл. За ними, откуда ни возьмись, явилась боль.

– Окей, – сказал Генри. – Давай-ка встанем...

Он поднял Тину. Онемевшие ноги не слушались, она их совсем не чувствовала.

– Смотри. Ты отчищала микроволновку. Может быть, сунула голову внутрь – посмотреть, что получается. – Он сунул ее головой в печь. – А потом потянулась за моющим средством или за губкой, вот кнопку-то случайно и задела...

Вдруг кто-то закричал – пронзительно завизжал, охваченный ужасом. «А вот я не закричу, – подумала Тина, сжав губы и изо всех сил стиснув зубы. – Не закричу».

Визг продолжался. Генри с воплем выпустил Тину, и она соскользнула на пол. Из микроволновки вырвались языки пламени и густой черный дым.

Тина едва не рассмеялась. Что, Гензель, что, малышка Гретель, изжарить ведьму в ее собственной печи не так легко, как вы думали, *nicht wahr?*¹²

Генри потянулся к стене и оборвал провод. Тина усмехнулась: это был провод от электрической открывалки для консервов.

Гейл налила в сковороду воды из-под крана, выплеснула ее в печь и резко отпрянула назад, точно ее ударило током. Языки пламени лизнули шторы на кухонном окне, и они тут же вспыхнули, как бумага.

Тина попыталась подняться, но онемевшие ноги не слушались. Она пошатнулась и упала. Огонь охватил шкафчики, висевшие над микроволновкой; пламя заплясало на темном полированном дереве, сушившемся больше ста лет.

От сильного удара с треском распахнулась задняя дверь. Генри в пылающей рубашке с воем бросился наружу. Чьи-то крепкие, сильные руки подняли Тину. Она вспомнила о Гретель

¹² Не так ли? (нем.)

– то есть, о Гейл – и тут же увидела, что та, кашляя, задыхаясь, нетвердым шагом ковыляет к выходу прямо за ними.

Миг – и Тина, словно по волшебству, очутилась снаружи. Все остальные тоже были здесь. Генри отчаянно катался по траве, а Дик тушил его рубашку, хлопая сброшенным пиджаком. Вдали были сирены и волки, а темные окна одно за другим озарялись изнутри яркими радостными сполохами.

– Мой дом! – сказала Тина. Ей полагалось бы шептать, но голос прозвучал громко, на грани крика. – Мой дом! Погиб... Нет! Я всегда, всегда буду помнить ее, что бы ни случилось! Дик оглянулся на дом.

– Да, дело плохо. Но если там осталось что-то особенно ценное...

– Не смей! Не смей возвращаться! Не пушу!

– Господи, – выдохнул он, крепко сжав ее руку. – Смотри!

На миг (всего лишь на миг) в слуховом окне показалось лицо – белое, словно бы детское. Но это лицо тут же исчезло, а из окна вырвались на волю языки пламени. Спустя еще миг огонь взвился над крышей, и дом – феникс, приемлющий смерть, чтобы вновь возродиться – тяжело вздохнул. Разом вспыхнуло резное деревянное кружево, еще миг спустя рухнули стены, а еще миг спустя прибыли пожарные.

Когда все было кончено, капитан, начальник пожарной команды спросил, всем ли удалось покинуть дом.

Тина благодарно кивнула:

– Дику... то есть, лейтенанту Прайсу почудилось чье-то лицо в чердачном окне, но мы все здесь.

На лице капитана отразилось сочувствие.

– Наверное, клуб белого дыма. Бывает такое иногда. Вам известно, как начался пожар?

Генри, без умолку ругавший все на свете, пока санитары обрабатывали его ожоги, разом умолк. Бесконечная цепочка ругани оборвалась, и он в ужасе уставился на Тину. Более практичная Гейл тихонько двинулась к деревьям, в темноту.

– Да, – кивнула Тина. – Но мне интересно другое: как это Дику удалось появиться как раз вовремя, чтобы спасти нас. Просто чудо какое-то!

– Никаких чудес, – покачав головой, ответил Прайс. – А если и чудо, то из тех, какие случаются каждый день. Я приехал в восемь, но дети сказали, что тебя еще нет. А кое-кто, с кем мне требовалось поговорить об одном деле, живет всего в паре кварталов отсюда. Я заехал к нему, позвонил в дверь, но дома никого не оказалось. Тогда я вернулся, а, подъезжая, заметил огонь за боковым окном.

– И вызвал по рации нас, – добавил капитан. – Так значит, вы, мэм, знаете, как начался пожар?

– Мой сын Генри что-то готовил – яйца, Генри, так ведь ты говорил?

Голова Генри дрогнула, склонившись на долю дюйма.

– Ага, – едва сумел выговорить он.

– Но печь, должно быть, слишком раскалилась: яйца – или что там еще – вспыхнули. К тому времени, как мы с Гейл прибежали на его крик, кухня была полным-полна дыма.

Капитан кивнул и нацарапал что-то в блокноте.

– Возгорание на кухне. Случается сплошь и рядом.

– Да, я только что назвала Генри сыном, но это не так, капитан, – поправилась Тина. – На самом деле я ему всего лишь мачеха. И ему, и Гейл.

– Да она – лучшая мать в мире! – отчаянно заорал Генри. – Верно я говорю, птица-курица?

Гейл, почти скрывшаяся среди дубов и высоких канадских елей, лихорадочно закивала.

– Генри, дорогой мой... – Склонившись к Генри, Тина поцеловала его в лоб. – Надеюсь тебе не очень больно?

«Растолстел, – подумала она, нежно ущипнув пасынка за пухлую щеку. – Но с кастрацией лучше не затягивать, пока яички не испоганили мясо. А уж после этого с ним несложно будет управиться».

Вспомнив черные ручки своих огромных парикмахерских ножниц, она улыбнулась. Забавно было бы... но нет, это совершенно невозможно. Как там сделал этот сообразительный техасец? Сунул сыну между ног какую-то радиоактивную капсулу, пока тот спал?

– Не сомневаюсь, Генри – очень хороший сын, – громко сказал Дик.

Тина с улыбкой повернулась к нему:

– А знаешь, Дик, ты ведь почти не рассказывал о своих ребяташках. Сколько им?

Джин Вулф

* * *

Джин Вулф был удостоен Всемирной премии фэнтези за заслуги перед жанром в 1996-м, а в 2007-м был внесен в список «Зала славы научной фантастики и фэнтези». В декабре 2012-го Американская ассоциация писателей-фантастов назвала его двадцать девятым из своих Грандмастеров, а в 2013-м он был удостоен Мемориальной премии имени Деймона Найта «Гроссмейстер фантастики». Кроме этого его произведения трижды были награждены Всемирной премией фэнтези, дважды – премией «Небьюла», шесть раз – премией «Локус», премией Британской ассоциации научной фантастики, премией Августа Дерлета и мемориальной премией Джона В. Кэмпбелла. Джин Вулф – автор «Пятой головы Цербера», четырехтомного бестселлера «Книга Нового Солнца» и, среди множества прочих произведений, «Воина тумана», «Рыцаря-чародея» и «Книги Длинного Солнца». Кроме этого, он создал множество весьма незаурядных рассказов и повестей – за последние сорок лет их накопилось не на один том. Последний изданный им сборник – «Лучшее», а последний опубликованный роман – «Человек взаймы».

В русском фольклоре и волшебных сказках встречается множество персонажей, которых не найти нигде, кроме славянской фольклорной традиции. Одна из них – Баба-яга. Образ ее многолик: она ни «добра», ни «зла». Она поедает детей, но ей не чужды материнские чувства, она – помощница и целительница, но может быть и весьма опасной. Живет она в избушке на курьих ножках, а средством передвижения ей служит ступа с пестом. Неудивительно, что в многочисленных произведениях современных писателей этот образ трактуется очень по-разному. И вот перед вами рассказ Анджелы Слэттер, превратившей старую сказку «Василиса Прекрасная» в свою собственную.

Костяная Нога

13

Выглянула Баба-яга в окно, увидела девочку, и стало ей ясно: дочери больше нет. Ударила она пестом о дно ступы и поклялась не давать воли слезам. А девочка замерла у ворот, зашарила боязливо в кармане передника... Сидит старуха у окна, ждет.

Видит Василиса: стоит под весенним солнышком на лесной поляне дом – избушка ветхая, почерневшая, одинокая. Земля вокруг сплошь когтями куриными исцарапана. А вокруг двора ограда стоит высокая, и столбы у ворот человеческими черепами украшены.

Задрожала русоволосая девочка. Послала ее сюда злая мачеха, а матушка родная, в крохотную куколку обращенная, завертелась в кармане: соглашайся, говорит. Людмила, вторая жена батюшки, конечно, зла падчерице желает, но не ждать же зла и от родной матери! И все же не по себе девочке.

– Ступай к Бабе-яге, добудь у нее углей – печь угасшую затопить, – велела Людмила.

А Шура, родная мать, сказала, что слушаться нужно.

– Только смотри, без приглашения ни о чем Бабу-ягу не спрашивай.

– Но отчего я должна идти к ней, матушка? – спросила Василиса беспокойную куколку.

Игрушка заговорила с нею полгода назад – через пять месяцев после смерти матушки, через месяц после того, как батюшка взял в жены Людмилу. Василиса все еще порой сомневалась, что куколка вправду говорит, но пойти к попу и рассказать ему обо всем... Нет, это куда хуже, чем малость повредиться в уме! Потому-то и слушалась она куколку, и ни разу о том не пожалела.

– Оттого, что она тебе бабка. Вот только лучше, чем с другими, она с тобой от этого не обойдется, таков уж у нее обычай. Но ты слушай, что я скажу, и никакое зло тебя не постигнет.

И отправилась Василиса к Бабе-яге. Шла она день и ночь, и к вечеру второго дня вышла к черной избушке. Тут как загремят за спиной копыта, и ветер как дунет – с ног на землю свалил. Но это Василисе было уже знакомо: поутру обогнала ее всадница в белом, в полдень следом за ней проскакала буйная всадница в красном, а теперь, в сумерках, настал черед всадницы черной. Промчалась она галопом мимо девочки, въехала в ворота, да в дверях избушки и скрылась.

Сидела девочка в лесу еще час, на избушку глядела, да тоненькогоголоска куколки старалась не слушать. Но та подгоняла все настойчивее. Наконец поднялась Василиса и нога за ногу побрела к воротам. Стоило подойти – уставились на нее черепа, а глаза их красным светом засияли. Похолодев от страха, вошла девочка под их взглядами на двор.

Баба-яга, хоть и ждала стука в дверь, но все же вздрогнула и обронила пест. Тяжко зазвенел пест о ступу, и появились прямо из воздуха три пары отрубленных рук. Махнула им Баба-яга, веля убрать ступу в темный угол, и проковыляла к двери.

Сжалась девочка, съезжилась под взглядом Костяной Ноги. Долго молчала старуха, глядя на девочку в поисках черт дочери на юном личике. И Василиса глядела на нее так же пристально, и думалось ей, что когда-то эти глаза, утонувшие среди морщин, смотрели с лица ее матушки. Наконец дрогнуло старческое лицо, расплылось в улыбке.

– С чем пожаловала, девочка? – проскрипел голос хозяйки, точно пест о дно ступы.

Откашлялась Василиса и говорит:

– Сделай милость, бабушка. Послала меня мачеха попросить у тебя углей. Огонь в нашей печке угас.

¹³ “The Bone Mother” © 2010 Angela Slatter. First publication: *The Girl with No Hands and Other Tales* (Ticonderoga).

Смотрит Василиса вверх, на Бабу-ягу, и чудится ей, будто ноги ее вросли в землю. Высока Баба-яга ростом, худа, как жердь, лицо морщинистое сплошь в старческих пятнах, длинный нос крючком вниз загибается, а губы на удивление полные, будто у юной девицы, а длинные волосы цвета седого железа свисают на спину неопрятной косой.

Сжалось сердце Бабы-яги при мысли об утрате. Давно ли не стало дочери?

– Мачеха? Давно ли она у вас царствует?

– Людмила с дочерьми живут с нами уж пять месяцев, – как можно спокойнее ответила Василиса.

– И каково тебе с ней живется?

– Как со всякой мачехой.

Крякнула Баба-яга и отступила в сторону, чтобы впустить Василису в сени. Девочка тайком заглянула ей за спину.

– Чего мешкаешь, дитя мое? – резко спросила старуха.

Сглотнула Василиса и отвечает:

– Говорят, избушка твоя стоит на огромных курьих ногах, поворачиваться да ходить умеет.

Удивилась Баба-яга не на шутку.

– Кто же поверит в такую глупость? – сказала она, склонившись к девочке. – Где же ты видела такую большую курицу, что удержит на себе избу?

Хихикнула Василиса, несмотря на страх, и шагнула за порог, в темную комнату, полную запахов древности, а куколка-то в кармане ворочается, дрожит...

Отужинав, долго смотрела Василиса на бабушку, спящую на огромной древней кровати. Морщины ее во сне немного разгладились, и все же кажется Василисе, будто все эти складки – пройденные пути, карта бабкина прошлого, а может, и ее, Василисина, будущего.

«Значит, и я стану такой? – подумалось девочке. – И матушка стала бы такой же, будь она жива? Хотя – так ли уж плохи эти морщины, рассказывающие, кто ты и где побывала?»

Баба-яга шевельнулась, всхрипнула и успокоилась. Шмыгнула Василиса в свою крохотную кроватку, закрыла глаза, да тут же и уснула. И впервые за много ночей не потревожила куколку.

Поднялись они еще до рассвета, позавтракали, и отвела Баба-яга Василису на конный двор.

– Что ж, поела-попила, теперь изволь отработать. Когда уеду, ты смотри – двор да конюшню вычисти, избу вымети, а после пойди в заком, возьми четверть мерки пшеницы и очисти ее от чернушки. Да ужин мне состряпай, а не то... – Тут склонилась Баба-яга к Василисе и прошептала: – А не то сама моим ужином станешь!

Захихикала девочка, несколько не испугавшись.

– Хорошо, бабушка! Доброго тебе денечка!

– Да еще явятся мои всадницы. Числом их три. Первая – славный мой рассвет, вторая – ясный мой день, а третья – темная моя ночь. Зла они тебе не сделают, а коль позовешь – откликнутся да на помощь придут.

Забралась Баба-яга в ступу, неуклюже на дно свалилась, схватила левой рукою пест, а правой – длинное соломенное помело. Слушаясь ее приказа, ступа со скрипом поднялась в воздух и вылетела за ворота. Едет Баба-яга, пестом погоняет, помелом след замечает. Оглянулась Василиса и видит: смотрит на нее из стойл пяток лошадей – одна другой краше. «Вот чудеса. Зачем же ездить в ступе, когда лошади есть?» – подумала девочка, да только плечами пожала.

Стоило бабке скрыться из виду, достала Василиса из кармана куколку, положила перед ней несколько хлебных крошек да ложечку молока.

– Вот, куколка, возьми – попей, покушай, да горе мое послушай.

Встрепенулась куколка, ожила и проворно расправилась с угощением. Тогда говорит ей Василиса:

– Нужно мне, куколка, за день двор да конюшню вычистить, избу вымести, очистить от чернушки четверть мерки зерна, да состряпать ужин. Посоветуй, куколка, что мне делать?

– Конечно же, ужин стряпать, остальное – моя забота.

Вскочила куколка на крыльцо, подняла руки к небу и уставилась на девочку нарисованными синими глазами.

– А вот что будет дальше, того тебе лучше не видеть. Много будешь знать – скоро состаришься.

Поклонилась ей Василиса и ушла в избу. И, стряпая бабушке ужин, даже не подумала выглянуть наружу и взглянуть на бурную деятельность куколки хоть одним глазком. Есть на свете такое, чего лучше не знать. Есть в мире мудрость, что не должна приходить слишком рано.

Пробираясь по лесу, ступа почти не причиняла кустам и деревьям вреда. Баба-яга знала лесные тропы да вдобавок замечала свой след помелом, чтобы никто не смог последовать за ней и без труда найти путь к черной избушке. Не всем – ох, не всем нравилось ее место в мироустройстве...

Она, Баба-яга – женщина, которой не сломить, не подчинить никому. Детей ей больше не рожать, перед желаниями мужчин больше не склоняться, она независима, свободна от всего мира и мирских требований. Мир, перестав дорожить ею, даровал ей свободу, неведомую ни девицам, ни матерям. Только такая старуха, как она, может жить сама по себе. Лечить людей, если сможет, а если нет – помогать им уйти в последний путь без лишних страданий и страха.

Лесным людям известно, как в случае надобности подать ей знак – зовом на помощь служит красная тряпица, привязанная к забору или к привратному столбу. Оставляют и приношения, чтоб не вручать старухе даров из рук в руки, рискуя подцепить старость, которую многие, похоже, полагают заразной. Для многих она – последняя надежда; ее слишком боятся, чтобы являться к ней по собственной воле, без крайней нужды, и зачастую с этим тянут слишком долго. А после скорбящие о покойных считают причиной их смерти вовсе не собственное бездействие, а злую волю старой карги, жадной до чужой жизни, питающей себя чужими живыми соками. Бессмертная, она для них чужда и непонятна, вот они и думают, что ее вечная жизнь вскормлена на их жизнях.

Когда же ей удастся спасти чью-либо жизнь, страх не проходит. Людская благодарность становится странным загнанным зверем, попавшимся в капкан мелочных тревог – мыслей о том, будто (как это ни неразумно) цена ее помощи слишком высока. Раз за разом она твердит себе, что ей пора бы привыкнуть, приучиться к причиняемой всем этим душевной боли. Но вот – не выходит привыкнуть, и, похоже, не выйдет никогда. Вдобавок, страшно подумать, в кого она может превратиться, сделавшись бесчувственной. Боль хотя бы дает понять, что она все еще хоть немного, да человек – пусть не обычный смертный, но и не холодный, как камень. Порой это служит утешением.

Сегодня она спасла жизнь ребенка и помогла уйти в последний путь старухе – и все это в одном и том же доме. Девочка хворала горячкой, легко исцеляемой травяным отваром. Отвара, оставленного Бабой-ягой ее матери, хватит еще на два дня. А свекровь хозяйки тихо лежала в темном углу, ожидая, когда смежит веки в последний раз и погрузится в вечную тьму. Помогать ей Ягу не просили, словно старуха не стоила ни хлопот, ни приношений зловещей лесной бабе.

Присев на край узкого тюфячка, Баба-яга взмахом руки отогнала сунувшуюся следом за ней молодую хозяйку. Нос сам собой сморщился от затхлой вони старухина тела. Хворую не мыли давным-давно, а сегодня (а то и вчера) она, к тому же, обгадилась...

Баба-яга оглянувшись, устремив взгляд на молодую хозяйку.

– Надеюсь, когда придет время, твоя дочь обойдется с тобой точно так же, – презрительно прошипела она. – Надеюсь, в твой смертный час она оплатит тебе той же монетой и отнесется к тебе с тем же почтением.

Молодка шарахнулась прочь и вжалась в дальнюю стену в надежде, что проклятие Яги каким-то образом стечет с кожи, не успев впитаться в поры.

Баба-яга взяла старуху за руку. В глазах ее, блеснувших во мраке комнаты, еще брезжили последние искорки жизни, и она с благодарностью – и в кои-то веки без боязни – улыбнулась зловещей бабе.

– Благословенна будь, Баба-яга. Сделай милость, помоги мне уйти.

Бессмертная баба кивнула, вынула из складок выцветшего платья фляжку и поднесла ее к губам старухи. Та жадно припала к горлышку. Глоток, другой – и голова старухи упала на изголовье, а с губ ее слетел последний вздох.

«А кто же поможет уйти мне? – подумалось Бабе-яге. – Кто сделает для меня то же самое?»

Конечно, она была бессмертна, но от этого отсутствие ответа не становилось хоть чуточку менее горьким.

Закрыв покойной глаза, Баба-яга поднялась и бросила последний взгляд на ее невестку.

– Похорони ее, как подобает. Ослушаешься меня – я о том проведаю.

Почти не слыша скрипа ступы, Баба-яга отправилась восвояси, да так глубоко задумалась, что забыла замести за собой след.

К вечеру того же дня воротился домой сын старухи. Провел он в отлучке, далеко в лесу, почти месяц, а когда уходил, мать была жива-здоровехонька. Простуда от летнего холодка настигла ее неожиданно, а небрежение невестки усугубило хворь. Утрата потрясла хозяина до глубины души.

А жена его, страшась проклятия Бабы-яги и зная за собою вину, так и ищет, на кого бы свалить собственный грех. Как ей остановить карающую десницу мужа? Как отвести от себя мужнин гнев, коли дознается он, что к смерти матери приложила руку она?

– Это все – злодейка Баба-яга. Это Костяная Нога явилась и забрала ее.

Ни о болезни дочери, ни о том, что Баба-яга спасла девочке жизнь, она не сказала ни слова. Пусть уж лучше муж думает, что злая баба забрала жизнь его матери со зла, чтобы продлить свою собственную. Так муж ее и просидел ночь напролет с пустыми глазами у смертного ложа покойной.

Наутро похоронил хозяин ту, что подарила ему жизнь, и, бросив на могилу последнюю лопату земли, заметил след – сломанные ветки и смятую траву на пути ступы Бабы-яги. Ни слова не сказав жене, выдернул он топор из колоды у поленницы за домом и отправился в путь.

Утомленная трудами на кухне да испившая хмельного меду, который ей позволила отведать бабка, уснула Василиса так крепко, что и не почувствовала, как длинные пальцы Бабы-яги скользнули к ней под подушку и нащупали деревянную куколку. Не слышала она и того, как старуха, шаркая ногами по полу, вышла из комнаты и тихо прикрыла за собой дверь. Спит девочка, спит в блаженном неведении...

А Баба-яга опустила в кресло у очага, поставила на стол перед собою куколку и приготовилась поглядеть, что же игрушка будет делать. Поначалу глядеть было не на что: куколка не подавала никаких признаков жизни, однако уж больно что-то в этой куколке напоминало лес-

ного зверька, притворившегося камнем или пеньком при виде хищника. Тогда бросила Баба-яга на колени куколке несколько хлебных крошек, а рядом наперсток хмельного меда поставила. Тут-то глаза куколки и заблестели из-под золотых волос – огромные, синие, как у самой Бабы-яги, а полные губы, если внимательно приглядеться, начали мало-помалу недовольно надуваться.

Баба-яга так и подалась вперед. Нет, она не ошиблась!

– Вот, куколка моя, возьми – попей, покушай, да горе мое послушай. Дочка моя сбежала из дому с негодим парнем, и с тех пор я ее не видела.

– Ох, матушка!

Вскочила куколка да топнула крохотной ножкой так, что наперсток с медом едва не опрокинула.

Баба-яга откинулась на спинку кресла и покачала головой.

– Ага! Так я и знала. Ну и хитра же ты, Шура, ровно лиса. Даже и смерть тебя не берет, как всем на свете положено.

– Жизнью это тоже не назовешь.

– Как же это тебя угораздило, доченька?

– За то, что бросила тебя одну, наказана я тем, что должна присматривать за дочерью, пока есть у нее во мне нужда. Вот в этакое-то нелепом обличье. Представь мое удивление, когда я умерла и ожила в таком виде. Надеюсь на царство небесное или хоть на чистилище, и вот что получила... – тяжело опустившись на столик, Шура надолго припала к наперстку с медом. – Другая могла бы подумать, что тут не обошлось без тебя.

– А кто сказал тебе, что обошлось?

Провела Баба-яга пальцем вдоль золотой пряди, и на миг увидела перед собой ту маленькую девочку, какой была когда-то Шура. Своевольную, себялюбивую капризницу. Бросившую хворую мать на пороге смерти, сбежавшую из дому с каким-то парнем.

– Ее отцом был он? Тот, с кем ты сбежала?

– Конечно, нет, матушка. Неужто ты думаешь, будто за такого стоит держаться? – вздохнула Шура. – Отца Василисы ты бы одобрила. Был он богатым купцом, мягким и нежным... И сейчас остается таким же, если Людмила заботится о нем, как подобает.

Вздохнула украдкой Баба-яга, опустила голову...

– И какова же она?

Шура взглянула вниз, на свои крохотные пальцы.

– Пожалуй, такова же, как я сама. Заботится о собственных дочерях... вот только не по нраву мне, что за счет моей. Правду сказать, если б могла я выволочь ее из своей постели да выгнать пинком из своего дома – непременно так бы и сделала.

– Но это тебе не по силам.

– Но это мне не по силам, матушка, нет. Вот ты бы справилась. А лучше... взяла бы ты Василису к себе! – Нарисованные глаза куколки заблестели, точно живые. – Уж ты бы могла присмотреть за моей красавицей.

Казалось, старость обрушилась на Ягу разом, откуда ни возьмись: щеки старухи ввалились, осели, будто хлипкий порог под ногой разжиревшего гостя. На глазах Шуры вдоль одной из морщин на материнском лице скользнула вниз серебристая капля. Только теперь она поняла, почувствовала причиненное матери горе, и деревянное сердце – что оказалось куда мягче, чем прежде, живое – болезненно сжалось в пустой, лишенной всего остального груди.

– Не плачь, мама. Прошу тебя, не плачь. Присмотри за дочерью. Освободи меня.

Не успели последние слова сорваться с губ, как Шура горько пожалела о них. Глаза Бабы-яги так и заблестели в отсветах пламени, словно черные угли.

– До самого конца думаешь об одной себе... – Схватив куколку, она крепко стиснула ее сильными пальцами. Если бы та могла дышать, тут бы из нее и дух вон. – Хочешь отдать дочь

мне и упокоиться с миром. А потом, когда я буду нуждаться в ней, она оставит меня – так же, как сделала ты.

Она подняла игрушку, раздумывая, не швырнуть ли ее в огонь да не разворошить ли угли, чтоб кукла сгорела дотла. Но Шуре, почуявшей ход мыслей матери, хватило ума умолкнуть, замереть в ее жестких, как когти, пальцах и положиться на то, что материнскому гневу не одолеть материнской любви.

В конце концов старуха попросту встряхнула куколку – с досадой, словно собака, треплющая обглоданную кость. Шура молчала, вновь превратившись в дерево и лак, чтобы избавиться от ужаса перед возможной кончиной или возможным продолжением жизни.

На следующий день Баба-яга осталась дома. Поутру Василиса нашла ее все так же сидящей перед угасшим очагом, неподвижной, как камень. Она дышала, но лицо и руки ее были холодны, как лед. Поднять бабушку с кресла девочке не удалось, а на оклик Костяная Нога не ответила – только перевела взгляд с потухшего очага на двор за окном.

Василиса приготовила Бабе-яге холодные примочки, смочила водой ее пересохшие губы, но старуха не шевелилась, и глаза ее оставались мертвы, как стеклянные. Перепуганная сверх всякой меры, Василиса подняла Шуру, лежавшую на полу у очага. Обращенный к огню бок куколки слегка почернел. Шура жадно выхлебала мед, первым делом налитый для нее Василисой, и завершила трапезу крошками пирога.

– Вот, куколка моя, возьми – попей, покушай, да горе мое послушай, – сказала ей Василиса, сделав глубокий вдох. – Боюсь, умирает моя бабушка.

Шура безвольно обмякла, будто марионетка на перерезанных нитках.

– Она не может умереть, но может обратиться камнем. Когда ушел отец, она провела так почти год.

– Что же мне делать, куколка? Что же мне делать, матушка моя?

К пущему огорчению Василисы, матушка только плечами пожала да покачала головой. Девочка так и вскипела от возмущения:

– Мы должны сделать хоть что-нибудь! Негоже оставлять ее так!

– Ее хворь не телесного свойства, Василиса, – дрогнувшим голосом ответила Шура. – Ее терзает сердечная мука. Как исцелить одиночество? Как облегчить его боль? Она ведь одна – одна-одинешенька на всем белом свете. Нет у нее никого.

С досадой встряхнула Василиса матушку, поставила ее на полку у очага, а сама забралась к Бабе-яге на колени, свернулась клубком, крепко обхватила руками узкие бабушкины плечи, уткнулась гладким личиком в морщинистую кожу старушечьей шеи и тихонько заговорила:

– Не оставляй меня, бабушка. Я тебя ни за что не брошу. Не будешь ты больше одна. Только не обращай камнем. – Голос ее набрал силы. – Я люблю тебя, бабушка. Я тебя ни за что не брошу.

С этим обещанием на губах, клейким и сладким, как мед, она и уснула. И приснился ей тревожный сон: увидела Василиса во сне человека, идущего через лес по следу бабушкиной ступы – топор его остр, а сердце переполнено скорбью и злобой.

Разбудил Василису шум на дворе. Кинулась девочка к окну, глядь – черепа на привратных столбах стучат зубами, тревогу бьют. А из-за леса идет к воротам человек, и предвечернее солнце ярко блестит на лезвии его топора. Схватила девочка Шуру и побежала на кухню. Много ли у нее времени? Долго ли незванный гость будет бродить вокруг да около, приглядываясь, надежна ли защита избушки?

Насыпала девочка куколке хлебных крошек, плеснула в наперсток меду, и закричала:

– Вот, куколка моя, возьми – попей, покушай, да горе мое послушай! Идет к нам человек с блестящим острым топором! Страшно мне за всех нас!

Подхватила она Шуру и устремилась к окну, и обе ясно увидели его, остановившегося у самого забора в гневе и неуверенности.

– Черная всадница близко. Чувствую я, как дрожит земля под копытами ее вороного. Вели ей укрыть всех нас темнейшей из ночей, а я уж с человеком этим разделаюсь. Да смотри, не бойся ничего! – наказала дочери Шура.

Бросилась Василиса к дверям, выбежала на крыльцо, глядь – человек с топором уж в ворота вошел. Увидел он девочку и зашагал быстрее, готовый обратить гнев свой на всякого, кто под руку подвернется. Но тут услышала Василиса грохот копыт и закричала во весь голос:

– Черная всадница, черная всадница, приди мне на помощь! Укрой всех нас темнейшей из ночей!

На ту пору явились в воздухе три пары отрубленных рук, да как начнут незваного гостя трепать да вертеть! Миг – и все вокруг стало черным-черно – словно в самой глубокой пещере на свете. В этой крошечной тьме зазвучал, взвился к небесам голос Шуры, заклинаящей человека с топором лишиться памяти, сбиться с пути и отправиться восвояси, навеки забыв дорогу к избушке, а после настала долгая-долгая тишина.

Ждет-пождет Василиса... Наконец потянулась она вперед, пошарила по земле, нащупала рядом куколку, подняла ее да на колени положила. Долго ли, коротко ли, а только сделалась тьма не такой густой, вспыхнул в избушке факел, вышла на крыльцо Баба-яга и осветила Василисе дорогу в дом.

Забрав у внучки Шуру, Баба-яга растерла по губам куколки каплю воды, насыпала перед ней крошек пирога и говорит негромко:

– Вот, куколка моя, возьми – попей, покушай, да радость мою послушай. Присмотрю я за твоей дочерью, Шура.

Заблестели глаза куколки, засияла улыбка на нарисованных губах.

– Спасибо тебе, матушка. Уж моя Василиса тебя не оставит.

И отвечает ей Баба-яга:

– А когда придет время, я ее отпущу. Как сейчас отпускаю тебя, доченька. Покойся с миром.

Анджела Слэттер

* * *

Анджела Слэттер – автор удостоенных премии «Ауреалис» произведений «Девочка без рук и другие сказки» и «Фабрика Женщин (написано в соавторстве с Лизой Л. Ханнетт)». Ее сборник «Закваска и другие истории» попал в список финалистов Всемирной премии фэнтези, а «Полночь, лунное сиянье» (также написанный в соавторстве с Ханнетт) – присутствовал в списке финалистов премии «Ауреалис». Кроме этого, на ее счету – «Чернокрылые ангелы» и «Биттервудская Библия и другие рассказы». Ее рассказы публиковались в таких изданиях, как «Фэнтези», «Найтмэр», «Лайтспид», в антологиях «Книга ужасов» и «Страхослов», а также в австралийских, британских и американских антологиях «Лучшее из...». Первой из австралийских писателей удостоенная Британской премии фэнтези, Анджела Слэттер имеет ученые степени магистра искусств и доктора наук в области литературного творчества. Ее первый роман под названием «Бодрствование» был выпущен издательством «Джо Флетчер Букс» в 2016 г., а в 2017-м было издано его продолжение, «Могильный свет».

Казалось бы, Элизабет Бир соединяет в своем рассказе несоединимое: волшебную сказку с намеком на «Русалочку» (или любой другой сюжет о нечеловеческом существе, стремящемся стать человеком), выбор трудного, но праведного пути в противовес неправедному, истинную

красоту, скрывающуюся за безобразной наружностью... и, как ни противоречиво это прозвучит, историю любви в духе Лавкрафта.

Путеводный огонь

14

Хрюша Гилман хромал. На обеих ногах он носил опорные протезы. Блеск металла и черная моющаяся пенка безнадежно портили силуэт его магазинных готовых костюмов, и без того не блиставших изяществом линий. Ходил он на костылях с опорой на предплечье. Обычно я могла услышать их стук по плиткам пола гулких коридоров адвокатуры за добрую дюжину дверей до нашей.

По-настоящему Хрюша был Исааком, однако даже клиенты звали его Хрюшей. Он был просто фантастически некрасив: шишковатая лысая голова, поросшие клочковатой щетиной щеки в розовых пятнах, будто шкура зарезанной свиньи, крохотные рыбы глазки за стеклами очков (такими толстыми, что хоть барбекю на них подавай), шелушащаяся от любого прикосновения солнечного луча или сухого пустынного ветра кожа...

Лучшего работника у нас не бывало ни до, ни после.

Я познакомилась с Хрюшей в 1994-м. Ему, как всем кандидатам на собеседовании, устроили экскурсию по офису, и Кристиан Влатик подвел его ко мне как раз в тот момент, когда я боролась с пятигаллоновой бутылкой, пытаясь водрузить ее на кулер. Подавая мне руку, он болезненно скособочился, чтобы локтевой упор костыля не соскочил с предплечья, и, видя это, я вздрогнула. А когда ответила на рукопожатие, он покаянно склонил голову набок: судя по всему, к подобной реакции ему было не привыкать, хотя вряд ли многие вздрагивали по той же причине, что и я – из-за жарких голубых огоньков, пронизывавших его ауру, заставляя ее сверкать, как алмаз. Сама аура при этом была серо-зеленой, будто болотная вода или воронка торнадо. Таких я не видала еще ни у кого.

Должно быть, я слишком уж откровенно уставилась на него: приземистый коротышка на костылях опустил взгляд к моим туфелькам, а Крис кашлянул.

– Мария, – сказал он, – это Исаак Гилман.

– Просто Хрюша, – поправил его Хрюша.

Голос... о-ля-ля! Да, если внешней красотой он и был обделен, то красотой голоса – совсем наоборот. О, боже...

– Мария Дельпрадо. Вы – новый адвокат?

– Надеюсь, да, – ответил он с таким нажимом, с таким пафосом, что мы с Крисом дружно рассмеялись.

Рукопожатие его оказалось приятным – прохладным, сильным, упругим, совсем не подходящим к шелушащемуся, розовому, будто ошпаренному, лицу. Он тут же разжал пальцы, снова схватился за рукоять костыля, перенес вес на обе ноги и заморгал за стеклами очков, жутко искажавшими его лицо.

– Мария, – сказал он. – Мое любимое имя. Знаете, что оно значит?

– То же самое, что Мэри, – ответила я. – Оно означает «печаль».

– Нет, – возразил Гилман. – Оно означает «море». – Он указал подбородком мне за спину, на косо водруженную на кулер бутылку. – Здесь женщин заставляют заниматься тяжелой атлетикой?

– Мне просто приятно думать, что я сама способна о себе позаботиться. Где вы учились, Исаак?

– Хрюша, – поправил он. И добавил: – Йель. Четыре целых, ноль десятых¹⁵.

¹⁴ "Follow Me Light" © 2005 Elizabeth Bear. First publication: *SciFiction*, 12 January 2005.

¹⁵ То есть, круглый отличник – от 95 до 100 баллов по 100-балльной шкале.

Я повернулась к Крису, высоко подняв брови и поправив очки на переносице. Выпускники юридического факультета Йельского университета, закончившие курс с отличием, адвокатуру Лас-Вегаса вниманием не баловали.

– И ты еще не нанял его?

– Хотел вначале узнать твое мнение, – без малейшего намека на извинения сказал Крис. Бросив взгляд на Хрюшу, он самокритично улыбнулся. – Мария видит, нет ли за человеком какой вины. Всякий раз. Дар у нее такой. Однажды мы добьемся, чтобы ее назначили в судьи.

– Правда? – Безгубый рот Хрюши расплылся в улыбке, обнажив прорехи в короткой клочковатой бородачке. – И как? Нет ли за мной какой вины?

Кружившие возле него огоньки замерцали в окутавшем его, точно плащ, сумраке, как электрические голубоватые светляки. Он стукнул костылями об пол, перенося вес с ноги на ногу. Похоже, стоять ему было не очень удобно.

– И если есть, то в чем я виноват?

Нет, Гилман не подшучивал и не пытался флиртовать. Вопрос был задан со спокойным любопытством, будто он действительно думал, что я могу это увидеть. Сощурившись, я пригляделась к искоркам, плясавшим вокруг него – блуждающим огонькам, огням святого Эльма. Сама по себе его аура была темна, но в ее темноте не чувствовалось мрака давнего преступления или бесчестного поступка. Она казалась естественной, природной. Может, это как-то связано с его увечьем? И огоньки-светлячки...

Да, огоньки были чем-то из ряда вон. От одного взгляда на них начинало покалывать кончики пальцев.

– Если на вашей совести и были какие-нибудь грехи, – осторожно сказала я, – думаю, вы искупили их.

Он вновь заморгал, и мне – непонятно, почему – подумалось: «заморгал по-рыбьи». С чего бы это? Ведь рыбы не моргают. А он улыбнулся, обнажив зубы, торчавшие из бледных кровоточащих десен, точно желтые пеньки.

– Как же вы это определяете?

– По расстоянию между глаз.

Трехсекундная пауза – и он захохотал, а вот Кристиан, слышавший эту шутку далеко не впервые, только поднял глаза к небу и отвернулся. Хрюша пожал бульдожьими плечами, и я от души улыбнулась. Я уже знала: мы станем близкими друзьями.

В ноябре 1996-го в возрасте семнадцати лет умер от почечной недостаточности мой любимый кот, и Хрюша явился ко мне без приглашения с бутылкой «Мэйкерс Марк»¹⁶ и коробкой «Орео». К тому моменту, как я раскинула на столе между нами карты, мы оба уже порядком набрались. При первом же взгляде на стол выложенный из карт кельтский крест замерцал. Но это все было делом алкоголя. А вот сияние вокруг Хрюши, протянувшего над столом руку – нет.

– Бойся смерти от воды¹⁷, – сказала я, коснувшись пальцем ног Повешенного в надежде, что Хрюша понимает: здесь нужно рассмеяться.

Он наполнил мой опустевший бокал, и его глаза блеснули в свете свечи, как рыба чешуя.

– Это нужно было сказать, если бы ты не нашла Повешенного. В любом случае, Утопшего Моряка-Финикийца я не вижу.

– Верно, – ответила я, поднимая бокал и склоняясь поближе. – Но на это указывает тройка посохов: ведь под Несущим Три Посоха Элиот имел в виду Короля-Рыбака. – Я ука-

¹⁶ Популярная марка бурбона.

¹⁷ Первая из множества отсылок к поэме Т. С. Элиота «Бесплодная земля», встречающихся в этом рассказе.

зала взглядом на его костыли, прислоненные к подлокотнику кресла. – По-моему, очень даже неплохо.

Его лицо слегка посерело, но, может, и в этом был виноват алкоголь. Огоньки заметались вокруг него стайкой вспугнутых мальков.

– Что же он символизирует?

– Добродетель, испытанную морем, – ответила я, но тут же задумалась, отчего мне могло прийти в голову именно это объяснение. – А море символизирует перемену, противоборство, глубины бессознательного, чудовищ ид...

– Я знаю, что значит море, – с горечью сказал он. Рука его метнулась к карте, перевернув ее коричневой рубашкой с изображением ключа цвета слоновой кости кверху. Резко вздернув подбородок, Хрюша указал им на карты. – Ты вправду веришь в это?

Да, глупо было доставать их. Глупо было показывать их ему. Если бы не сильная печаль, да не изрядная доза спиртного...

– Это просто игра, – сказала я, сметая карты в кучу. – Просто детская игра. – Поколебавшись, я опустила взгляд и перевернула тройку посохов картинкой вверх, чтобы она легла, как вся остальная колода. – Никак не попытка заглянуть в будущее.

В 1997-м я пустила его в свою постель. Не знаю, отчего – может, благодаря полутора бутылкам «Сира», которыми мы отпраздновали одну из нечастых побед, а может, сладкая горечь его роскошного звучного голоса наконец растопила мою скромную добродетель, однако в темноте нам было хорошо. Оказалось, его руки и плечи просто прекрасны – сильны и нежны несоразмерно всему остальному.

После я перекатилась набок, бросила завернутую в салфетку резинку на тумбочку и услышала его вздох.

– Спасибо, – сказал он.

Восторг в его неподражаемом голосе оказался еще слаще секса.

– Это тебе спасибо, – абсолютно искренне ответила я, снова прижавшись к нему и глядя на светлячков, мерцавших вокруг его широких, сильных ладоней. Взмахнув в темноте руками в попытке разобраться в каких-то невысказанных чувствах, он негромко заговорил.

Спать никому из нас не хотелось. Он спросил, что привело меня в Лас-Вегас. Я рассказала, что родилась в Тусоне и скучала по пустыне, уехав оттуда. А он сказал, что родился в Стоунингтоне. На рассвете я поместила руку в его ауру, ловя мерцающие огоньки, как дети ловят языком снежинки, и спросила, откуда взялись жуткие шрамы на задней стороне бедер, под которыми странно вспучивались скрученные, отсеченные от костей сухожилия. Я-то думала, что он – инвалид от рождения... Да, во многом, во многом я ошибалась.

– Багром зацепило, – ответил он. – Мне тогда было семнадцать. Наша семья – рыбаки. С незапамятных времен.

– Но, Исаак, отчего ты не вернешься домой, в Коннектикут?

Пожалуй, впервые он не стал поправлять меня.

– Нет у меня дома в Коннектикуте.

– И никого из родных не осталось?

Он промолчал, но в его ауре возникло тускло-зеленое пятно отрицания. Втянув носом воздух, я решила попробовать еще раз:

– Ты не скучаешь по морю?

Он рассмеялся, и теплое дуновение воздуха защекотало мое ухо, всколыхнув волосы.

– Если захочу, пустыня прикончит меня так же быстро, как и море. Чего по нему скучать?

– А отчего ты приехал сюда?

– Просто потянуло. Показалось, что здесь спокойно. Никаких перемен... Мне нужно было уехать с побережья, и я решил, что в Неваде... что в Неваде, пожалуй, достаточно сухо. Кожное заболевание. Во влажном климате, особенно неподалеку от моря, становится хуже.

– Но все же ты вернулся к морю. К доисторическому. Ведь когда-то вся Невада целиком была морским дном. Ихтиозавры здесь плавали...

– Морским дном... Эх... – Он потянулся, и я почувствовала спиной его прохладную, мягкую кожу. – Наверное, у меня это в крови.

На следующую ночь мне снилось, будто мне сковали запястья украшенными драгоценностями кандалами, подсекли жилы на ногах и оставили умирать одну, среди топкой соленой трясины. На рассвете они с песней ушли. Сгорбленные нечеловеческие фигуры скрылись в дымке тумана, неярко, точно опалы в моих кандалах, мерцавшей вокруг.

Рассеявшись в солнечных лучах, туман обнажил серую землю и зеленовато-бурую воду – агат и блеклый аквамарин. К окровавленным бедрам присохла ткань грубого серого платья, смятая там, где они задрали подол, чтобы подсесть сухожилия. Я приподняла голову из грязи и подсунула под нее руки, прижавшись щекой к холодному металлу кандалов на запястьях.

Над болотом воняло гнилью и смятой травой. Зеленые миазмы были так густы, что заглушали даже клейкий медный запах крови. А вот боль оказалась не так сильна, как следовало ожидать: потрясение и страх накрывали меня с головой, будто волны морского прилива. Я потеряла не настолько много крови, чтоб умереть, но лучше уж поскорее забыться холодным непробудным сном, чем медленно умирать от голода или лежать в луже собственной крови, пока на ее запах не явится тварь, которой я оставлена на съедение.

Неподалеку заквакала лягушка. День обещал быть жарким.

И вскоре мне предстояло в этом убедиться.

На жаре его кожа шелушилась, как чешуя. От солнечных лучей на теле вздувались и лопались волдыри, трескались губы, шла носом кровь. Он увещал меня драгоценностями – опалами и турмалинами цвета мха и роз.

– Наследство, – объяснил он. – Семейные.

Нет, он не врал.

Ложь я бы разглядела.

Пустыня Мохаве ненавидела его лютой ненавистью. Он шелушился и кровоточил, трескался и иссыхал с головы до ног. Он почти не потел и выкручивал кондиционер до предела. Кожа его горела от жары и солнца, слезала с него, как со змеи. Аквамарин выцветал, будто зубы курильщика. Жемчуга рассыпались в прах. Опалы трескались, теряя блеск.

Он завел привычку ходить по ночам к реке Колорадо, через дамбу к Уиллоу Бич, на аризонский берег, и купаться в темноте. Я сказала, что это безумие. Я сказала, что это опасно. Как он сумеет справиться с водами Колорадо, если даже не может ходить без костылей и опорных протезов?

Он чмокнул меня в нос и ответил, что купания облегчают боль. А я сказала, что, если он утонет, я никогда ему этого не прощу. На это он заявил, что за всю историю мира ни один Гилман еще не утонул. А я назвала его самонадеянным лживым ублюдком. Тогда он перестал рассказывать мне, куда ходит гулять по ночам.

Порой, когда он возвращался и ложился рядом, я лежала в темноте и наблюдала за путеводными огоньками, вьющимися вокруг него. Порой спала.

А порой и видела сны...

Очнулась я после заката, с появлением в темном небе россыпи звезд. Перед моего платья засох, превратившись в сплошное желто-зеленое пятно. Ткань под спиной и задом, успевшая пропитаться влагой, прилипла к коже. Похоже, топкий ил помог ей отмокнуть от ран на ногах.

К сожалению, я еще была жива. Как же это было больно!

Интересно, удастся ли устоять перед соблазном напиться из болота, когда придет жажда? Обезвоживание погубит куда быстрее, чем голод. С другой стороны, от болотной воды вполне может стать так худо, что я забудусь в горячечном бреде и сама не замечу, как отойду в небытие. Возможно, смерть от дизентерии окажется легче, чем от гангрены. Или от жажды.

Или смерти в пасти хищной твари... А что? Если за мной, как и было задумано, явится отец лягушек, мучиться мне недолго.

Я свистнула сквозь стиснутые зубы. Прекрасный драматический жест... вот только губы от этого треснули, и я почувствовала во рту вкус крови. Выбор был небогат: притихнуть и умереть, либо умереть, подняв шум. Раз так, пожалуй, лучше уж умереть достойно.

Упершись локтями в землю, я поползла – сама не зная, куда.

Лунный свет серебрил мутные желто-зеленые лужи на моем пути, сверкал в сгущающемся тумане голубыми электрическими отблесками. Движение, по крайней мере, помогло согреться и размять окоченевшие мускулы. Через полчаса прекратилась дрожь. Мышцы у рассеченных сухожилий затвердели, отяжелели, будто сварные швы. Куда удобнее было бы, если бы они просто отрубили эти проклятые ноги – тогда мне хотя бы не пришлось волоочь за собой бесполезные мерзнувшие конечности.

Будь у меня толика здравого смысла...

Будь у меня хоть малая толика здравого смысла, не пришлось бы мне, искалеченной, умирать в болоте.

Сохрани я хоть малую толику здравого смысла, свернулась бы клубочком да умерла.

Что ж, на это я была вполне согласна.

Но, стоило начать выбирать место поудобнее, как рядом, в уголках зрения, замерцали странные голубые огоньки.

Уж и не знаю, отчего я решила последовать за ними.

Хрюша подарил мне жемчужину на серебряной цепочке – разноцветную, причудливой формы, затейливо скрученную и гляцевитую, как сливочная тянучка. Сказал, что раньше она принадлежала его матери. Когда я надевала ее, она ложилась в ложбинку между грудей, теплая, будто подушечка нежного пальца.

Хрюша сказал, что сделал вазэктомию, но всякий раз, когда мы занимались любовью, надевал резинку. И уговаривал меня перейти на таблетки.

– А чулки с поясом не завести? – поддразнила я его в ответ.

Чеснока в моих скампи¹⁸ было столько, что глаза едва не слезились, но Хрюша никогда не обращал внимания на то, что я ем, каким бы пахучим оно ни было.

Была пятница. К часу ночи мы наконец-то выбрались из постели поужинать в рыбный ресторанчик Капоццоли. Народу в красноватом полумраке зала было битком, но кухня там была превосходной, и работал ресторанчик круглые сутки. Сощутив печальные янтарные глаза, Хрюша взглянул на меня и откусил кусочек щупальца кальмара.

– Не хочется ли тебе родить на свет ребенка?

– Нет, – ответила я. – Пожалуй, не хочется.

Так я впервые соврала ему.

С братом Хрюши, Исавом, я познакомилась только после того, как вышла замуж за другого человека, оставила адвокатуру, пытаясь родить ребенка, а когда оказалось, что детей у нас быть не может, развелась и была вынуждена снова вернуться к работе, чтобы оплачивать счета. Хрюша работал все там же, все в той же программе. Все с тем же терпением ждал, что небывалое сбудется и ему попадется ни в чем не виновный клиент; все так же делал вид, что

¹⁸ Крупные («королевские») креветки, часть традиционной итальянской кухни.

мы были и остаемся всего лишь добрыми друзьями. Мы никогда не заговаривали об этом, но в мыслях я представляла себе этот разговор тысячу раз:

- Я ушла от тебя.
- Тебе хотелось родить ребенка.
- Ничего не вышло.
- И теперь ты хочешь вернуться? Я не таков, как ты, Мария.
- Ты никогда не скучаешь по морю?
- Нет. Никогда.

Он был слишком горд, а мне было слишком стыдно. А после того, как я стала судьей Дельпрадо, мы и вовсе виделись только в суде.

А потом позвонил Исав и оставил на автоответчике сообщение: представился, объяснил, кто он такой и где его найти. Уж не знаю, как он сумел раздобыть мой номер. Поддавшись любопытству и тревоге, я согласилась встретиться с ним в центре города, у старой церкви, выстроенной в тридцатых, можно сказать, из невосполнимой истории. Ее построили из местного камня, не пожалев древних петроглифов и сталактитов, чтобы порадовать Господа красотой грубых каменных стен.

Исав не понравился мне с первого же взгляда. Исав... Не узнать его было невозможно: та же щетина, те же редкие волосы, то же на удивление уродливое рыбье лицо с торчащей далеко вперед нижней челюстью. И та же сумрачно-зеленая аура, только с пятнами цвета запекшейся крови у ладоней и губ и без блуждающих огоньков.

Исав стоял у одного из петроглифов, склонившись к выцветшему красному камню, над фигурой из черточек, изображавшей человека, и двумя волнистыми параллельными линиями, означавшими реку – древнюю, как само время, Колорадо, орошающую бесплодные земли, хранящую пустынный Запад и хранимую им.

Исав обернулся и увидел меня. Хотя, пожалуй, не столько меня, сколько жемчужину у меня на груди.

Расставшись с Хрюшей, я вернула ему все драгоценности. Все, кроме этой жемчужины. Ее он бы назад не взял, и, честно говоря, я была этому рада. Даже не знаю, зачем я надела ее на встречу с Исавом – разве что оттого, что очень не хотела с ней расставаться.

Выпрямившись во все свои пять футов и четыре дюйма, он полоснул меня обжигающим взглядом и бесцеремонно, как-то странно сжав пальцы в щепоть, потянулся к цепочке. Я без раздумий хлопнула его по руке. Он шикнул на меня, и на миг между его бескровных губ мелькнул кончик гибкого, точно резинового языка.

Отступив на пару шагов, он взглянул мне в глаза. Его голос – прекрасный, звучный, мелодичный баритон – не имел ничего общего с внешностью. На миг поддавшись его гипнозу, я подалась вперед.

– Крушения, – негромко проговорил он. – Затонувшие корабли. Драгоценности мертвеца. Все они там – протяни лишь руку, если только знаешь, где искать. Наша семья всегда это знала.

Моя рука, поднятая для нового удара, замерла в воздухе, точно сама по себе. Как будто не смогла преодолеть звук его голоса.

– Вы были кладоискателем? Охотником за сокровищами?

– Был и остаюсь, – ответил он, небрежным движением пальца заткнув прядь моих волос мне за ухо. Меня охватила дрожь. Рука моя опустилась, пальцы крепко впились в бедро. – Когда Исаак вернется со мной в Новую Англию, ты тоже поедешь с нами. Мы можем дать тебе детей, Мария. Целые выводки. Целые стаи. Все, чего ты когда-либо хотела.

– Я никуда не поеду. Ни ради... Исаака, ни ради кого-либо другого.

– Кто сказал, что у тебя есть выбор? Ты – часть того, что получит он. А уж чего ты хочешь, мы знаем. Мы навели о тебе справки. Еще не поздно.

Тошнотворная зябкая дрожь не унималась.

– Выбор есть всегда. – Эти слова обожгли мне губы. Я сглотнула. Ногти впились в ладони. Его холодные пальцы коснулись щеки. – Что же он получит еще? Если я пойду с вами своей волей?

– Исцеление. Превращение. Силу. Возвращение в море. Все то, за отказ от чего он должен был умереть.

– Он не скучал по морю.

Исав обнажил в улыбке желтые пеньки зубов:

– И в это нетрудно было поверить, не так ли?

Последовала долгая, едва ли не благоговейная пауза, затем он прочистил горло и сказал:

– Идем со мной.

И я, не в силах остановиться, последовала за этим чудесным голосом.

Взошла луна, небо сделалось глубже, но отсветы скрывшегося за скалами солнца еще озаряли путь к Уиллоу Бич. Камни под ногами излучали тепло, будто кирпичи, раскаленные в печке. Их жар проникал даже сквозь подошвы кроссовок.

– Хрюша говорил, что у него не осталось никого из родных.

– Да, уж он ради этого постарался изо всех сил, – хмыкнул Исав.

– Ведь это ты искалечил его, так? И бросил умирать на болоте?

– Откуда ты знаешь об этом?

– Не от него. Я видела это во сне.

– Нет, – ответил он, подавая мне руку, чтобы помочь спуститься с крутого, неровного склона. – Это не я, это Иаков. Он никогда не покидает дом.

– Еще один брат?

– Старший из братьев.

Тут я споткнулась. Исав дернул меня за руку, метнул в меня испепеляющий взгляд и зашагал быстрее. Болотная вода его ауры озарилась багровыми сполохами умоисступления. Проклиная повинующиеся чужой воле ноги, я едва не бежала, чтобы не отставать от него. Что ж, по крайней мере, язык все еще оставался в моей власти, и я воспользовалась им:

– Иаков, Исав и Исаак Гилманы? Как это... оригинально.

– Славные старые новоанглийские имена. Марши и Гилманы были среди первых поселенцев, – настороженно сказал он. – Молчи. Чтобы рожать детей, язык не нужен. Еще словечко – и я с радостью избавлю тебя от него, сучка млекопитающая.

Слова, готовые слететь с языка, разом застряли в горле. Я снова споткнулась, и он рывком поднял меня на ноги, расцарапав грубой холодной рукой кожу над косточкой на запястье.

Мы миновали поворот расщелины, по дну которой тянулась тропа, и Исав замер на месте, как вкопанный. Впереди безмолвно струились темные воды могучей реки. При виде сверкающих над водой брызг – серебряных, медных, живых, кишевших в воздухе, как светлячки, – просто захватывало дух.

На берегу, у самой воды, стоял, опершись на костыли, Хрюша... Исаак, на удивление беззаботный для инвалида, только что спустившегося вниз по неровной каменистой тропе. Он запрокинул голову, чтобы лучше разглядеть нас, и сдвинул брови.

– Исав... Жаль, не могу сказать, что рад тебя видеть. Я-то надеялся, ты давно присоединился к Иакову на дне морском.

– Ждать осталось недолго, – легко ответил Исав, стащив меня за собой со склона и подняв вверх свободную руку.

Только дважды моргнув, я смогла поверить, что желтоватые полупрозрачные перепонки между его пальцев, пронизанные вздувшимися венами, действительно часть его тела. А он снова схватил меня за плечо и поволок за собой, точно тележку с покупками.

Хрюша заковылял нам навстречу. На какой-то миг мне показалось, что он сейчас ударит Исава костылем по лицу, и я представила себе звон алюминия, дробящего Исавову скулу. «Целые выводки. Целые стаи». Как легко, как просто поддаться соблазну, а там – будь что будет. Вот только... стаи кого?

– Ты мог бы не втягивать во все это Марию.

– Но мы можем дать ей, чего она хочет, не так ли? Хотя с твоей помощью, хоть без нее. Где ты добыл денег на учебу?

Хрюша улыбнулся, по-волчьи сверкнув зубами:

– Кандалы из платины. Опалы. Жемчужины, крупные, как глаз мертвеца. Целая уйма.

И еще много осталось.

– Вот оно как. А как же ты остался в живых?

– Мне указали путь, – ответил он, и вокруг него замерцали голубые огоньки.

Голубые огоньки, очень похожие на серебристые искры, клубившиеся над рекой...казалось, они жужжат, разозленные вторжением непрошенных гостей. Я оглянулась на Исава, чтобы увидеть выражение его глаз, но тот даже не взглянул в мою сторону.

Исав явно не видел никаких огоньков. Он, не отрываясь, смотрел в глаза Хрюши, и Хрюша встретил его взгляд с гордо поднятой головой.

– Идем домой, Исаак.

– Чтобы Иаков попытался убить меня снова?

– Он причинил тебе зло только потому, что ты хотел уйти от нас.

– Исав, он бросил меня в соленой трясине на съедение отцу лягушек. И ты был рядом, когда он...

– Не могли же мы вот так просто позволить тебе уйти.

Выпустив мое плечо, Исав велел мне не двигаться с места, широко развел руки в стороны и направился к Хрюше. Вокруг еще было светло: в этом месте каньон расширялся, и тень его стенок не успела заслонить солнце. Солнечный свет сиял на лысеющей макушке Исава, на желтушных, пронизанных вздутыми венами перепонках между его пальцев, на алюминии Хрюшиных костылей...

– Я и не ушел, – сказал Хрюша, отворачиваясь от него. Бежевая резина наконечников костылей расплющилась, распласталась по поверхности камня. Качнувшись вперед, он заковылял к реке, к роящимся над водой огонькам. – Я уполз.

Исав догнал его и пошел рядом.

– Никак не пойму, отчего ты... не изменился.

– Это все пустыня, – ответил Хрюша, остановившись на узком каменном выступе над водой. Укрошенная дамбой, река текла мимо мирно, спокойно, однако я чувствовала ее мощь, ее древнюю магию, дающую этой земле жизнь. – Пустыня не любит перемен. Вот и удерживает меня... на полпути.

– Но какая же это мука...

Едва ли не с сочувствием Исав опустил перепончатую руку на плечо Хрюши. От этого Хрюша вздрогнул, но не отстранился. Чувствуя, что язык снова в моей власти, я открыла было рот, чтобы закричать, но тут же передумала.

«Целые выводки... Ведь это будут дети Хрюши, кем бы они ни были!»

– Немалая, – согласился Хрюша, переступив костылями, склонившись над водой и высвободив предплечья из локтевых упоров.

Плечи его всколыхнулись под белой рубашкой. Мне тут же захотелось погладить их.

– Если ты примешь превращение, твои ноги исцелятся, – негромко сказал Исав. Река, подхватив его голос, повлекла его за собой. – Ты будешь сильным. Ты родишься к жизни. Весь океан станет твоим, все страдания останутся в прошлом, а вот твоя женщина – мы и ее возьмем с собой.

– Исав...

В его голосе звучало предостережение. Гнев. Но Исав ничего этого не слышал.

– Говори, женщина, – сказал он, оглянувшись на меня. – Скажи Исааку, чего тебе хочется.

Я все еще не могла шевельнуть даже пальцем, но язык во рту обрел свободу. Пришлось прикусить его, пока не сболтнул лишнего.

Исав со вздохом отвернулся.

– Исаак, ведь кровь – не вода. Неужели тебе не хочется иметь свою семью?

«Очень хочется», – подумала я.

Хрюша молчал, но, судя по тому, как напряглись его плечи, его ответом было «нет». Должно быть, это понял и Исав. Он поднял отвратительно полупрозрачную перепончатую руку, растопырил пальцы, и солнце блеснуло на желтоватых зазубренных когтях, которые он выпустил, точно кот.

«Хоть с твоей помощью, хоть без нее... Но все-таки – стаи кого?»

– Хрюша, пригнись! – закричала я так громко, что едва не сложилась пополам.

Но он не пригнулся. Вместо этого он отшвырнул костыли назад, а сам по инерции качнулся вперед и обхватил Исава поперек туловища. Голубые, серебряные, медные огоньки взвихрились вокруг. Исав вскрикнул – взвизгнул – и вскинул руки, раздирая когтями Хрюшино лицо и плечи, но с внушительной силой Хрюши ему было не совладать. Рой огоньков окутал обоих, и Исав вновь закричал, а я изо всех сил рванулась вперед, но невидимые цепи держали меня на месте, будто манекен в витрине, не позволяя даже шевельнуться.

Хрюша, не разжимая хватки, качнулся назад.

Воды Колорадо сомкнулись над ними почти без всплеска.

Через пять минут после того, как они скрылись под водой, я смогла пошевелить пальцами и оглядеть берег, но Хрюши с Исавом не было нигде.

Не в силах заставить себя коснуться костылей Хрюши, я так и оставила их на берегу.

Исав оставил ключи в машине, но когда я добралась до нее, меня трясло так, что я не решилась сесть за руль. Захлопнув дверцу, я потуже затянула шнурки кроссовок и с трудом полезла наверх, к гребню склона. По пути дважды едва не подвернула щиколотку, оскользнувшись на сорвавшихся вниз камнях, но вскоре добралась до цели. На запад тянулись красные скалы, прорезанные пыльными каньонами, а позади спускался вниз изборозженный сухими руслами ручьев длинный склон. Где-то там, позади, достаточно близкая, чтоб до меня донолся ее запах, но скрытая от глаз, осталась и река. Усевшись на камень, я оперлась локтями о колени и устремила взгляд в знойную пустынную даль – к горизонту, в сторону заходящего солнца.

Говорят, в тот миг, когда солнце скрывается за краем света, можно увидеть зеленый луч. Правда, я его никогда не видела. И даже сомневалась, что это правда. Пожалуй, теперь, если хватит терпения, это можно было проверить.

От солнца до земли оставалось еще не меньше ладони. Я смотрела и смотрела на закат, и раскаленный ветер трепал мои волосы. Вот золотистый диск наполовину скрылся за горизонтом, и тут я услышала ритмичный хруст на склоне позади. Кто-то поднимался наверх.

Но я даже не обернулась. Какой в этом смысл? Расставив костыли в стороны, он склонился над моим плечом – тяжелый, прохладный, будто замшелый валун. Я запрокинула голову, привалившись затылком к груди Хрюши. Капли воды с его рубашки упали на лоб, на губы, на веки. Вокруг него плясали голубые огоньки; черт лица, темневшего на фоне вечернего неба, было не разглядеть. Выпустив один из костылей, он положил руку мне на плечо. Его дыхание зашелестело над ухом, будто морская пена.

– Исав сказал, что кровь – не вода, – сказала я, сама того не желая.

– Да, если кровь не рыба, – откликнулся Хрюша, крепче сжав пальцы.

Оторвав взгляд от длинных извилистых теней каньонов внизу, я увидела его пальцы на своем плече, бледные на фоне оливково-смуглой кожи – и безо всяких перепонок. Один из этих пальцев скользнул под черную бретельку моего топики, и, несмотря на темно-красные пушистые нити, пронизывавшие зеленую дымку вокруг его ладоней, я не стала возражать.

– Где он?

– Исав? Он утонул.

– Но... – я задрала голову еще выше. – Ты же говорил, что Гилманы не тонут.

Хрюшины плечи за спиной качнулись вверх-вниз.

– Похоже, река его просто невлюбила. Бывает порой и такое.

Долгое молчание, пока в голове не родился еще один вопрос:

– А как ты отыскал меня?

– Тебя я всегда отыщу, если сама захочешь, – ответил он, уколов мою шею клочковатой бородкой. – Куда ты смотришь?

– На закат.

– Приди же под эту красную скалу, – не совсем точно процитировал он, взглянув на тень противоположного склона, ползущую к нам по долине.

– Нет уж, еще и ужас в пригоршне праха мне сегодня совсем ни к чему...

Негромкий смех, и он поцеловал меня в щеку – неуверенно, точно сомневаясь, что я позволю сделать это.

– А я думал, это будет «бойся смерти от воды».

Солнце скрылось. Я снова проморгала зеленый луч. В сумраке, слившемся с тьмой над его плечами, я повернулась к Хрюше и тыльной стороной ладони смахнула мерцающие огоньки с его лица.

– Нет, любимый, – ответила я. – Этого я больше не боюсь.

Элизабет Бир

* * *

Элизабет Бир родилась в один день с Фродо и Бильбо Торбинсами, только в другом году. Это-то, вкупе с детской привычкой читать словари ради забавы, и привело ее к бездне, неуступчивости и литературному творчеству. Ныне она – лауреат «Хьюго», «Локуса», премий Теодора Старджона и Джона В. Кэмпбелла, автор двадцати семи романов (последние – «Память Карен» и написанный в соавторстве с Сарой Монетт «Ученик эльфов») и более ста рассказов и повестей. Живет в США, штат Массачусетс.

Корни истории Юна Ха Ли ведут в его детство – в мир корейских народных сказок, к образу Царя драконов из Подводного царства. В отличие от злых европейских драконов, обычно ассоциирующихся с огнем и разрушением, драконы корейских мифов чаще всего – создания благожелательные и щедрые, повелевающие всеми водами, от тихих прудов до бурных морей.

Монета заветных желаний

19

Однажды в империи на берегу бескрайнего моря, где облака белы, как молоко и перламутр, а ветры пахнут солью и фруктами дальних стран, сошлись люди всех ремесел и каст, от мала до велика, на похороны императрицы. При жизни императрица носила имя Берилл Среди Бури. Теперь, стоило ей умереть, придворные летописцы начали именовать ее Сплетающей Бурю, ибо была она великим флотоводцем, грозой морей.

Бальзамировщики умастили Сплетающую Бурю благовонными маслами, а лицо ее, как подобает, скрыли под резной маской из белого нефрита. В одну руку вложили ей небольшой флаг с гербом империи – якорем и мечом, вышитыми темно-синим шелком, а в другую – обнаженный кинжал, острый, с муравленой рукоятью, сверкавшей белизной, лазурью и золотом. Облачена императрица была в тяжелые шелковые одежды, которые надевала только раз, на последний Праздник Урожая. Народ империи верил, что правительницу надлежит снабдить всем, необходимым для грядущей жизни в Море-Что-Примет-Всех, чтобы она замолвила за подданных словечко перед духами драконов.

Осталась после императрицы единственная дочь. От роду было ей всего тринадцать лет, и посему советники старой императрицы дали ей имя Ранняя Крачка в Небе. Крачка была девочкой степенной и серьезной не по годам. Даже на похоронах, облаченная в белые с серым одежды скорби, держалась она почти бесстрастно. Если глаза ее и заблестели, когда жрецы запели, провожая усопшую в Путь-К-Закату, то только потому, что этого от нее ожидали.

С наступлением сумерек носилки с телом старой императрицы поместили на погребальную ладью, выкрашенную красным, чтобы ладья шла вслед солнцу. Один из жрецов перерубил канат, а стража императрицы подожгла ладью, пустив в нее горящие стрелы.

Старейший из советников Крачки, мудрец, в юности посетивший множество иноземных храмов, повернулся к девочке и заговорил, возвысив голос над треском пламени и рокотом волн:

– В эту ночь тебе нужно хорошенько отдохнуть, моя повелительница. Завтра перед тобой предстанут Двадцать Семь Великих Семейств. И, несмотря на твои юные годы, они должны увидеть в тебе владычицу, ни в чем не уступающую матери.

Крачка прекрасно, не хуже него, понимала: какую твердость характера ни прояви она завтра, Великие Семейства непременно сочтут ее легкой добычей. Однако она просто кивнула и удалилась в покои для медитации.

Спать она в ту ночь не легла, хотя никто не упрекнул бы ее за это. Долго, упорно думала Крачка, как же ей быть. Сладкий аромат благовоний щекотал ноздри. Отчаянно хотелось позвать мать – пусть та вернется назад с погребальной ладьи, поможет советом... Но ничего. Довольно будет и тех советов, что давала ей мать при жизни.

За два часа до рассвета Крачка позвонила в серебряный колокольчик, призывая слуг.

– Будите канцлера казначейства, – велела она. – Мне нужно с ним посоветоваться.

Канцлер был вовсе не рад тому, что его разбудили в такую рань, и обрадовался еще меньше, когда Крачка объяснила, как намерена поступить.

– Откупаться от Семейств? – сказал он. – Скверный пример на будущее.

– Мы не откупаемся от них, – твердо сказала Крачка. – Мы проявим щедрость, сравниться с коей они не могут и мечтать. И они спросят себя: если императрица может позволить себе раздаривать такие сокровища, какое же великое могущество она утаивает?

¹⁹ “The Coin of Heart’s Desire” © 2013 Yoon Ha Lee. First publication: *Once Upon A Time: New Fairy Tales*, ed. Paula Guran (Prime Books).

Канцлер недовольно заворчал, забормотал что-то себе под нос, но проводил Крачку в первую сокровищницу. Стены ее были увешаны шелковыми свитками с изображениями изысканных пейзажей, а под картинами лежали груды книг, украшенных цветными миниатюрами. На переплетах были оттиснуты золотом силуэты пляшущих журавлей и игривых кошек. На столах выстроились, точно готовые к бою войска, шеренги крохотных, не больше ногтя большого пальца, костяных фигурок, и – любопытная вещь – каждую из этих фигурок венчала голова вымершей птицы. На лаковых подставках покоились мечи в позолоченных ножнах, украшенных неограниченными опалами и аквамаринами, а бледные кисти, свисавшие с их рукоятей, были завязаны узлами, символизирующими розу ветров. Были здесь филигранные короны с вплетенными в них осколками скрижалей, хранящих отрывки древних пророчеств – в некоторых до сих пор сохранились застрявшие волосы давно умерших владык. Были здесь целые канаты, свитые из нитей жемчуга, прекрасно подобранного по размеру и цвету – от ослепительно-белого до матово-лилового и глянцеви́то-черного...

– Нет, все это не то, – сказала Крачка. – Этими обыденными сокровищами можно награждать капитанов, но Двадцать Семь Великих Семейств ими не удивить.

Канцлер побледнел, как полотно.

– Не собираешься же ты...

Но юная императрица молча прошла мимо него и направилась ко второй сокровищнице. Вооружившись самым тяжелым из своих ключей, она отперла замок, и двери с обманчивой легкостью распахнулись. Стражники у дверей в страхе уставились на нее.

Изнутри резко пахло морской солью и водорослями. Дух дракона в темноте за порогом приподнял тяжелое веко и взглянул на девочку одним глазом.

– Кто здесь возжелал утонуть? – спросил дух дракона.

В его низком, звучном басы слышалась надежда: обычно людям хватает ума не тревожить духов-покровителей.

– Я – дочь Сплетающей Бурю, – ответила Крачка. – А зовут меня Ранняя Крачка в Небе. Тяжелое веко приотпустилось.

– Так вот ты кто, – уже не так грозно сказал дракон. – Никогда не мог понять, зачем вашей династии нужно менять имена через произвольные промежутки времени. От этого возникает жуткая путаница.

– Так эта традиция досаждала тебе? – спросила Крачка. – Изменить ее будет нелегко, но...

Свет, лившийся из коридора, блеснул на длинных, острых драконьих клыках.

– На мой счет не беспокойся, – сказал он. И задумчиво добавил: – Просто удивительно, как ты с виду похожа на нее... Ну что ж, входи.

– Это неразумно, – вмешался канцлер. – Все, что охраняет дракон, заперто здесь не без веской причины.

– Сокровища, спрятанные навсегда, пользы не принесут, – ответила Крачка.

Оставив канцлера за порогом, она вошла в сокровищницу. Двери тихо затворились позади.

Несмотря на благоволение и защиту дракона, в призрачном море было трудно дышать и нелегко двигаться. Даже свет здесь был странным – цвета дождя, молнии и морской пены, смешанных воедино. Запах соли усилился, и – вот странность – откуда ни возмись, в нем появились нотки аромата хризантем. Однако это было лучше, чем утонуть. Крачка двинулась вперед.

Дракон поплыл рядом, оставляя за собой мерцающий перламутром след.

– Что привело тебя сюда? – спросил он.

– Я должна выбрать двадцать семь даров для Двадцати Семи Великих Семейств, чтобы поразить их могуществом нашей династии, – ответила Крачка. – Но я не знаю, что выбрать.

– Только и всего? – разочарованно сказал дракон. – Вот латные доспехи для женщин и мужчин, для лошадей и слонов. Подари по одному главам каждого семейства – хотя слонов среди них, полагаю, не имеется – и, если кто из них замыслит измену, духи, живущие в этих доспехах, поразят твоих врагов. Хотя... вы еще не изобрели пороха? От доброй пули доспех не спасет. Как, однако, легко потерять счет времени, пока дремлешь здесь!

Крачка склонила голову, вглядываясь в неясные очертания скелета среди кораллов.

– Что такое «порох»? – спросила она.

– Не забивай этим голову. Это неважно. Так показать тебе доспехи?

Колеблющийся свет выхватил из темноты мастерски выкованные латы. К каждому из доспехов прилагалась маска, изображавшая морду демона, или впечатляющий шипастый шанфрон²⁰. Нагрудные пластины были отполированы так, что Крачка могла разглядеть в них искаженное отражение собственного лица.

– Нет, это не настоящий дар, – сказала она. – Практичный, но не настоящий.

– Идеалистка, – с шумным, будто порыв ветра, вздохом подытожил дракон. – Ладно. Что скажешь об этом?

И тут, будто оба они стояли на берегах ручья, к ним поплыла флотилия бумажных корабликов. Крачка опустилась на колени, чтобы разглядеть их поближе, и увидела на парусе первого строки стихов.

– Не стесняйся, – сказал дракон, – разверни.

Так Крачка и сделала.

– Очень похоже на стихи Полумесяца Разящего Клинка, – сказала она. Полумесяц Разящего Клинка была одной из самых прославленных флотоводец империи. Это она отразила иррилешское вторжение триста сорок девять лет назад. – Только эти отчего-то не так изящны, как те, которым учили меня наставники.

– Это потому, что, несмотря на все свои морские победы, поэтессой Полумесяц была посредственной, – пояснил дракон. – И ее императрица велела одному из придворных поэтов втайне переписать все ее творчество заново. – Судя по тону, этой человеческой блажи он тоже не понимал. – Как бы там ни было, на каждом из корабликов начертаны стихи какого-нибудь героя или флотоводца. Отпусти их в море в ночь полной луны, и они превратятся в превосходные боевые корабли. А захочешь вернуть им бумажный облик – очень полезно, чтоб уклоняться от портовых сборов, – прочти начертанные на них стихи в ночь новолуния. Вдобавок, они исключительно верны, если в этом твоя забота. Они никогда не пойдут на тебя войной.

Крачка обдумала все это и тут же представила себе собственных подданных, идущих войной друг на друга.

– Да, дар впечатляющий, но и он не совсем подходит.

– Тогда вот это, – сказал дракон, свиваясь кольцами.

Холодное течение пронеслось по сокровищнице, разметав бумажную флотилию по темным углам. Кораблики скрылись из виду.

Едва поток схлынул и холод отступил, перед ними повисли в ряд двадцать семь роскошных халатов. Одни были расшиты причудливым жемчугом и звездчатыми сапфирами, другие – вышиты золотой и серебряной нитью. Манжеты одних окаймляли тончайшие – тоньше пены морской – кружева, рукава других были украшены гроздьями фантастических цветов из проволоки и плотного цветного шелка. Одни сияли белизной, серебром и синью, будто луна в снежную ночь; на других, ярко-оранжевых, поблескивали кусочки янтаря с застывшими в них, будто ломкие буквы, складывающиеся в храмовые гимны, насекомыми; черный цвет третьих плавно выцветал книзу, становясь у земли дымчато-серым, а на спины их свисали по несколько

²⁰ Часть средневекового конского доспеха, защищающая голову.

полупрозрачных, будто крылья бабочки, капюшонов, увешанных крохотными стеклянными колокольчиками без язычков.

– И в самом деле, они просто чудо, – сказала Крачка, склонившись поближе и приглядевшись: на груди каждого халата, какими бы разными они ни были, поблескивало перламутром странное полукружье. – Что это? Уж не драконья ли чешуя?

– Так оно и есть, – отвечал дракон. – Чешуя драконов, покровительствующих всем мыслимым штормам и бурям: ионным бурям, солнечным вспышкам, квантовой пене пустейшего вакуума... В конце концов, неужто ты никогда в жизни не задавалась вопросом, каково это – взглянуть на мир глазами дракона?

– Не особенно, – призналась Крачка.

Мечтая, она бродила по императорским садам, делала вид, будто может понимать язык карпа и кошки, или спать в материнских объятиях ивы, воображала, что может убежать... но, послушное и ответственное дитя, даже не думала сделать это взаправду.

– Каждый год в день Праздника Драконов, – продолжал дракон, – тот, кто наденет такой халат, получает возможность принять драконий облик. Не слишком полезно для мятежей, если именно это означает выражение твоего лица. Однако драконы любят танцевать, и порой превращенный в дракона предпочитает не прекращать своих танцев. А кто останется в драконьей шкуре к концу празднества, останется в драконьей шкуре навсегда.

С опаской, стараясь не зацепить чудесных одежд даже подолом платья, Крачка прошла вдоль ряда халатов. Видя это, дракон всколыхнулся, покрылся рябью, но воздержался от замечаний.

– Да, – наконец сказала она. – Это подойдет.

Халаты были чудесны, но честно предоставляли владельцу право выбора – по крайней мере, Крачка надеялась, что так оно и есть.

– А как насчет чего-нибудь для тебя самой? – спросил дракон.

Какое-то подводное течение в его тоне заставило Крачку резко ответить:

– Воспользоваться сокровищницей ради государственного дела – это одно, разорять же ее для своего удовольствия – совсем иное.

– Но ты же императрица, не так ли?

– И потому тем более должна вести себя ответственно, – сказала Крачка, вскинув голову и взглянув в бесстрастные глаза дракона. – Сокровища – не единственная причина тому, что ты здесь.

– Ах, так, значит, ты догадалась об этом, – тонко, не обнажая клыков, улыбнулся дракон и протянул к ней когтистую восьмипалую лапу.

На самом маленьком, однако превосходившем длиной ладонь Крачки когте покачивался диск – наподобие монеты, только сделан он был из тускло-зеленого камня с красными крапинками, напоминавшими запекшиеся брызги крови, а высверленная в его центре дырка была не квадратной, а круглой. Но интереснее всего оказалась змейка, вырезанная на нем так искусно, что можно было различить каждую чешуйку ее шкуры.

– Что это? Она смотрит на меня? – спросила Крачка, обеспокоенная тем, что красные глаза змейки куда ярче крапинок на камне. – Как она называется?

– Это Монета заветных желаний, – ровным тоном ответил дракон.

– Никакая вещь с подобным названием не может приносить удачу, – сказала девочка.

– Твоей матери она не причинила никакого зла.

Тогда почему же Крачка никогда не слышала о ней?

– Во всех сделках, какие только я видела в жизни, – сказала она, – чтоб от монеты был прок, ее нужно было потратить.

Дракон обнажил в улыбке длинные острые клыки:

– Ты не ошибаешься.

Крачка еще раз осмотрела монету. Да, можно было не сомневаться: змейка сменила позу.
– И многие ли из моих предков ее потратили?

– Со счета сбился, – признался дракон. – Все эти дела – тронные имена, погребальные имена... Поди тут уследи за вами! Но некоторые так и не потратили ее до самой смерти.

– Отчего о ней не упоминается в летописях?

Дракон мечтательно смежил веки:

– Потому, что я люблю есть летописцев на ужин. Их кости раскрывают самые вкусные секреты.

Была в империи пословица: перед пустым храмом не пой, с призраками на берегу в отлив не танцуй, а с драконом не перешучивайся. Посему Крачка медленно проговорила:

– Однако империя процветала, если верить тем же летописцам. Не могли же мы все до одного потерпеть поражение в этом испытании.

Дракон не стал отрицать, что это и вправду испытание.

Крачка оглянулась на двери. Их очертания казались лишь перекрестьями мрака и тусклого света.

– Другого выхода из сокровищницы нет.

Дракон молчал.

Крачка коснулась монеты кончиком пальца. Она оказалась теплой, будто лежала в луче прячущегося где-то рядом солнца. Змейка вновь шевельнулась, и Крачка словно почувствовала под пальцем шероховатость ее чешуи.

Дракон неожиданно отдернул лапу. Монета упала, и Крачка невольно подхватила ее в воздухе.

– Боюсь, что нет, – подтвердил дракон. – Но это не значит, что по пути наружу ты не получишь какой-нибудь выгоды. Вопрос лишь в том, чего тебе хочется.

– За что заплатила ею моя мать?

– За позволение покинуть сокровищницу и никогда больше не возвращаться, – ответил дракон. – Она провела здесь два дня и две ночи, раздумывая и выбирая, и это было лучшим, что пришло ей в голову. Она не рискнула довериться соблазнам сокровищницы. И, конечно же, думала, что времени прошло гораздо больше. Ведь под водой и время течет иначе.

Крачка представила себе мать – молодую, только что коронованную императрицу, не спавшую два дня и две ночи, отчаявшуюся одолеть это испытание...

– Сколько времени провела здесь я? – спросила она.

– По человеческим меркам – немного, – заверил ее дракон, но его веселье ничуть не обнадеживало.

– А как же Дары для Двадцати Семи Великих Семейств? – спросила Крачка. – Их доставят ко двору, что бы со мной ни случилось?

– Они твои, и делай с ними, что пожелаешь, – отмахнулся дракон. – Мне давно надоело любоваться ими, так почему бы и нет?

Крачка вновь оглядела сокровищницу. Что, если времени прошло много больше, чем ей кажется?

– Я знаю, чего хочу, – сказала она.

Дракон придвинулся ближе.

Несмотря на все старания, голос дрогнул, но Крачка храбро взглянула прямо в глаза дракона.

– Не знаю, что за сделка обрекла тебя на это многолетнее заточение, но я положу ему конец. Пусть эта монета станет платой за твою свободу.

Дракон надолго замолчал.

– Знаешь, – наконец сказал он, – драконы – союзники непредсказуемые.

– Я рискну, – ответила Крачка.

Безрассудство? Возможно. Но ведь и императрицы ее династии были такими же пленницами, как этот дракон. Так пусть лучше дракон сам распоряжается своей судьбой!

– Но сокровищницу, знаешь ли, должен кто-то охранять, – заметил дракон, склонив голову набок. – А запасного дракона у тебя под рукой нет.

Так вот она, настоящая цена...

– Здесь останусь я, – прошептала Крачка.

– Сама понимаешь: целеустремленный грабитель превратит тебя в фарш в одну минуту.

– Я думала, ты хочешь уйти на свободу, – нахмурилась Крачка.

– Хочу, – согласился дракон. – Но к своему долгу я отношусь серьезно. Что ж, осталось только одно. Будь добра, передай мне монету.

Не зная, что и думать – изумиться или испугаться, Крачка так и сделала. И, как только монета покинула ее ладонь, почувствовала странный резкий укол.

– Страж драконьих сокровищ, – пояснил дракон, – должен быть неуязвим, как дракон.

С этими словами он выскользнул из собственной шкуры, да с такой легкостью, что Крачка не сразу сообразила, что происходит. Чешуйки, падая к ногам дракона, засверкали синевой глубин и зеленью водорослей, а сам дракон принял облик женщины годами десятью старше Крачки. Вокруг ее головы всколыхнулись черные волосы, а глаза ее оказались карими. С виду ее вполне можно было принять за одну из соотечественниц Крачки.

– Эта шкура твоя, – тем же голосом, что и прежде, сказал дракон. – Хочешь – пользуйся, а хочешь – выброси. И не говори потом, будто я не предоставил тебе выбора.

– По крайней мере, надень что-нибудь, – посоветовала Крачка, ужаснувшись при мысли о том, как удивится канцлер при виде дракона без каких-либо человеческих одежд.

– Империя не будет тебе благодарна за то, что ты уступила трон дракону, – заметил дракон, однако последовал совету и облачился в простой шерстяной халат.

– Ты будешь править с драконьей справедливостью, – отвечала Крачка, – и это больше, чем я могла бы ожидать от всех тех мужчин и женщин, что жаждут занять трон ребенка.

Она отдала дракону все свои ключи, и дракон почтительно улыбнулся.

– Поживем – увидим, – сказал он. И, задержавшись на пороге, добавил: – Я тебя не забуду.

Дверь затворилась, и Крачка осталась в сокровищнице с монетой в руке и драконьей шкурой у ног.

Лишь много поколений спустя одна из преемниц императрицы-дракона осмелилась войти в сокровищницу, и от нее Крачка узнала, что ей дали драконье имя. Не тронное, поскольку от трона она отказалась, и не погребальное, поскольку она была отнюдь не мертва. Ныне в оставленной ею империи ее звали Пожирательницей Сделок. Теперь, после всех этих долгих лет, она разделяла мнение дракона: сей человеческий обычай действительно не на шутку сбивал с толку, но изменить его было не в ее власти.

Минуло немало поколений, прежде чем в сокровищницу осмелилась войти еще одна из императриц, и Крачка спросила ее, что случилось с Императрицей-Драконом, правившей многие годы назад.

– Согласно летописям, – ответила императрица, – она правила шестьдесят лет, а после исчезла, оставив лишь записку, в которой говорилось: «Ушла искать еще одну монету».

Говоря это, императрица не сводила вождеющего взгляда с особенно прекрасного берилла, оправленного в филигранное серебро. В конце концов она сумела совладать с собой и повернуться к Крачке, но то и дело нет-нет да оглядывалась на берилл. Лицо ее казалось странно знакомым, но Крачка так и не смогла понять, отчего. Возможно, то была просто игра воображения.

Остальная часть беседы оказалась вполне предсказуемой, но, стоило императрице уйти, Крачка задумалась. Значит, драконы вправду справедливы... Что ж, она могла подождать: ведь здесь, под водой, и время течет иначе.

Юн Ха Ли

* * *

Дебютный авторский сборник рассказов **Юна Ха Ли** «Сохранение теней» вышел в свет в 2013 году, а в 2017-м был издан его первый роман, «Гамбит девятихвостого лиса». Живет он в США, штат Луизиана, с семьей и крайне ленивым котом. Ни кот, ни кто-либо из членов семьи, крокодилами пока съеден не был.

Во многих аспектах «Фокус с бутылкой» напоминает сказку Шарля Перро «Синяя борода», однако это вовсе не только назидательная история о том, к чему приводит любопытство, или о женищине, спасшейся благодаря собственной храбрости. Среди всего прочего, это – история о монстрах внутреннего расизма. Первую публикацию этого рассказа Хопкинсон снабдила такой преамбулой: «Яйца – семена жизни, безупречно белые снаружи. Как знать, какие оттенки могут обнаружиться внутри, когда скорлупа треснет, и птенец выйдет на волю, когда семя проклюнется, и росток даст плоды?»

Фокус с бутылкой

21

Сгустившиеся в воздухе тучи никак не могли разразиться грозой. Беатрис, сидевшая в плетеном кресле-качалке на передней веранде, легонько оттолкнулась босыми ногами от деревянных половиц и медленно закачалась взад-вперед.

Еще один знойный день сезона дождей... Казалось, от этой сухой жары из воздуха выкипел, испарился, повис в небе тяжкими, чего-то ждущими дождевыми тучами весь кислород.

О, как Беатрис любила такую погоду! Чем жарче был день, тем медленнее она двигалась, купаясь, нежась под солнцем. Она потянулась, распрямив руки и ноги на всю длину, чтобы как следует насладиться роскошью зноя, но тут же с виноватым видом села ровно. Увидел бы Сэмюэл, как она тут разлеживается, непременно бы разворчался. Ворчун Сэмми... Беатрис нежно улыбнулась, любуясь кружевными узорами от солнечных лучей, падавших на пол сквозь ажурные, будто пряники, резные карнизы, окаймлявшие крышу их дома.

– Есть что еще на сегодня, миссис Пауэлл? С мытьем посуды я закончила.

Вышедшая из дома Глория остановилась перед Беатрис, вытирая передником заскорузлые натруженные руки.

При мысли о том, что ей нужно отдавать приказания женщине намного старше нее самой, Беатрис, как всегда, охватил стыд. Ведь Глория была даже старше ее матери...

– Э-э... нет, Глория, по-моему, на сегодня все.

Глория подняла бровь, отчего ее лицо сморщилось, точно патока под зубьями вилки.

Беатрис прерывисто, смущенно захихикала. Конечно, Глория, родившая столько малышей, поняла все сразу. И теперь ей не терпелось сообщить эту новость Сэмюэлу. Но вчера Беатрис уже решила сообщить ему обо всем сама. Ну, почти решила, и теперь была раздосадована, точно ребенок, чья хитрость не удалась. Но досаде не стоило давать воли.

– Думаю, ты права, Глория, – сказала она, стараясь сохранять перед старухой достоинство. – Может... может, я приготовлю сегодня на ужин что-нибудь особенное, накормлю его как следует, а потом обо всем и расскажу.

– Я бы сказала, давно пора. Детишки – благословение для семьи.

– Истинная правда, – как можно увереннее согласилась Беатрис.

– Тогда до свиданья, миссис Пауэлл.

Получив неожиданный выходной, Глория без лишних «разрешите-позвольте» отправилась в комнату прислуги возле черного хода, переделась в уличное платье и уже через несколько минут вышла через садовую калитку.

– Не сложновата ли эта книга для юной леди столь нежного возраста?

– Простите?

Насторожившись, Беатрис вскинула на подошедшего язвительный взгляд. От нее не укрылось, что он поглядывал на нее с той самой минуты, как она вошла в книжный магазин, и все же ему удалось застать ее врасплох.

– Вы что-то хотите сказать? – продолжала она, по-хозяйски взяв «Анатомию» Грея под мышку, ценником к себе.

Еще два месяца экономии, и она сможет позволить себе этот учебник.

– Простите, если я чем-то обидел вас, мисс, – застенчиво ответил он. – Меня зовут Сэмюэл.

А он был бы симпатичен, если бы держался раскованнее...

²¹ “The Glass Bottle Trick” © 2000 Nalo Hopkinson. First publication: *Whispers from the Cotton Tree Root: Caribbean Fabulist Fiction*, ed. Nalo Hopkinson (Invisible Cities Press).

Настороженность Беатрис немного оттаяла. Подумать только: жаркий солнечный день в самом разгаре, а на нем черный шерстяной пиджак и брюки! И крахмальная белая рубашка под изящно завязанным скучным галстуком застегнута до последней пуговицы. Господи Иисусе, какой правильный. А ведь не намного старше нее...

– Просто... вы так симпатичны, но мне не пришло в голову ничего другого, чтоб завести разговор.

Еще более смягчившись, Беатрис улыбнулась ему и игриво поправила воротничок блузки. Казалось, он вовсе не так уж плох, если не обращать внимания на его чудаковатую чопорность.

Беатрис с сомнением погладила слегка набухший живот. Четыре месяца... Она ужасно стеснялась сообщить Сэмюэлу эту новость, но теперь-то только слепой не заметит. Глупо откладывать дальше, верно? Поэтому сегодня она собиралась порадовать мужа на славу и наконец-то разбить тонкую скорлупу скорби, до сих пор отделявшую его от нее. Нет, он не говорил об этом ни слова, но Беатрис-то знала, что он никак не может забыть трагической гибели жен – первой, а за ней, что еще ужаснее, и второй. Как ей хотелось вновь отогреть его и вернуть к жизни!

Солнечный луч блеснул в листе гуавы на дворе. Беатрис с наслаждением вдохнула аромат согретых солнцем плодов. Ветви гуавы гнулись под тяжестью бледно-желтых шариков, гладких и круглых, как яйца. Отблески света заиграли на двух синих бутылках, висевших на ветках, среди листвы заплясали кобальтовые зайчики.

Впервые придя в дом Сэмми, Беатрис озадаченно уставилась на пару бутылок, насаженных на ветки гуавы.

– Просто суеверие, дорогая, – пояснил он. – Разве ты никогда не слышала? Старики говорят: если кто-то умрет, повесь на дерево бутылку, чтоб заключить в ней дух покойного, не то его призрак вернется и не отвяжется. А бутылка должна быть синей, чтобы держать дух в прохладе: тогда он не набросится на тебя, разгоряченный яростью оттого, что мертв.

И вправду, Беатрис приходилось слышать что-то подобное, но уж от Сэмми подобных суеверий она никак не ожидала. Для этого он был слишком сдержан и рассудителен. Впрочем, скорбь часто толкает людей к самым странным поступкам. Может, с этими бутылками ему уютнее? Может, они внушают ему ощущение, будто частица души покойных жен – здесь, рядом?

– А этот Сэмюэл – просто прелесть. Приличный такой, трудолюбивый. Не как те голоштанники, с которыми ты все гуляла до него.

Подхватив мясницкий нож, мамуля принялась ловко рубить на кубики козлятину для карри. Беатрис помолчала, глядя на красные комья мяса, рассекаемого ножом. По разделочной доске растеклась багровая лужица.

– Мамуля, – со вздохом сказала она, – но Сэмюэл такой скучный! Вот Майкл с Клифтоном – эти умеют развлекаться. А Сэмюэл, кроме загородных покатушек, и знать ничего не желает. Постоянно старается увести меня от людей.

– Тебе не развлекаться надо, а за учебниками сидеть, – сердито буркнула мать.

– Мамуля, – взмолилась Беатрис, – ты же прекрасно знаешь: у меня одно другому не мешает.

Мать только раздраженно хмыкнула в ответ.

Однако Беатрис говорила сущую правду. За ней постоянно ухаживало множество парней. Точно птицы, вились они вокруг, всегда готовые сводить ее потанцевать или выпить. И все же ей как-то удавалось успевать в учебе, хотя для этого частенько приходилось, несмотря на тошноту и гудящую с похмелья голову, сидеть за учебниками ночь напролет, пока рядом, в ее

постели, храпит какой-то мужчина. Что делать: если не учиться на медицинском на круглые «Эй»²², мамуля убьет.

– Придется тебе, Беатрис, учиться содержать себя самой. Мужчина за тебя этого не делает. Этим бы только свое получить – тут-то ты их и видела.

– Пару котлет и кинг-колу, пожалуйста.

Книзу широкая грудь парня, сделавшего заказ, плавно переходила в тонкую талию. И лицом милостив... Беатрис лучезарно улыбнулась, склонилась вперед и нежно провела пальцами по его запястью, передавая ему сдачу.

– Ди, ди, кес-кель ди?! – злобно заверещала с ветвей гуавы крохотная питанга.

Небольшая змейка, обвинявшаяся вокруг одной из верхних веток, подняла голову из птичьего гнезда. В широко разинутой змеиной пасти белело краденое яйцо. Змея проглотила яйцо целиком, горло ее страшно вздулось. Хозяйка разоренного гнезда порхала над ее головой все с тем же жалобным:

– Ска-жи, ска-жи, что он говорит?!

– Пошла прочь! – прикрикнула Беатрис на змею.

Змея оглянулась на звук, но даже не подумала убираться. Она сомкнула челюсти, проталкивая яйцо глубже. Беатрис передернуло от отвращения, а змея, будто и не замечая мечущейся над ней птицы-матери, снова выгнула шею и потянулась к гнезду. Беатрис вскочила и выбежала на двор.

– Кыш! П-шла! Убирайся отсюда!

Но змея, как ни в чем не бывало, вытащила из гнезда второе яйцо.

Сэмми оставил у ствола дерева длинный шест с крюком на конце, чтобы собирать плоды. Схватив этот шест, Беатрис просунула его сквозь листву – так близко к птице и ее гнезду, как только осмелилась.

– П-шла вон! П-шла вон, тварь ненасытная!

Крюк зацепил пару веток. Бутылки, висевшие на дереве, упали на землю и с громким звоном разлетелись вдребезги. Дунул раскаленный ветер. Змея с вздувшимся от двух яиц зобом поспешно ускользнула прочь. Бедная птица с плачем закружилась над гуавой.

Беатрис прислонила шест к стволу дерева. Больше помочь было нечем. Когда Сэмюэл вернется домой, она попросит его отыскать эту противную змею и убить.

Казалось бы, налетевший бриз должен принести с собой хоть чуточку прохлады, но вместо этого от него день стал еще жарче. Два крохотных смерчика закружились у ног Беатрис, пронесли по двору и рассыпались в прах, разбившись о ставни на окне третьей спальни.

Беатрис поспешила вернуться на веранду и надеть сандалии. Сэмми вовсе не понравится, если она наступит на битое стекло. Вооружившись прислоненной к стене дома метлой, она принялась подметать осколки. Оставалось надеяться, что Сэмми не очень рассердится на нее. Он был из тех, кого лучше не сердить – попадись под горячую руку, становился суров и неумолим, как отец.

По большей части, этим-то и запомнился ей папка – характером, вспыльчивым, но отходчивым. Таким он и был, пока не бросил семью – Беатрис тогда едва исполнилось пять. Единственной светлой памятью о нем осталось вот что: отец раскачивает Беатрис в воздухе – взад-вперед, вверх-вниз, обе ее ручки зажаты в его ладони, а обе ноги – в другой, надежно, крепко. Качает ее отец и поет песенку из старой сказки:

– Глянь, Юн-Кьюм-Пьюн, ай да милая корзинка!
Маргрит-Пауэлл-Элон, ай да милая корзинка!

²² Высший балл в пятибалльной системе оценок, принятой в США.

Глянь и ты, Эгги-Ло: ай да милая корзинка!²³

А потом он прижал заливающуюся беззвучным смехом Беатрис к груди – да так крепко, что она едва не задохнулась. Ну и задала ему мамуля за этикие игры!

– Хочешь уронить ребенка да голову ей об пол разбить?! А?! Что за безответственность?!

– Безответственность?! – рявкнул он. – А кто у нас пашет, как вол, от темна до темна, чтобы насытить вот эти животы?

С этими словами он поставил Беатрис на ноги. Больно ударившись пятками об пол, она захныкала, но отец просто подтолкнул ее к матери и вышел из комнаты, яростно хлопнув дверью. Еще один залп в их непрерывной войне... Когда папка ушел от них, пришлось мамуле открыть в городе маленькую закусочную, чтобы сводить концы с концами. По вечерам Беатрис втирала лосьон в загрубевшие, натруженные материнские руки.

– Видишь, как мы из-за него опустились? – ворчала мамуля. – Посмотри, на что я стала похожа.

Про себя Беатрис думала, что папке, может быть, всего-то и нужно было немного терпения. Мамуля, как бы Беатрис ни любила ее, была слишком уж строга. Чтобы порадовать ее, Беатрис усердно училась до самого конца средней школы: физика, химия, биология, куча исписанных аккуратным бисерным почерком тетрадей с результатами лабораторных. Каждую новую «Эй» мать встречала невнятным ворчанием, любая другая оценка влекла за собой долгий выговор. На все это Беатрис беззаботно улыбалась, поглубже прятала боль и обиду и делала вид, что похвалы для нее ничего не значат. Училась она со всем старанием, но находила время и на развлечения. Английская лапта, нетбол, а позже – парни. Все эти парни, которых так и тянет к светлокожим мулаточкам вроде нее. Свою привлекательность Беатрис обнаружила быстро.

– Иш-шь, рас-спустила перья... сучка...

Шипение донеслось со стороны нескольких девчонок, прошедших мимо Беатрис, присевшей на ступени перед библиотекой в ожидании Клифтона, обещавшего заехать за ней. Хотелось зажать уши, заглушить жгучую боль этих слов. Она же знала многих из этих девчонок! Маргарита, Дебора... Они же были ее подругами! Беатрис гордо расправила плечи, но пальцы сами собой потянули книзу край короткой белой юбки. Чтобы немного прикрыть бедра, она опустила на колени объемистый том учебника физики.

Мысли прервал рев и фыркание мотора мотоцикла Клифтона. Ослепительно улыбнувшись, он сбросил газ и картинно развернул мотоцикл прямо перед Беатрис.

– На сегодня учебе конец, дорогая. Пора поразвлечься!

В тот вечер он выглядел потрясающе – впрочем, как и всегда. Облегающая белая рубашка, мышцы бедер распирают джинсы, тонкая золотая цепочка вокруг темно-коричневой шеи... Беатрис поднялась, сунула учебник физики под мышку и одернула юбку. Взгляд Клифтона опустился книзу, вслед за движением ее рук. Видите, как мало нужно, чтобы с тобой хорошо обращались! Беатрис улыбнулась ему...

Сэмюэл не терял надежд и время от времени появлялся, чтобы пригласить ее прокатиться с ним за город. Он был настолько старше всех остальных ее ухажеров! И настолько скучнее... Прокатиться за город, бог ты мой! Несколько раз Беатрис приняла приглашение: он был так настойчив, что она просто не смогла придумать, как ему отказать. Намеков на то, что ей нужно учиться, он словно бы не понимал. Однако, говоря откровенно, со временем она начала находить его спокойствие и непритязательность успокаивающими. Его «BMW», белый, как яичная

²³ Песенка из ямайской сказки о хитром паучке Ананси «Юн-Кьюм-Пьюн» («Yung-Kyum-Pyung»).

скорлупа, катил по щебню загородных дорог так тихо, что без труда можно было расслышать, как щебечут питанги в ветвях манговых деревьев, снова и снова спрашивая об одном и том же:

– Ди, ди, кес-кель ди?

Однажды Сэмюэл принес ей подарок.

– Это тебе и твоей маме, – застенчиво сказал он, протянув Беатрис смятый бумажный пакет. – Я знаю, она их любит.

Внутри оказались три пухлых баклажана, выращенных им своими руками на собственном огороде. Беатрис вынула скромный подарок из пакета. Туго натянутая кожица баклажанов отливала глубокой глянцевой синевой. Позже она поняла, что с этого и началась ее любовь к Сэмюэлу. Такой надежный, основательный, ответственный... Уж с ним-то и она, и мамуля будут счастливы!

Шло время, и Беатрис все больше и больше поддавалась застенчивым ухаживаниям Сэмюэла. Образованный, культурный, с правильной речью... Он бывал за границей и много рассказывал об экзотических видах спорта вроде хоккея на льду и горных лыж. Он водил ее в шикарные рестораны, о которых она раньше только слышала: ее другие, молодые, еще не нашедшие себя в жизни поклонники ни за что не смогли бы позволить себе такого, а если бы и решились, то, пожалуй, только смутили бы ее этим. Другое дело – блестящий, элегантный Сэмюэл. Но в то же время он был и скромненький: сам выращивал овощи на огороде, и эта самокритичность, с которой он всегда говорил о себе... Неизменно пунктуален, неизменно учтив с ней и с матерью. Всегда готов забрать Беатрис после учебы или отвезти мать к парикмахерше. С другими всегда приходилось держаться настороже: дуться, чтоб пригласили куда-нибудь вместо еще одного дармового ужина в закусочной матери, упрашивать пользоваться презервативами, никогда не раскрывать перед ними душу до конца. А вот с Сэмюэлом можно было расслабиться. Сэмюэлу можно было доверять.

– Беатрис, иди сюда! Живей, живей!

Услышав крик матери, Беатрис, возившаяся на заднем дворе, поспешила в дом. Неужто с мамулей что-то случилось?

Мать сидела за кухонным столом, перед миской с тестом для фунтового кекса на продажу, держа в руке занесенный над яйцом нож. Замерев с разинутым от изумления и восторга ртом, она смотрела на стоявшего перед ней Сэмюэла, с нетерпением крутившего в руках букет кроваво-алых роз на длинных стеблях.

– Господи боже, Беатрис, Сэмюэл говорит, что хочет на тебе жениться!

Беатрис вопросительно взглянула на Сэмми.

– Сэмюэл, – недоверчиво спросила она, – что ты говоришь? Вправду?

– Да, Беатрис, – кивнул Сэмюэл. – Вправду.

В груди что-то мягко дрогнуло. На душе вдруг стало легко-легко, будто долго сдерживаемый вздох наконец-то вырвался наружу. Будто до сих пор ее сердце было заключено в стеклянном яйце, а теперь Сэмми выпустил его на волю.

Два месяца спустя они поженились. Мамуля ушла на покой. Сэмюэл купил для нее домик в пригороде и нанял прислугу, приходящую трижды в неделю. В радостных предсвадебных хлопотах Беатрис совсем запустила учебу и, к собственному разочарованию и ужасу, окончила выпускной курс университета, едва дотянув средний балл до «Си».

– Чепуха, радость моя, – сказал на это Сэмюэл. – Мне все равно не нравилась эта твоя учеба. Это все для детишек. А ты теперь взрослая женщина.

Мамуля тоже согласилась с ним, заявив, что теперь Беатрис все это ни к чему. Беатрис пыталась возражать, но Сэмюэл недвусмысленно дал понять, чего хочет, и, не желая разногласий, она прекратила спор. Несмотря на безупречные манеры, терпением Сэмюэл не отличался,

и перечить ему не стоило. Ему так мало нужно было для счастья! К тому же, он был ее любимым, единственным человеком на свете, кому она могла верить.

Вдобавок, ей пришлось учиться быть хозяйкой дома, осваивать надлежащую – в меру властную, в меру шутиливую – манеру общения с горничной Глорией и мальчишкой-разнорабочим Клетисом, являвшимся дважды в неделю для стрижки газонов и прополки сорняков. Как странно и непривычно это было – распоряжаться людьми: ведь Беатрис привыкла к тому, что в мамулиной закускойной распоряжения отдавали ей. Как неудобно было приказывать другим делать за нее ее работу! Но мамуля сказала, что к этому нужно привыкать: теперь у нее на это полное право.

В небе прогремел гром, однако дождь все никак не начинался. Конечно, теплый денек – это хорошо, но и самое хорошее в конце концов может надоесть. Беатрис раскрыла рот и сделала глубокий вдох, стараясь набрать в легкие побольше воздуха. В последние дни у нее началась легкая одышка: ребенок уже давил на диафрагму. Она понимала, что от жары можно скрыться в доме, но кондиционеры у Сэмюэла постоянно работали на пределе – внутри было так холодно, что масло могло храниться прямо на блюдечке на кухонном столе. И никогда не портилось. И даже насекомых в доме не водилось. Порой Беатрис казалось, что на самом деле их дом стоит вовсе не в тропиках, а где-то совсем в другом месте. Постоянная борьба с муравьями и тараканами была для нее делом обычным, но только не в доме Сэмюэла. От холода внутри пробирала дрожь, а глаза пересыхали так, будто вместо них в глазницы вставили варенные яйца. Поэтому Беатрис старалась при любой возможности выходить наружу, хоть Сэмюэл и не хотел, чтобы она проводила слишком много времени на солнце. Говорил, что опасается, как бы ее нежную кожу не испортил рак, что очень боится потерять и ее. Но Беатрис знала: он просто не хочет, чтобы она сделалась слишком смуглой. Стоило солнцу коснуться ее кожи – и сепия с корицей в ее крови одолевала молоко и мед, и Сэмми больше не мог делать вид, будто она белая. А ему нравилось, чтоб ее кожа оставалась как можно более бледной.

– Посмотри, ты же просто сияешь в лунном свете, – говорил он среди нежных, едва ли не благоговейных ночных ласк на огромной кровати с балдахином.

Его рука скользила по коже, трепетно ложилась на грудь, а обожание во взгляде становилось таким, что порой даже пугало. Как же он ее любит!

– Красавица... Бледная Красавица для моего Чудовища... – шептал он, и его прохладное дыхание, щекававшее нежные слуховые перепонки, заставляло вздрагивать от наслаждения.

Беатрис тоже нравилось смотреть на него: темная, как патока, кожа, широкие плечи, мощные грудные мускулы... Глядя на них, она представляла себе движение тектонических плит глубоко в недрах земли. А какой восхитительной синевой отливало его тело в игривом свете луны!

Однажды, глядя на него, нависшего над ней, чувствуя его тело собою и в себе, Беатрис увидела в его аккуратной бородке темно-синие искорки лунного луча.

– Черный Красавчик, – тихонько пошутила она, притягивая Сэмми к себе для поцелуя.

Услышав это, он отпрянул от нее, сел на край кровати и натянул на себя простыню, чтобы прикрыть наготу. Беатрис удивленно уставилась на него, чувствуя, как остывает, холодит кожу их смешавшийся пот.

– Никогда не называй меня так, Беатрис, – негромко сказал он. – Не нужно напоминать о цвете моей кожи. Знаю: я некрасив. Черен и уродлив – таким уж родила меня мать.

– Но, Сэмюэл!..

– Нет.

На простыни между ними легла тень. В ту ночь он больше не дотронулся до нее и пальцем.

Иногда Беатрис гадала, отчего Сэмюэл не женился на белой. Хотя причина, пожалуй, была ясна. Она ведь видела, как Сэмюэл держится среди белых. Его улыбка становилась слиш-

ком уж широкой, он как-то разом глупел, начинал отпускать дурацкие шутки... В такие минуты на него больно было смотреть, и, судя по отчаянию в его глазах, ему самому было больно. При всей своей любви к сливочно-белой коже, Сэмюэл, скорее всего, просто не смог бы заставить себя подойти к белой женщине и заговорить с ней так, как заговорил с Беатрис.

Вскоре осколки стекла были сметены в аккуратную кучку у корней гуавы. Настало время готовить Сэмюэлу ужин. Поднявшись по ступеням веранды к парадной двери, Беатрис вытерла подошвы сандалий о кокосовую циновку у входа. Сэмми терпеть не мог пыли. Отворив дверь, она почувствовала новый порыв жаркого ветра, дунувшего в спину и ворвавшегося в прохладу дома. Беатрис быстро переступила порог и затворила дверь, чтобы воздух внутри остался холодным, как любит Сэмми. Теплоизолированная дверь звучно чмокнула за спиной. Она была герметичной. И ни одно из окон в доме не открывалось. Однажды Беатрис спросила Сэмюэла:

– Отчего тебе так нравится жить, будто в ящике, милый? Ведь свежий воздух полезен.

– Не люблю я жару, Беатрис, – ответил он. – Не люблю жариться на солнце, как кусок мяса. А глухие окна удерживают охлажденный воздух внутри.

И Беатрис не стала спорить.

Она прошла через элегантную, чопорную гостиную в кухню. На ее вкус тяжелая заграничная мебель была слишком холодна и строга, но Сэмюэлу это нравилось.

На кухне она включила чайник и, хоть не сразу – куда же Глория могла ее засунуть? – но отыскала нужную кастрюльку. Поставив ее на плиту, чтобы обжарить ароматные зернышки кориандра для карри, она поставила рядом и кастрюлю с водой. Над кастрюлями за клубился пар. Сегодня ужин будет особым. Карри из яиц – Сэмюэл так его любит!

Взглянув на картонку с яйцами, Беатрис вспомнила фокус, секрет которого узнала на уроке физики. Как поместить яйцо в бутылку с узким горлышком, не повредив его? Для этого требовалось сварить яйцо вкрутую, очистить от скорлупы, а в бутылку опустить зажженную свечу. Если приставить яйцо острым концом к горлышку, оно закупорит бутылку, и, когда пламя свечи сожжет в ней весь воздух, давление внутри бутылки станет меньше давления снаружи. Тогда-то превосходящее наружное давление и втолкнет яйцо в бутылку – целиком. Из всего класса одной Беатрис хватило терпения довести фокус до конца. Терпение – вот и все, что нужно ее мужу. Бедный загадочный Сэмюэл потерял здесь, в этом уединенном загородном доме, двух жен. И остался болтаться в безвоздушных комнатах, точно яйцо в бутылке. Совсем один. До ближайших соседей не одна миля, и он даже не знает, как их зовут...

Но Беатрис собиралась все это изменить: пригласить мать погостить, а может, и устроить ужин для далеких соседей, пока беременность не сделала ее слишком сонной и неповоротливой для подобных вещей.

С рождением малыша их семья обретет завершенность. Сэмюэл будет рад, обязательно будет. Да, Беатрис помнила его шутки: дескать, ни одной женщине не пристало рожать на свет его уродливых черных отпрысков, но уж она-то покажет ему, как прекрасны могут быть их дети – их смуглые малыши, свеженькие, будто земля после дождя. Уж она-то научит Сэмми любить в них самого себя...

В кухне сделалось жарко. Может, из-за плиты? Беатрис вышла в гостиную, заглянула в гостевую спальню, в спальню хозяев, в обе ванные комнаты... Во всем доме было теплее, чем когда-либо на ее памяти! Тут она осознала, что слышит звуки снаружи – громкое пение цикад перед дождем. А вот шепота охлажденного воздуха в вентиляции было не слышать. Кондиционеры не работали.

Беатрис начала волноваться. Сэмюэл любил прохладу, и сегодня она собиралась устроить для них обоих особый, праздничный вечер, но если хоть что-то будет ему не по нраву, быть беде. Несколько раз он уже повышал на нее голос. А раз или два останавливался посреди спора с занесенной, будто для удара, рукой, глубоко дыша, с трудом удерживая себя в руках... В такие

минуты темное лицо мужа становилось иссиня-черным, и Беатрис старалась не попадаться ему на глаза, пока его гнев не уймется.

Что же могло случиться с кондиционером? Может, он просто отключился? Но Беатрис даже не знала, где искать пульт управления. Обо всем в доме заботились Глория и Сэмюэл. В поисках пульта управления она еще раз обошла дом. Ничего. В недоумении она вернулась в гостиную. К этому времени в наглухо запертом доме сделалось тесно и душно, будто в материнской утробе.

Больше искать было негде. Негде, кроме запертой третьей спальни. Сэмюэл объяснил, что именно там, одна за другой, умерли обе его прежних жены. И дал Беатрис ключи от всех комнат в доме, только именно эту дверь просил не открывать – никогда и ни под каким видом.

– Такое чувство, любовь моя, как будто это принесет несчастье. Знаю, я просто суеверен, но надеюсь, ты уважишь эту блажь?

Не желая делать ему больно, Беатрис слушалась. Но где же еще может быть этот пульт? В доме так жарко!

Она потянулась к карману за ключами, которые всегда носила при себе, и обнаружила, что до сих пор держит в руке сырое яйцо. Заинтересовавшись странным теплом в доме, она совсем забыла опустить его в кастрюлю. Губы Беатрис дрогнули в легкой улыбке. Прилив гормонов сделал ее такой рассеянной! Сэмюэл непременно будет дразниться, пока она не расскажет, отчего это. Вот тогда все будет хорошо.

Переложив яйцо из руки в руку, Беатрис вынула из кармана связку ключей и отперла дверь.

Навстречу ударила стена ледяного мертвого воздуха. В спальне было холодно, как в морозилке. Из рта густыми клубами вырвался пар. Беатрис сдвинула брови, шагнула внутрь, и прежде, чем ее мозг успел понять, что видят глаза, яйцо выскользнуло из пальцев и с влажным треском разбилось об пол у ног. На двуспальной кровати бок о бок покоились два женских тела – застывшие рты разинуты в беззвучном крике, страшные раны зияют в распоротых животах. Кожа, лишь чуть смугловатая, как и у Беатрис, покрыта тонким слоем кристалликов льда, под изморозью темнеют рубиновые потеки застывшей крови...

Беатрис тоненько застонала от страха.

– Но, мисс, – спросила Беатрис у учительницы, – как же теперь достать яйцо из бутылки?

– А как ты думаешь, Беатрис? Бутылку придется разбить; другого способа нет.

Так вот как Сэмюэл покарал тех, кто пытался родить на свет его детей – его прекрасных черных малышей! На животах обеих покоились мускульные мешочки – вынутые из чрева и взрезанные матки с багровой массой плаценты внутри. И Беатрис не сомневалась: если разморозить и вскрыть их, в каждой обнаружится крохотный зародыш. Убитые, как и она, были беременны.

Вдруг под ногами что-то зашевелилось. На миг оторвав взгляд от мертвых тел на кровати, Беатрис опустила глаза. На полу, в лужице быстро застывающего желтка, копошился эмбрион, покрытый зачатками перьев. Должно быть, в курятнике мистера Герберта имелся петух. Беатрис прижала ладони к животу, пытаясь унять сжавшуюся от сострадания матку. Жуткое зрелище в спальне притягивало взгляд, как магнит – булавку. С губ сорвался новый стон.

Позади, за распахнутой дверью, прошелестел тихий вздох. Поток воздуха горячо лизнул щеку и ворвался в комнату, оставив за собой шлейф пара. Зависнув над головами убитых, шлейф разделился надвое, и обе его половины начали обретать форму. Над столбиками тумана появились лица, искаженные яростью. Те же лица, что и у мертвых женщин на кровати! Одна из призрачных женщин склонилась над собственным телом и, точно кошка, принялась слизывать кровь, оттаявшую на груди. Отведав живительной влаги, призрак стал виден немного отчетливее. Второй призрак последовал его примеру. Животы призрачных женщин слегка выдавались

вперед. Беременность, из-за которой Сэмюэл и убил их... Беатрис разбила бутылки, в которые были заключены призраки его жен, а их тела оставались такими, какими были, потому что духи не могли обрести свободу. Она освободила их. Она впустила их в дом. Теперь ничто не могло остудить их ярость, и ее жар быстро согревал промерзшую насквозь спальню.

Придерживая животы, призрачные женщины устремили взгляды на нее. В глазах их полыхала жгучая ярость. Беатрис попятилась назад, прочь от кровати.

– Я же не знала, – сказала она призрачным женщинам. – Не делайте мне зла. Я не знала, как обошелся с вами Сэмюэл.

Что это? Понимание на их лицах? Или всякое сострадание им чуждо?

– Я тоже ношу в себе его ребенка. Сжальтесь хотя бы над ним.

Сзади донесся щелчок отпертой входной двери. Сэмюэл вернулся. И заметил разбитые бутылки, и почувствовал, как потеплело в доме... Беатрис охватило странное спокойствие – спокойствие жертвы, осознавшей, что ей остается одно: развернуться и встать лицом к лицу с преследующим ее хищником. Заметит ли он истину, спрятанную в ее животе, словно яйцо в бутылке?

– Не мне... не за что вам мне мстить, – с мольбой сказала она призрачным женщинам. И, сделав глубокий вдох, вымолвила слова, навсегда разбившие ее сердце: – Это... это все Сэмюэл.

До ушей Беатрис донесся звук шагов Сэмюэла. Голос мужа зарокотал – зловеще, точно гром перед грозой. Слов она не расслышала, но злость в его тоне невозможно было спутать ни с чем иным.

– Что ты говоришь, Сэмюэл? – крикнула она, осторожно шагнув за порог жуткой холодильной камеры.

Тихо притворив за собой дверь, но не забыв оставить узкую щелку, чтоб призраки жен Сэмюэла смогли выйти наружу, когда будут готовы, Беатрис с приветливой улыбкой пошла встречать мужа. Нужно отвлечь его от третьей спальни, задержать, насколько удастся. Большая часть крови в телах убитых наверняка свернулась, но, может, довольно будет и того, что она согреется? Оставалось надеяться, что вскоре оттаявшей крови хватит, чтоб призраки напились досыта и обрели полную силу.

А что будет, когда они насытятся? Придут ли они ей на помощь, спасут ли ее? Или, заодно с Сэмюэлом, отомстят и ей, узурпаторше и самозванке?

Глянь и ты, Эгги-Ло: ай да милая корзинка...

Нало Хопкинсон

* * *

Нало Хопкинсон родилась на Ямайке, росла на Тринидаде и в Гайане, а последние тридцать пять лет живет в Канаде. В настоящее время – преподает литературное творчество в Калифорнийском университете в Риверсайде, США. На ее счету шесть романов, два авторских сборника рассказов и повестей и брошюра. Нало Хопкинсон удостоена премии «Уорнер» за дебютный роман, премии Художественного совета Онтарио для начинающих писателей, мемориальной премии Джона В. Кэмпбелла и премии «Локус» (как лучший дебютант), Всемирной премии фэнтези, премии «Санберст» (дважды), премии «Аврора», премии «Гейлактик Спектрум» и премии имени Андре Нортон. Последний из ее авторских сборников – «Влюбиться в гоминида» – был выпущен издательством «Тахион Пабליкейшнс» в 2015 г.

Нет, в «Деве-дереве» Кэтрин М. Валенте не пересказывает и не переделывает «Спящую красавицу» на новый лад. Она рассматривает ее под таким углом, под каким ее еще не видал никто, и разворачивает перед нами сказку – глубокую, мрачную, упоительную.

В садоводческой культуре девятнадцатого века «дева-дерево»²⁴ – либо дерево, которое никогда не подрезали, отчего у него образовался всего один главный ствол, либо юное деревце, выращенное прямо из семени. Либо и то и другое одновременно. В наши дни этот термин приобрел более узкоспециализированное значение и чаще всего используется в отношении плодовых деревьев и их прививания. Быть может, «грубый симбиоз», описанный в этой сказке, можно считать своего рода прививкой – из тех, что, скорее, наносят ущерб, чем идут на пользу, из тех, что мешают, а не способствуют росту.

²⁴ В оригинале – «maiden-tree».

Дева-дерево

25

Просто удивительно, как веретено похоже на шприц.

Этим, конечно же, и объясняется его привлекательность. Шестнадцатилетние девицы определенного сорта просто не могут сказать такой штуке «нет», а я и была именно такой девицей – из тех, что, бросив взгляд вниз, на звездочку на острие полночной иглы, неуклюже торчащей кверху, будто смешная миниатюрная копия Александрийского маяка, тут же выдохнут: «да». Так вот, те, кому не терпится сесть на этот маяк, словно на кол, прижимают к груди веретено, хотя тут вполне хватило бы и надушенного пальчика, и, тяжело дыша, пропитывая потом жесткий корсет, ждут, когда в голове расцветет, распустится ужасная роза...

Да, все мы когда-то были глупыми детьми.

Вынуть его так и не смогли. И вот я лежу здесь, а эта штука торчит из груди, словно выброс адреналина, с прилипшими к ней волоконцами льна, тонкими, как пепел. Со временем кожа сомкнулась вокруг него, хлопья запекшейся крови осыпались, и стали мы с ним одним целым, точно так вместе и родились из королевского чрева, так вместе – дух и дитя – и выскочили в этот мир, и все эти шестнадцать лет, пока мы, наконец, не познакомились, как подобает, я безуспешно пыталась поймать его, как собачонка – свой занюханный хвост. Но вот он, мой маленький *lar domestici*, мой бог домашнего очага, возвышается надо мной все эти годы, растет из меня, из грядки моего тела, распух от моей крови, как и все прочее в этих замшелых стенах.

Таковы они, мысли девицы, спящей и дышащей во мгле столь же непроглядной, как туман, порожденный опиумом; таковы мысли трупа, в котором, благодаря этому грубому симбиозу веретена и девы, теплится подобие жизни. О такой возможности даже не заикались авторы всех известных мне трудов по биологии, на нее даже не намекали алхимики, пустившие прахом целых шестнадцать лет, понапрасну пережигая прялки на свинец и золу.

Меня устроили здесь со всей роскошью, на какую только способны лучшие из похоронных дел мастеров. Мои волосы покрыли золотой пудрой, чтобы они не утратили блеска, даже когда спутаются, раскинутся по простыням, лягут на паркет пола, достигнут оконных проемов, доберутся до чердака, где и голуби не вьют гнезд. Мои губы выкрасили той самой краской, какой румянят щеки серафимов на церковных фресках, и впрыснули в них льняное масло, чтобы мой поцелуй остался и румяным, и нежным. Кожу отполировали до девственной молочной белизны, а под язык, чтоб сохранить свежесть слабееющего дыхания, положили лепестки фиалок. Затем меня от макушки до пят нежно обмахнули кистями из павлиньих перьев, смоченными формалином – конечно же, специально обработанным так, чтобы не оскорбить обоняния любого возможного визитера. То место, где грудина срослась с веретеном, смазали тинктурой из клевера и лещины и вычистили, как только возможно. Все это было проделано с такой любовью и даже преданностью... Вскоре под первой из башен взошли колючие кусты, и розы погрузили в сон всех остальных.

Вот только они-то были к этому не готовы, и замок превратился в могилу с одной лишь живой душой – Джульеттой; букетик пионов и хризантем прижат к ключицам, спина ноет от холода каменных плит...

Вы и вообразить себе не можете, что здесь произошло!

С первого года моей жизни во дворе замка дважды в год пылали огромные костры, один – в день летнего солнцестояния, другой – в день зимнего. Отец всякий раз стоял рядом со мной. Держал меня подальше от всех этих колес с длинными точеными спицами, доставленных к

²⁵ “The Maiden Tree” © 2010 Catherynne M. Valente. First publication: *Ventriloquism* (PS Publishing).

замку на телегах, на тачках и на крестьянских спинах, в скатертях, в холщовых мешках и в рыбацких сетях, и сложенных посреди двора, как гекатомбы античных времен. С замиранием сердца смотрела я, как они с треском пылают – ярко, словно в День всех святых, как пряди огня и дыма вздымаются к небесам, рассыпая вокруг тучи искр, крохотных, будто зернышки льна. Казалось, колеса прялок свивают кудель неба в длинную черную нить.

– Теперь тебе ничто не грозит, – шептал отец, глядя мои золотистые волосы. – Теперь ничто не причинит тебе зла, и ты останешься моей любимой маленькой дочкой во веки веков, аминь.

– Но, отец, – спрашивала я, не в силах выкинуть эту мысль из головы, – как же люди будут прясть без прялок и веретен? Их с каждым годом все меньше, у всех вокруг прохудились чулки. Нестриженные овцы на пастбищах скоро упадут в грязь под тяжестью собственной шерсти! А люди начнут одеваться в ветки и листья, и на рынках станет так тихо, так тихо!

– Молчи, молчи, – вздыхал он. – Об этом не тревожься. Тебе ничто не грозит, и этого довольно. Я выполнил свой долг.

– Но, может, люди переберутся в большие города? Пойдут работать на фабрики под огромными окнами, что так похожи на стеклянные шахматные доски? И будут шить по тысяче пар брюк в час и по сотне чепцов в минуту?

– Нет, – отвечал он (о, как холоден и мертв был его взгляд!). – Ткацкие фабрики – те же веретена, только со стальными клыками. Они тоже будут сожжены до того, как ты станешь взрослой. Все, все обратится в золу и пепел. Все, кроме тебя.

– О, понятно. Понятно... – шептала я, склоняя голову и крепче прижимаясь к его огромной ладони.

Пожалуй, лучше всего запомнились мне кусты ежевики, разросшиеся под моим окном и испятнавшие воздух пурпуром.

Розы поглотили и их.

Вот я лежу, лежу без движения, руки молитвенно сложены на груди, однако слышу – о, так хорошо не может слышать никто, кроме мертвых! Сквозь глинистую почву среди кустов, усыпанных жирными черными ягодами, пробивается тоненький росток, невинный, будто овсянка, и я слышу, как он выползает наружу, змеится по камню вверх. Конечно, убедившись в его ботаническом естестве, ему охотно расчистили место и начали заботливо поливать – что может усластить сны спящей красавицы лучше розы, цветущей прямо у ее спальни?

Ясное дело, ничто.

И все вполне могло быть в порядке, это вполне могла оказаться всего лишь роза – милая роза, белая, оранжевая или пурпурная, с тугими бутонами, сомкнутыми, точно сложенные трубочкой губы. Но прошел месяц, другой, третий, а цветов нет как нет! Глядя на это, садовники хмурились, как повивальные бабки, и удобряли землю у его корней рыбьими головами. Куст рос, рос ввысь и вширь, и в том бы не было никакого вреда, если бы однажды ночью его побеги не проникли ко мне сквозь выбитое октябрьским ненастьем окно, не проползли украдкой по полированному паркету и не коснулись – о, совсем легонько! – моей ноги, с изяществом, достойным ангела, уложенной на каменную плиту.

Ползучие ветви замерли рядом, точно в намерении всего лишь украсить мое ложе...

Поначалу я решила, что слышу голос матери, и даже не припомню, в какой момент – после стольких-то лет – вспомнила о визите ведьмы, и о проклятии, и о том, что проклятия обычно исходят от ведьм, каковые тоже наделены от природы голосами более или менее женскими. Девушки определенного сорта так легко забывают о происхождении вещей и их взаимосвязи!

Но поначалу я даже не понимала, что сплю. Думала, все это – естественное воздействие шприца-веретена, что это-то чудесное, теплое ощущение жидкости, проникающей внутрь, и хотел спрятать от меня отец, скаредный старый болван. А в постели я только потому, что голова так горяча, так горяча, так переполнена звуками, стоном румяной плоти, что мне просто не устоять, не удержаться на ногах. А когда прошептала в пустоту, что вся, вся переполнена цветущими алыми розами, еще подумала, что фраза вышла весьма удачной – не забыть бы записать, когда снова приду в себя.

Нет, ощущения падения не было – скорее, казалось, будто мне никак не удастся упасть. Так лежала я и лежала (со временем я так привыкла лежать, что могу счесть себя мастером сего искусства, посвященным во все его тайны – никакому загадочному созданию с ветвями-щупальцами меня не перележать), но вот, перед самым рассветом, настал момент, когда я попыталась подняться, чтобы спуститься вниз и сесть к столу, где непременно найдется яичница с превосходными жареными колбасками в светлых пятнышках кусочков яблока, и сделала неизбежное открытие.

Конечно, я, охваченная паникой, забилась на надушенных простынях, завизжала, как умалишенная, но все мои крики лишь отдавались эхом в моей голове. Наружу не вырвалось ни звука. Вскоре отец – о, как постарело, осунулось его лицо! – утратил всякие надежды и так тихо, так тоненько приказал слугам обеспечить сохранность моего тела. Я продолжала визжать и после того, как рот мой залили воском, но никто ничего не слышал. Один из них с изысканной жалостью потрепал меня по щеке, точно все знали: я – скверная девчонка, и рано или поздно чем-то подобным все и должно было кончиться.

Так вот, поначалу я решила, что слышу голос матери. Он как-то странно отдавался внутри... но ведь матери нередко шепчут что-нибудь детям на ухо, разве нет?

– Ты так прекрасна, моя дорогая крошка, точно свет, закупоренный в склянку на продажу.

Теперь-то я знаю: это говорило веретено – веретено, проникшее в меня, как супруг. Это оно пело мне во сне все эти черные псалмы.

– Прекрасна, спору нет, но не можешь же ты вправду думать, что кто-то придет за тобой! Знаешь ли ты, что станется с твоим телом через сто лет? Быть может, младший сын какого-нибудь мещанина и прорубится сквозь колючки. Такой труд очень нужен в мире без веретен, в том мире, каким он стал благодаря холокосту прялок, устроенному твоим отцом. Уж в этом-то мире не будет недостатка в голодных, оборванных парнях, что с радостью дадут бой шипастым кустам. Вот только не ради тебя, малютка *lar familiari*²⁶, а ради шанса разжиться королевским добром. Он явится на поиски плащей с замерзших плеч твоих тетюшек, туфель и башмаков из дюжины чуланов, за столовой утварью и скатертями – о, особенно за скатертями! Он будет искать ковры и шторы, узорчатую парчу, приданое твоей матушки, платья твоих сестер – все, что только сможет унести. И, конечно же, набредет и на эту комнатку. Едва пересилит отвращение, прежде чем войти: двенадцать сотен месячных циклов зальют красным весь коридор (восковая пробка в том самом месте не продержится и года), а уж запах!.. Вонь пропотевших простыней, прелых пролежней и гнили будет такой, что на ногах не устоять, а запах формалина давным-давно одолеет милую цветочную отдушку. Одолев отвращение, он еле откроет дверь, подпертую чудовищными спиралями отросших ногтей твоих ног. А ты превратишься в вонючую, небывало уродливую жабу, заквашенную в собственной крови, и от тебя ему потребуется лишь золотая пудра с волос, да длинное роскошное подвенечное платье, десятки лет назад утратившее белизну.

Да, он разденет тебя донага, будто возлюбленную. Снимет и фату, и платье, и простыни с ложа, и волосы твои обрежет под корень, и ногти обрубит – они пойдут на ножи. И оставит

²⁶ Здесь – семейный божок (лат.).

тебя, нагую, одну-одинешеньку, гнить в этой башне, пока еще один отчаянный принц не явится следом сквозь колючие заросли из роз и не разделает тебя на мясо.

Пожалуйста, прошу тебя, замолчи. Я в жизни не сделала тебе ничего дурного. Мне не хотелось ничего кроме этой иглы. И этой розы.

– Никто, никто не придет к тебе. Все, что у тебя есть, это я. И я люблю тебя крепче и преданнее, чем все принцы Аравии. Кто, кроме меня, остался бы с тобой все это время?

Прошу тебя... Я хочу спать...

Аристотель сказал, что это невозможно. (Не удивляйтесь: девицы, лишённые природной защиты от веретен, всегда имеют классическое образование.) Почесывая бороду, точно овечью шерсть после мартовского дождя, он уверял стайку юнцов, сверкающих нежными розовыми яичками, что никому на свете не удастся, зарыв в землю кровать, вырастить из сего огромного и нелепого семени кроватное дерево.

Однако...

Выходит, можно посадить деву и – о, да! – взглянуть на деву-дерево в цвету. Веретено, так сказать, посадило меня в кровать, будто в грядку, и кровать начала расти вместе со мной. И поглядите – о, вы только поглядите, что с нами стало!

Во сне я плакала и поливала ее слезами, но могла бы и сберечь влагу. Колючая розовая ветвь тихо, словно стараясь остаться незамеченной, но неотступно подползла к моей стопе. Негромкий треск проколотой кожи, красная метка, вполне предсказуемо напоминающая стигмат... Проникнув внутрь, шипастая лоза поползла вперед сквозь хитросплетение костей лодыжки, и листья ее защекотали мышцы икры.

Мгновение – и ветвь взорвалась цветком. Чудовищным, бесстыдно багровым цветком, раскрывшимся, точно паук. Безмолвие его дыхания наполнило уши. Лепестки распластались по потолку кожи, но ничего: месяц-другой – и они пробьются наружу, и корни роз проникнут во все поры моего тела.

– Вот так я и опутаю, и привяжу тебя к себе навсегда, – зазвучал в голове голос веретена, тихий, изможденный, совсем как та ведьма, продавшая душу ради силы заклатья.

Внутри моих ног расцвели, распустились розы; шипы, пронзив ногти, рванулись наружу, и – о! – все, все вокруг затянула багровая мгла.

– Будь ты жива, веретено и тогда так и осталось бы торчать из тебя. Тебе от него не избавиться. Исколотые пальцы, запах пропотевшей овечьей шерсти от бедер... Разве не лучше так? Роза есть роза есть роза есть роза есть дева²⁷, ведь девы – это розы, и я превращу тебя в ложе для роз, распускающихся, точно девство...

Шипастые стебли рванулись наружу из моей груди, устремляясь вверх вдоль тулова веретена, кандалами обвив мои руки и горло, вплетаясь в волосы. Я стала почвой. Я стала землей. Я не могла шевельнуть и пальцем, и плоть моя взорвалась лепестками роз, источающих аромат сумрака. Я закричала, но оставалась безмолвна.

– Я спасаю тебя, вот увидишь. Я – твое веретено, я – твой принц, а это – мой поцелуй. Вот так, растерзав цветами, я увожу тебя из этого мира – разрушенного, опустошенного, лишившегося одежд ради твоей красоты, из нищеты, заваленной мусором земли, что породила тебя на свет. Этой земли больше нет – ни ее виноградников, ни покатых холмов, ни кукурузных полей...

Нет, нет, кто-нибудь непременно придет, унесет меня прочь, будто мешок хлопка, и я вновь буду есть ежевику, запивая парным молоком, а от тебя останется только едва заметный шрам меж грудей, и, когда мы состаримся, он заметит, что этот шрам выглядит, точно звезда. И я никогда больше не услышу твоего голоса изнутри, ведь не вечно тебе засеивать мою кожу...

²⁷ Парафраз строки из стихотворения Гертруды Стайн «Священная Эмилия».

– Ошибаешься. Кто сказал, что твое заточение продлится сто лет и ни крупницей больше? Все врут календари! Я живу в тебе не хуже печени и селезенки, дышу твоим дыханием, вздымаюсь и опадаю вместе с твоей спящей грудью, и мое острие бьется в тебе, согретое у твоего сердца. Вот так-то, краса моя. Вот так-то.

Ветви роз вырвались за дверь, расколов ее в щепы, устремились по лестнице вниз, и – нет, вовсе не благоухание могилы свалило с ног весь двор. Нет, нет, это сделали розы! Это розы, захлестнув их лодыжки, быстро нашли путь вверх! Их стебли, скользнув меж губами, проникли в глотки и там расцвели. Лепестки роз, точно вязкие сласти, лишили их воздуха так, как никогда не была лишена его я, разорвали их легкие так, как никогда не были разорваны мои. Тонкие струйки крови потекли вниз из пяти сотен ртов, пять сотен криков захлебнулись, забулькали, словно вода в котле. Дева-дерево вступила в пору лета, и на ее шипастых ветвях закачались, приплясывая в воздухе, пять сотен ярких плодов: леди-апельсины, лорды-лимоны, вишенки-судомойки, сливы-повара, король-яблоко и самая царственная среди смокв.

– Я не для них. Я – для тебя и только для тебя.

Но они-то были не подготовлены к этому! Их не покрыли золотой пудрой, не обработали формалином, их тела на ветвях посерели, как положено всякому мертвому телу, и я почувствовала запах пронизанной плесенью кожи матери, почуяла, как смердят гнилью сестры.

Вокруг не осталось ничего – ничего, кроме шипастых стеблей да душильников-роз, общаривающих камень...

– Вздор, дорогая. Я здесь. Я с тобой.

Прошу тебя... Я так устала...

Спустя годы дала побеги даже кровать. Тонкие щупальца зелени выползли из пропитавшегося дождевой водой дерева, потянулись наружу в поисках новых источников влаги, и отыскали все, что могли отыскать – мою кожу, мою кровь, мои слезы. Комната, которой с избытком хватало девице, отсыпавшейся после передоза, превратилась в сгусток зелени, сплошь пронизанный твердыми ветвями и нежными свежими побегами. Меня довольно, чтоб напоить их все, а веретена довольно, чтоб напоить меня. Такова биология детства.

И так уж вышло, что даже брачный чертог пустил во мне корни, а подушки стали цветами, а покрывала – корой, а я – сердцевинкой, неподвижной и твердой внутри. Эх, Аристотель, Аристотель, мудрец с колючей, как розовый куст, бородой! Когда кровать вырастает в дерево, в ход идут настолько тайные силы, что тебя трудно винить в невежестве.

У меня было много времени на раздумья.

Если бы не эта игла...

Кэтрин М. Валенте

* * *

Кэтрин Морган Валенте – автор более дюжины прозаических и поэтических бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс», включая «Бессмертного», «Палимпсест», цикл «Сказки сироты» и феномен краудфандинга – роман «Девочка, которая объехала Волшебную Страну на самодельном корабле»; лауреат премии имени Андре Нортон, премии Типтри, Мифопоэтической премии, а также премий «Райслинг», «Лямбда», «Локус» и «Хьюго». Кроме этого, ее произведения не раз попадали в списки финалистов премии «Небьюла» и Всемирной премии фэнтези. Ее последний роман – «Сияние». Живет она на островке у побережья Мэна, в окружении небольшого, но неуклонно растущего зверинца, населенного различными живыми тварями, среди которых имеется и несколько людей.

Спасение тех, кого любишь, из рук эльфов и фей всегда требовало мужества, смекалки и силы воли. Герой сказки Холли Блэк – «храбрый портняжка», наделенный почти волшебным талантом к созданию изысканных одежд...

Сюртук из звезд

28

Рафаэль Сантьяго терпеть не мог навещать родной дом. Приезд домой означал, что родители подымут шум, устроят праздничный ужин, а ему придется улыбаться во все стороны и скрывать все свои тайные пороки – например, курение, а ведь курил он уже пятнадцать с лишним лет. Он просто ненавидел это радио, во всю мощь наяривающее сальсу из распахнутых окон, и постоянные попытки двоюродных братьев утащить его из дому по барам. Его с души воротило от рассказов матери о том, как патер Джо расспрашивал о нем после мессы. Но хуже всего была собственная память – воспоминания, вскипавшие в голове с каждым новым приездом.

В то утро он почти час простоял у туалетного столика, разглядывая парики, шляпы и маски – черновые версии или копии созданных им костюмов. Все они были надеты на зеленые стеклянные головы, выстроившиеся в ряд перед большим треснутым зеркалом. С одних свисали вниз перья, бумажные розы и хрустальные подвески, другие тянулись кверху витыми кожаными рогами... Наконец он остановился на белой безрукавке, заправленной в нежно-серые чиносы, но встав рядом со своими сокровищами, почувствовал, что облику недостает завершенности. Пристегнув черные подтяжки, он снова оглядел себя в зеркале. Да, уже лучше. Практически компромисс. Федора, трость и несколько штрихов карандашом для глаз завершили бы образ окончательно, но он оставил все это в покое.

– Что скажешь? – спросил он, глядя в зеркало.

Зеркало не отвечало. Тогда он обернулся к некрашеным гипсовым маскам на полках, но и их пустые глаза не сказали ему ничего.

Раф сунул в левый передний карман ключи, бумажник и крохотный телефон. Отцу он позвонит из поезда. Скользящий по стене взгляд задержался на одном из эскизов костюмов, сделанных им для постмодернистской балетной постановки «Гамлета». Рядом с этим эскизом висела медаль. На листе была изображена безликая женщина в белом платье, расшитом ягодами и листьями. Вспомнилось, как танцовщики подняли девушку в этом платье кверху, а другие принялись вытягивать наружу алые ленты, спрятанные в рукавах. Алые ленты – многие ярды алых лент – струились с ее запястий, устилая сцену, укрывая танцовщиков с головы до ног. Весь мир стал одной зияющей раной, сочащейся алыми лентами...

В поезде было скучно. Вдобавок, Раф чувствовал себя виноватым в том, что зеленые пейзажи, проносящиеся за окном, не вызывают у него никаких чувств. Так уж вышло: листвы и цветов он не любил, если только они не сделаны из бархата.

Отец ждал Рафаэля на станции, все в том же старом синем грузовичке, купленном задолго до того, как Раф навсегда уехал из Джерси. В каждый приезд отец осторожно расспрашивал Рафа о работе, о большом городе, о его квартире. И делал какие-то невысказанные выводы. А сам рассказывал о том, как кто-нибудь из двоюродных братьев снова влип в неприятности, а в последнее время – о проблемах сестры Рафа, Мэри, с Марко.

Чувствуя, как жаркое солнце смывает с кожи последние мурашки, Раф сел на пассажирское сиденье. Он и забыл, как холодно в вагонах с кондиционерами. По сравнению с кожей отца, потемневшей от загара, как красное дерево, его собственная кожа казалась болезненно-бледной. Перевязанная шпагатом коробка имбирных пряников в кристалликах сахара

отправилась под ноги. Он никогда не являлся к родителям без подарка: бутылки вина, тартатена²⁹, жестянки трюфельного масла от Бальдуччи...

Эти подарки служили ему напоминанием о большом городе и о оплаченном загодя билете туда и обратно в кармане.

– Мэри добивается развода, – заговорил отец Рафа, едва вырулив со стоянки. – Живет сейчас в твоей старой комнате. Твои штуковины для шитья пришлось убрать.

– А как воспринимает это Марко?

О разводе Рафаэль уже слышал. Неделю назад сестра звонила ему из Черри-Хилл в три утра. Ей с сыном Виктором срочно нужны были деньги на автобус домой. Она тяжело дышала в трубку, и Раф догадался, что сестра плачет. Деньги он ей перевел из магазинчика на углу, куда частенько заглядывал за мороженым с зеленым чаем.

– Плохо. Хочет видиться с сыном. А я сказал: если он еще раз хоть близко подойдет к нашему дому, твой двоюродный брат рискнет условным освобождением, но свернет ему, чокнутому сукину сыну, шею.

Конечно, никто не рассчитывал, что шею Марко свернет хилый, тощий, будто веретено, Раф.

Грузовичок катил вперед. Люди вокруг вытаскивали во дворы садовые кресла, чтобы полюбоваться грядущим фейерверком. До темноты было еще далеко, однако соседи уже толпились снаружи, попивая пиво и лимонад.

На заднем дворе дома Сантьяго дымил гриль: двоюродный брат Рафа Габриэль жарил котлеты, сдобренные острым соусом. Мэри лежала на синем диване перед телевизором с ледяной маской на глазах. Стараясь ступать как можно тише, Рафаэль прошел мимо. В доме было темно, и даже радио не гремело, как обычно. В кои-то веки по случаю его приезда не стали устраивать шума. Только Виктор, племянник Рафа, размахивавший бенгальской свечой, казалось, и не подозревал об общем унынии.

На ужин ели арбуз – такой холодный, что не нужно никакой воды, хот-доги и котлеты с гриля с острым соусом и помидорами, рис с бобами, полевой салат и мороженое. Пили пиво, порошковый чай со льдом и вполне достойную текилу, принесенную Габриэлем. Посреди ужина к столу вышла Мэри, и Раф почти не удивился, увидев темный желтовато-лиловый синяк на ее подбородке. Куда удивительнее было то, насколько лицо сестры – разозленной, настороженной в ожидании общей жалости – напоминало о Лайле.

В тринадцать лет Раф с Лайлом были лучшими друзьями. Лайл жил на другом краю городка с дедом, бабушкой и тремя сестрами. Домик их был слишком мал для шестерых. Чтобы отвести детей от реки, протекавшей через лес позади двора, бабушка Лайла рассказывала им страшные сказки. Например, про пуку, похожего на козла с желтыми, точно сера, глазами и огромными кривыми рогами, писающего на кусты черники в начале каждого ноября. Или про кэльпи, живущего в реке и только и ждущего случая утащить Лайла с сестрами в воду, утопить до смерти и сожрать. Или про орды эльфов и фей, которые непременно уволочут их в свою пещеру под холмом на целую сотню лет.

Но Лайл с Рафом все равно тайком удирали в лес. Там они, растянувшись на старом, кишасшем клопами матрасе, «тренировались» заниматься сексом. Улегшись на спину, Лайл показывал Рафу, как всовывать член меж его сжатых бедер, изображая «половой акт понарошку».

Лайл кое о чем запрещал говорить. Никому ни слова о «тренировках», о синяках на его плечах и спине, а особенно – о его деде. Вспомнив об этом, Раф задумался. О скольких вещах он с тех пор приучился помалкивать, скольких тем избегать...

²⁹ Вид французского пирога «наизнанку», выпекаемого начинкой вниз.

Когда в черном небе вспыхнули огни фейерверков, Раф услышал, как сестра скандалит по телефону с Марко. Должно быть, тот обвинял ее в том, что деньги на дорогу она взяла у любовника: в разговоре снова и снова слышалось имя Рафа.

– Их прислал Рафаэль! – кричала сестра. – Брат мне денег прислал, понял, козел?!

Наконец она завизжала, что, если Марко не прекратит угрожать ей, она обратится в полицию. И прибавила, что один из ее двоюродных братьев – коп. И это было чистой правдой: Тео Сантьяго действительно был копом. Вот только сейчас сам сидел в тюрьме.

Мэри повесила трубку. Раф не сказал ничего. Он не хотел, чтобы сестра подумала, будто он подслушивал.

Но Мэри сама подошла к нему.

– Знаешь, спасибо тебе за все. За деньги и за все остальное.

Раф тронул пальцем синяк на ее подбородке. Сестра уткнулась взглядом в пол, но он заметил слезы, набухшие в уголках ее глаз.

– Все будет окей, – сказал он. – Все будет хорошо.

– Знаю, – ответила она. Слезинка, выкатившаяся из ее глаза, упала на носок дорогой кожаной туфли Рафа и разбилась на крохотные блестящие бисеринки. – Не хотела, чтобы ты слышал все это дерьмо. У тебя-то в жизни всегда все ладно.

– Не всегда, – улыбнулся Раф.

Мэри видела его квартиру только раз, когда они с Марко привозили Виктора в город посмотреть «Короля-Льва». Билеты прислал он, Раф: их было нелегко достать, и он решил, что Мэри будет рада. Но надолго они в его квартире не задержались: костюмы, висевшие на стенах, не на шутку перепугали Виктора.

Сестра улыбнулась в ответ.

– Вот у тебя когда-нибудь бывали такие... любовники?

Ее слова на миг повисли в воздухе. Впервые в жизни кто-то из родных отважился на подобные догадки.

– И даже хуже, – ответил он. – И не только любовники, но и любовницы тоже. Вкус у меня просто ужасный.

Мэри присела на скамью рядом.

– И подружки?

Раф кивнул и поднес к губам бокал чая со льдом.

– Когда сам не знаешь, чего ищешь, – сказал он, – приходится искать везде, где только можешь.

Тем летом, когда им исполнилось по четырнадцать, какой-то парень отсосал у Рафа в общественной душевой на пляже, и его просто распирало от гордости: впервые в жизни у него появилась безмерно интересная история для Лайла! Тем же летом оба они едва не удрали из дому.

Но за неделю до назначенного срока Лайл сказал Рафу:

– Я видел бабушкиных эльфов.

Прозвучало это так просто, будто речь шла о дрозде за окном.

Раф составлял список вещей, которые нужно захватить с собой, и ручка в его руке замерла посреди слов «цветные карандаши». Какой-то миг он чувствовал только досаду оттого, что у Лайла и на его историю об отсосе нашелся козырь.

– Откуда ты знаешь?

– Они были точно такими, как в ее сказках. Плясали в кругу и чуточку светились, как будто их кожа отражает свет луны. А одна фея посмотрела на меня, и лицо ее было прекраснее звезд.

Раф насупился.

– Я тоже хочу их поглядеть.

– Перед тем, как сесть на поезд, сходим туда, где они плясали в тот раз.

Раф вписал в список «арахисовое масло». Шесть дней спустя, за последней проверкой этого самого списка, его и застал звонок бабушки Лайла. Лайл покончил с собой. Лег в теплую ванну и вскрыл себе вены – в ночь накануне того самого дня, когда они решили уехать навсегда.

Ввалившись на церемонию прощания с телом, Раф – прямо на глазах взбешенной родни Лайла – отрезал прядь его светлых волос, не помня себя, вместе со всеми дошел до кладбища, а после заснул прямо на свежем могильном холмике. Все это было просто уму непостижимо. Он ни за что не желал смириться с тем, что Лайла больше нет. И домой возвращаться не собирался.

Раф вынул бумажник и развернул расписание поездов. Времени почти не оставалось. Он всегда аккуратно следил, как бы не опоздать на последний поезд... Взгляд его упал на серебряное колечко с ониксом, надетое на мизинец. Внутри, под камнем, имелось потайное отделение, спрятанное так искусно, что петли было почти не разглядеть. Когда Лайл подарил его Рафу, пальцы Рафа были еще так тонки, что кольцо налезало на безымянный палец с той же легкостью, с какой поместилась внутри прядь Лайловых волос.

Стоило Рафу встать, чтобы поцеловать мать и предупредить отца, что ему пора уезжать, в дом, шархнув забранной сеткой дверью о стоявший за ней пластиковый мусорный бачок, ворвалась Мэри.

– Где Виктор? Он здесь, с вами? Ему давно пора в постель.

Раф покачал головой. Мать тут же отложила тарелку, которую вытирала, и с полотенцем в руке двинулась по дому.

– Виктор! Виктор!

Мэри указала на пустую кровать и повернулась к Рафу, будто это он спрятал от нее сына.

– Его здесь нет. Исчез.

– Может, удрал на улицу, повидаться с друзьями? – спросил Раф, но и сам не поверил в это. Виктору же всего десять...

– Но не мог же Марко пробраться сюда так, что никто не заметил, – возразил отец Рафа.

– Он исчез, – повторила Мэри, словно это все объясняло. Бессильно опустившись на кухонное кресло, она закрыла лицо ладонями. – Вы не представляете, что он может сделать с ребенком. Мадре де Диос³⁰...

Вернувшись в комнату мать взялась за телефон и набрала номер. В доме у Марко никто не снял трубку. Тем временем с заднего двора явились двоюродные братья. Насчет того, что теперь делать, мнения возникли разные. Некоторые, сами – отцы семейств, полагали, что Мэри не имеет никакого права не допускать мужа к Виктору. Вскоре в кухне поднялся жуткий крик. Раф встал, отошел к окну и оглядел темный задний двор. У детей – свои игры, и эти игры часто уводят их дальше, чем положено.

– Виктор! – позвал он, выйдя наружу и ступив в траву. – Виктор!

Но на дворе Виктора не было. Тогда Раф вышел на улицу, но не нашел мальчишку и на теплом асфальте. Настала ночь, но небо было ярко озарено полной луной и светом городских огней, отраженных облаками.

Подъехавшая машина замедлила ход. Миновав дом, водитель прибавил газу, и Раф перевел дух. Надо же, он и не заметил, что затаил дыхание. Нет, зять никогда не казался ему чокнутым – разве что скучным, и, может быть, не слишком довольным женой и сыном. Но дед Лайла тоже с виду был вполне нормален...

Тут Раф вспомнил о расписании поездов в кармане и неоконченных эскизах на столе. Скоро последний поезд уйдет, и если он не успеет на него, придется провести ночь здесь, среди тех самых воспоминаний. К тому же, что он тут может поделать? В городе обзвонил бы зна-

³⁰ Матерь Божья (исп.).

комых, подыскал Мэри хорошего адвоката – из тех, что Марко не по карману. «Да, это будет лучше всего», – подумал он, направляясь к дому. Асфальт под подошвами туфель потрескивал, точно усеянный дохлыми жуками.

В ночь после похорон Лайла за Рафом на кладбище приехал Тео, старший из двоюродных братьев. При виде младшего братишки, спящего на могиле, спина под синим полицейским мундиром покрылась гусиной кожей.

– Его больше нет, – неловко, с легким нетерпением сказал Тео, присев рядом на корточки. – Он умер.

– Его забрали эльфы, – возразил Раф. – Утащили в Царство фей, а вместо него какого-то подменыша подсунули.

– Значит, здесь-то, на кладбище, его все равно нет.

Тео потянул Рафа за руку, и Раф, наконец, поднялся.

– Если бы я его не трогал... – прошептал он так тихо, что Тео мог и не расслышать.

Но это было неважно. Если Тео и слышал, что он сказал, то никак не выказал этого.

На этот раз, выходя из дома под треск фейерверков вдали, Раф крутил на пальце ключи от отцовского грузовичка. Сколько же лет он не брал машину отца, не спросив разрешения?

С передачей и сцеплением пришлось помучиться, двигатель фыркал и стонал, но, выехав на хайвей, Раф включил радио, и на пятой передаче домчался до самого Черри-Хилл. Отыскать дом Марко оказалось нетрудно. Во всех комнатах горел свет, а ступени парадного крыльца освещало голубое мерцание телеэкрана.

Оставив машину за углом, Раф подошел к окну гостевой спальни. Когда ему было тринадцать, он много раз пробирался в дом Лайла тайком. Лайл спал на складном матрасе в гостиной: вторую спальню занимали его сестры. Чтобы трюк удался, нужно было дожидаться, когда в доме выключат телевизор и разойдутся спать. Поэтому ждать Раф умел, как никто другой.

Наконец в доме стало темно и тихо. Раф потянул оконную раму. Окно оказалось открытым. Подняв створку как можно выше, он подтянулся и скользнул внутрь.

Виктор заворочался во сне и открыл глаза. И тут же с удивлением вытаращился на Рафа. Раф замер, ожидая, что он завопит, но племянник даже не шевельнулся.

– Я – твой дядя, – тихо сказал Раф. – Из Нью-Йорка. Помнишь «Короля-Льва»?

Он сел на ковер. Помнится, кто-то говорил, будто, находясь ниже, выглядишь не так угрожающе.

Виктор молчал.

– Твоя мама прислала меня за тобой.

Похоже, упоминание о матери придало мальчику храбрости.

– А почему ты не вошел в дверь? – спросил он.

– Твой отец задал бы мне трепку, – объяснил Раф. – Я с ума еще не сошел.

Виктор заулыбался.

– Я могу отвезти тебя обратно, – сказал Раф, вынув из кармана сотовый и положив его на одеяло рядом с Виктором. – Хочешь – позвони маме, и она подтвердит, что все окей. Я – человек не чужой.

Мальчик поднялся с постели, и Раф сунул под одеяло несколько подушек – будто ребенок спит, укрывшись с головой.

– Что ты делаешь? – спросил племянник, набирая номер.

– Пусть с виду кажется, будто ты здесь и продолжаешь спать.

Последовала долгая пауза. Только полминуты спустя Раф вспомнил, что им с Виктором надо пошевеливаться.

По пути назад Раф рассказал Виктору сказку, которую мать рассказывала им с Мэри, когда они были маленькими – про короля, который так раскормил вошь королевской кровью, что она перестала помещаться во дворце. Тогда король приказал убить вошь, а шкуру ее выдубить и сшить из нее плащ для своей дочери, принцессы. А женихам ее объявил, что руку и сердце дочери получит тот, кто угадает, в чью кожу она одета.

Виктору в этой сказке больше всего понравилось, как дядя изображает вошь – подпрыгивая на сиденье, делая вид, будто вот-вот укусит племянника. А Рафу нравились любые сказки, если героями их были портные.

– Входи, – сказала мать. – Нужно же было предупредить, что берешь машину. Мне понадобилось в магазин за...

Увидев за спиной Рафаэля Виктора, она умолкла на полуслове.

Оба вошли в дом, и навстречу им с дивана поднялся отец. Раф бросил ему ключи. Отец ловко поймал их в воздухе и довольно усмехнулся.

– Ишь, крутой парень. Надеюсь, ты ему врезал?

– Еще чего! Чтоб повредить эти нежные пальцы? – откликнулся Раф, выставив ладонь на всеобщее обозрение.

Как ни удивительно, отец захохотал.

Впервые за целых пятнадцать лет Раф ночевал в родительском доме. Растянувшись на комковатом матрасе, он крутил и крутил на пальце колечко с ониксом.

А потом, впервые за почти десять лет, откинул крышечку потайного отделения, ожидая увидеть прядь волос Лайла. Но вместо этого на грудь посыпались крошки засохших листьев.

Листья... Не волосы... Волосы не рассыпаются в труху, куда они могли деться? Викторианские траурные украшения с вплетенными в них волосами давно умерших людей держатся сотню лет. Раф сам видел такую брошь на шейном платке одного известного драматурга. Может, волосы в ней и потускнели от времени, но в листья уж точно не превратились.

Тут ему вспомнились подушки, оставленные под одеялом вместо Виктора. Племянник еще сказал: «Это я, только понарошку». Но мертвое тело Лайла – оно-то было не «понарошку»! Он сам его видел. И срезал с его головы прядь волос.

Раф еще раз пощупал крошки сухих листьев на груди.

Нет, это было чистым безумием, и все же в сердце затеплилась, забрезжила надежда. От мысли, будто Царство фей прячется вон там, за соседним холмом, за неглубокой рекой, далекой, как все его воспоминания, становилось не по себе. Но, если уж он был в силах поверить, что сможет покинуть мир большого города, проникнуть в мир пригородного гетто и невредимым вернуться обратно, отчего бы не пойти и дальше? Отчего бы не прогуляться и в мир этих мерцающих в лунном свете созданий с лицами, словно звезды – туда, куда уходили корнями все идеи его костюмов?

Марко украл Виктора, но он, Раф, сумел привести его обратно... До этого момента Раф и не думал, что мог бы вернуть Лайла из Царства фей!

Пинком ноги Раф сбросил с себя плед.

У опушки леса он остановился и закурил. Казалось, ноги сами, по наитию, несут его к реке.

За эти годы матрас сделался куда грязнее прежнего – он был перепачкан землей и насквозь промок от росы. Раф без раздумий присел на него.

– Лайл, – прошептал он.

В лесу царил покой и тишина, и мысли о феях и эльфах казались слегка глуповатыми. Однако Раф чувствовал: Лайл где-то близко.

– Я уехал в Нью-Йорк, как мы с тобой и собирались, – заговорил Раф, поглаживая траву, будто мех звериной шкуры. – Там я нашел работу в сдаваемом в аренду театральном зале, битком набитом старинными канделябрами и заплесневелыми бархатными занавесями. И теперь шью костюмы для сцены. И возвращаться сюда мне больше ни к чему.

Опустив голову на матрас, он вдохнул запахи прелой листвы и сырой земли. Лицо отяжелело, словно набухло от слез.

– Помнишь Мэри? Муж ее бьет. Могу поспорить, он бьет и моего племянника, но она же об этом ни за что не скажет... – В глазах защипало от острого чувства вины, такого же свежего, жгучего, как и в день смерти Лайла. – Никак не могу понять: зачем ты это сделал? Отчего решил умереть вместо того, чтобы уехать со мной? И мне ни слова не сказал.

Раф глубоко вздохнул.

– Эх, Лайл... – Голос его осекся. Пожалуй, он даже не знал, что сказать. – Как жаль, что тебя нет рядом... Как жаль, что с тобой не поговорить...

Прикрыв глаза, Раф на миг припал губами к матрасу, поднялся и отряхнул брюки.

Надо просто спросить Мэри, что такого стряслось с Марко. В порядке ли Виктор. Не хотят ли они какое-то время пожить у него. А родителям рассказать, что спал с мужчинами. Лайлу уже ничем не помочь, а вот для племянника он очень даже может кое-что сделать. Вполне может высказать все, оставшееся недосказанным, и надеяться, что и другие сделают то же.

Но, стоило Рафу встать, вокруг, откуда ни возьмись, возникли огоньки – будто спички зажглись в темноте.

Рядом, в лесу, собравшись в круг, плясали феи и эльфы. Светящиеся в темноте фигуры казались почти невесомыми, их волосы развевались за спинами, как дымки бенгальских свечей. И среди них... среди них Раф увидел мальчишку. Тот был так увлечен танцем, что даже не слышал, как Раф ахнул и закричал. Протянув к нему руку, Раф рванулся вперед. Но женщина в зеленом платье, сидевшая в центре круга, взглянула на него, улыбнулась холодной, жуткой улыбкой, и волшебный хоровод исчез.

Сердце забилося в груди, точно пойманная птица. Такого страха Раф не испытывал никогда в жизни, даже в четырнадцать, когда волшебство кажется делом вполне обычным, а всякая обычная вещь – чуточку волшебной.

По пути домой Раф вспоминал все волшебные сказки о портных, которые знал. И думал о простом зеленом платье той феи, а еще – о ее страстях и мечтах.

Добравшись до дому, он вытащил из чулана швейную машинку, водрузил ее на кухонный стол и принялся рыться в запасах ткани и лоскутов, бисера и бахромы. Вскоре он нашел отрез жатого панбархата, переливчатого, как жидкое золото. Из этого отреза он сшил долгополый сюртук с блестящими пуговицами и аппликацией в виде синих языков пламени, струящихся вверх по рукавам. То был один из самых прекрасных нарядов, какие Раф когда-либо шил. В обнимку с этим сюртуком он и уснул, а проснулся оттого, что мать поставила перед ним чашку эспresso со сгущенным молоком. Подняв голову, он выпил кофе одним долгим глотком.

Сделать несколько телефонных звонков, дать несколько обещаний, перенести кой-какие деловые встречи и объяснить ошеломленным родителям, что ему денек-другой требуется поработать у них на кухне, было легче легкого. Конечно, Клио покормит его кошек. Конечно, клиент поймет, что Раф работает над проблемами дизайна. Конечно, презентацию можно перенести на следующую пятницу. Конечно. Само собой.

Мать нежно погладила его по плечу.

– Ты так усердно работаешь...

Раф кивнул. Это было куда проще, чем объяснять, для чего это нужно на самом деле.

– Но какие прекрасные вещи ты шьешь! Шьешь прямо-таки как твоя прабабушка. Помнишь, я рассказывала, как к ней приходили со всей округи, за много миль, чтобы пошить подвенечные платья?

Раф улыбнулся ей в ответ и вспомнил о всех тех подарках, что привозил к праздникам – кашемировые перчатки, кожаные пальто, пузырьки духов... Ведь он ни разу в жизни ничего не сшил для нее сам! Шить подарки самому... Это казалось какой-то дешевкой, наподобие уродливой пластилиновой вазы, вышедшей из-под неловких детских пальцев, или самодельной открытки, раскрашенной восковыми мелками. Но все присланные им элегантные, ничего не значащие подарки были так холодны! Они ничего не говорили о нем самом, а уж тем более – о матери. Представив ее себе в шелковом платье цвета папайи – таком, какое вполне мог бы сшить сам, – Раф чуть не сгорел от стыда.

Большую часть дня он проспал в полутемной родительской спальне, затворив дверь и задернув шторы. Жужжание муляжиков за стеной, запах раскаленного масла на сковороде... Он словно вновь вернулся в детство.

Когда Раф проснулся, снаружи было темно. Его одежда, выстиранная и аккуратно сложенная, лежала в изножье кровати. Одевшись и накинув поверх безрукавки золотой сюртук, он отправился к реке.

Сидя на берегу, он курил сигарету за сигаретой, бросал окурки в воду, слушал, как река с шипением гасит огонь, наблюдал, как размокает и медленно тонет бумага... Наконец эльфы явились снова, закружились в нескончаемом танце, повели хоровод вокруг той же самой холодной феи, усевшейся посередине.

Но вот фея увидела Рафа, покинула круг танцующих и двинулась к нему. Ее глаза были зелены, как мох, а когда она подошла ближе, Раф заметил, что ее волосы тянутся за ней, словно под водой – или как ленты, подхваченные неистовым ветром. Повсюду, куда бы ни ступила ее нога, распускались крохотные цветы.

– Твой сюртук просто прекрасен. Он сияет, как солнце, – сказала фея, протянув руку и коснувшись ткани.

– Возьми его себе, – ответил Раф. – Только отдай мне Лайла.

Губы феи скривились в улыбке.

– Я позволю тебе провести рядом с ним эту ночь. Если он вспомнит тебя, он будет волен идти, куда только пожелает. Что скажешь? Довольно ли этого в обмен на сюртук?

Раф молча кивнул и сбросил сюртук с плеч.

Ухватив за руку пронесившегося мимо Лайла, фея выдернула его из хоровода. Лайл заливался радостным смехом, но, стоило его босым ногам коснуться мха за пределами круга, он начал взрослеть на глазах. Стал выше ростом, грудь его сделалась шире, волосы удлинились, а в уголках глаз и губ пролегли тонкие складки. Он больше не был подростком.

– Уйти от нас задаром, пусть даже на время, нельзя, – сказала фея.

Поднявшись на цыпочки, она привлекла Лайла к себе и коснулась губами его лба. Веки Лайла разом обмякли, сомкнулись, и фея подвела его к истлевшему матрасу. Даже не взглянув в сторону Рафа, он опустил на матрас и погрузился в сон.

– Лайл! – воскликнул Раф.

Присев рядом, он бережно откинул с лица друга спутанные волосы – множество косичек с вплетенными в них прутиками, листьями, обрывками колючих лоз. На скуле Лайла красовалось пятно грязи. Листья зашуршали, щекоча щеки, но он и не шевельнулся.

– Лайл, – снова позвал его Раф.

В памяти всплыло тело Лайла в гробу на похоронах. Бледная, иссиня-белая, будто снятое молоко, кожа с легким химическим запахом; пальцы, сплетенные на груди так крепко, что, когда Раф попытался взять его за руку, она даже не сдвинулась с места, точно рука манекена.

Но даже сейчас эти воспоминания о другом, умершем Лайле казались реальнее, чем Лайл, спавший здесь, рядом, как заколдованный сказочный принц.

– Пожалуйста, проснись, – сказал Раф. – Прошу тебя. Проснись, и скажи, что все это – взаправду.

Но Лайл и не шелохнулся. Только глаза под сомкнутыми веками двигались, будто в эту минуту он видел перед собой какой-то другой, иной мир.

Раф встряхнул его, затем сильно, наотмашь хлестнул ладонью по щекам.

– Поднимайся! – заорал он, дернув Лайла за руку.

Тело Лайла безвольно перекатилось набок и навалилось на Рафа.

Тогда Раф поднялся на ноги и попытался поднять Лайла, но его мускулы не были привычны ни к чему тяжелее отреза ткани. Может быть, дотащить до улицы, а там остановить машину или позвонить и позвать на помощь? Раф потянул обеими руками, пачкая рубашку и лицо Лайла зеленым травяным соком и расцарапав ему бок о сломанную ветку. Не протаскивая друга и пары шагов, он отпустил его и склонился над ним в темной ночной тиши.

– Слишком далеко, – сказал Раф. – Слишком далеко...

Улегшись рядом с Лайлом, он положил голову друга себе на грудь, а сам сунул под голову руку.

Когда Раф проснулся, Лайла больше не было рядом, но над матрасом стояла все та же фея – в огненном сюртуке. В лучах восходящего солнца она сверкала так ослепительно, что Рафу пришлось прикрыть глаза ладонью. Увидев, что он открыл глаза, она рассмеялась. Ее смех звучал, как треск лопающегося льда над замерзшим озером.

– Ты меня обманула, – сказал Раф. – Ты усыпила его.

– Он слышал тебя во снах, – возразила фея. – И предпочел не просыпаться.

Раф встал и отряхнул брюки, но стиснул челюсти так, что зубы откликнулись болью.

– Идем со мной, – предложила фея. – Идем в наш хоровод. Ты просто ревнуешь, завидуешь, что тебя не взяли. Но это легко исправить. Ты сможешь вечно оставаться молодым и целую вечность шить прекрасные наряды. Уж мы-то оценим твой дар лучше всякого смертного. Мы будем боготворить тебя!

Раф вдохнул запахи прелой листвы и земли. Там, где лежал Лайл, остался золотистый волосок. Рафу вспомнился отец, смеющийся над его шуткой. Вспомнилась мать, восхищающаяся его шитьем, и сестра, даже в минуты кризиса не позабывшая спросить о его любовниках... Раф намотал волос на палец – так туго, что под побледневшей кожей проступила тонкая красная линия.

– Нет, – ответил он.

Мать сидела на кухне, одетая в домашний халат. Увидев вошедшего Рафа, она поднялась ему навстречу.

– Где ты только бродишь? С виду – просто как одержимый.

Она коснулась его запястья. Прикосновение неожиданно оказалось таким горячим, что Раф отдернул руку.

– Да ты же промерз насквозь! Наверняка был на его могиле?

Согласно кивнуть было намного проще, чем объяснять правду.

– Помнишь сказку о женщине, что слишком долго оплакивала возлюбленного? В конце концов его призрак явился к ней и уволок с собой вниз, в царство мертвых.

Раф снова кивнул, раздумывая о коварной фее, о том, что его запросто могли тоже утащить в хоровод, о спящем мертвым сном Лайле...

С подчеркнутым вздохом мать отправилась варить ему кофе. Когда она поставила перед сыном чашку, тот уже сидел за швейной машинкой.

В тот день он сшил сюртук из серебристого шелка, с плиссировкой на бедрах, расшитый причудливой вязью терновых ветвей, с лацканами из мягкого, как пух, белого меха. Взглянув на свою работу, он понял, что это один из самых прекрасных нарядов, какие он когда-либо шил.

– Для кого ты сшил это? – спросила вошедшая Мэри. – Какое великолепие!

Протерев глаза, Раф устало улыбнулся.

– Этим смертный портной должен заплатить за то, чтоб вызволить любимого человека из Царства фей.

– А я и не слышала этой сказки, – заметила сестра. – Это будет мюзикл?

– Пока не знаю, – ответил Раф. – Но, насколько мне известно, петь в этой труппе некому. Мать нахмурилась и позвала Мэри рубить тыкву.

– Я хочу пригласить вас с Виктором пожить у меня, – сказал Раф сестре в спину.

– Твоя квартира слишком мала, – возразила мать.

Она никогда не видела его квартиры.

– Так можно переехать. Например, в Квинс. Или в Бруклин.

– Не понравится тебе жить с непоседливым мальчишкой. А здесь у Мэри и двоюродные братья есть. Ей следует остаться с нами. Кроме того, в большом городе опасно.

– А Марко не опасен? – спросил Раф, повысив голос. – Может, пусть Мэри сама решит за себя?

Мать Рафа проворчала что-то себе под нос и начала рубить тыкву. Раф вздохнул и прикусил язык, а Мэри тайком от матери закатила глаза. Внезапно Рафу подумалось, что это первый нормальный разговор с матерью за многие годы.

Весь день он трудился над серебристым сюртуком и в тот же вечер, надев его, снова отправился в лес, к реке.

Танцующие оказались там же, где и прежде. И, когда Раф подошел поближе, фея вновь покинула их круг.

– Твой сюртук прекрасен, как сама луна. Согласен ли ты на те же условия?

Раф хотел было возразить, но вспомнил о поцелуе феи и подумал, что вполне сможет изменить ход событий. Только для этого лучше застать ее врасплох.

– Согласен, – ответил он, сбрасывая сюртук.

И фея, как накануне, вытащила Лайла из круга.

– Лайл! – позвал Раф, бросившись к другу, прежде чем фея успела коснуться губами его лба.

Лайл повернулся к нему и открыл рот, будто копаясь в глубинах памяти в поисках его имени. Будто никак не мог вспомнить его.

Тут фея снова поцеловала его, и Лайл нетвердым шагом двинулся к матрасу. Опушенные ресницы почти скрыли взгляд, брошенный им на Рафа. Губы его шевельнулись, однако он не издал ни звука и тут же, как и вчера, погрузился в сон.

В эту ночь Раф попробовал разбудить его по-другому. Он целовал безжизненно мягкие губы Лайла и его лоб, как это делала фея. Целовал впадинки на его шее, чувствуя, как гулко бьется сердце в его груди. Гладил его грудь. Касался губами гладких, не обезображенных шрамами запястий. Он целовал Лайла снова и снова, но это было так же ужасно, как целовать труп.

Прежде, чем уснуть, Раф снял с мизинца серебряное колечко с ониксом, вырвал из собственной головы прядку черных волос, свернул ее колечком и вложил в полость для яда. После этого он надел кольцо на мизинец Лайла.

– Вспомни меня. Вспомни меня, пожалуйста, – сказал Раф. – Если не вспомнишь, я сам не смогу вспомнить себя.

Но и на этот раз Лайл даже не шевельнулся, и вскоре Раф снова проснулся в одиночестве и с первыми проблесками рассвета вернулся домой.

В этот день он сшил сюртук из бархата, черного, словно ночное небо. Украсил его крохотными черными стразами и вышивкой из черных роз – насыщенных, ярких у подола и истончающихся, сходящих на нет кверху. По манжетам и вороту пустил тонкое гофрированное кружево – дымчато-пурпурное, багровое, цвета закатов. Спину усыпал серебряными бусинами – звездами. Холодными, как глаза феи. Ничего более прекрасного Рафаэль не создавал еще никогда и знал, что никогда в жизни больше не создаст ничего подобного.

– Откуда ты только берешь идеи? – спросил отец, выйдя на кухню за вечерней чашкой кофе без кофеина. – Вот я всю жизнь был человеком не слишком-то творческим.

Раф открыл было рот, собираясь ответить, что находит идеи повсюду, во всем, что видит, о чем мечтает, что чувствует, но тут ему пришла в голову вторая половина отцовской фразы.

– А помнишь, как ты сделал бампер для старой машины из дерева? – сказал он. – Очень даже творческий подход.

Отец довольно ухмыльнулся и долил в чашку молока.

Той же ночью Раф облачился в сверкающий звездный сюртук и снова отправился в лес.

Фея ждала его на прежнем месте. При виде такого великолепного наряда она ахнула от восхищения.

– Он должен стать моим, – сказала она. – А ты получишь его – на тех же условиях, что и прежде.

Рафаэль кивнул. Если он не сумеет разбудить Лайла и в эту ночь, то распрощается с ним навсегда. Что ж, может быть, Лайл полагает, что так лучше? Может, Лайлу просто нравится эта жизнь – вечные танцы, вечная юность и память, не причиняющая боли, – и он, Раф, напрасно пытается лишить его всего этого? И все же ему очень хотелось провести рядом с Лайлом еще одну ночь.

Фея подвела Лайла к нему, и Лайл опустился на старый матрас. Фея склонилась над ним, чтобы поцеловать его в лоб, но в последний миг Лайл повернул голову, и вместо лба поцелуй пришелся в волосы.

Фея выпрямилась. В глазах ее полыхнула злость.

А Лайл заморгал, словно пробуждаясь от долгого сна, потрогал колечко с ониксом на мизинце, повернулся к Рафу и неуверенно улыбнулся.

– Лайл? – сказал Раф. – Ты меня помнишь?

– Рафаэль?

Лайл потянулся к лицу Рафа, но остановил руку у самой его щеки. Подавшись вперед, Раф боднул лбом его ладонь и вздохнул. Казалось, время двинулось вспять. Казалось, ему снова четырнадцать, и он влюблен...

– Идем, Лайл, – резко сказала фея.

Лайл неуклюже поднялся на ноги, взъерошив Рафу волосы.

– Постой, – возразил Раф. – Он знает, кто я. А ты говорила: если он вспомнит меня, то будет волен идти, куда только пожелает.

– Он так же волен пойти со мной, как и с тобой, – ответила фея.

Лайл вновь перевел взгляд на Рафа.

– Мне снилось, будто мы уехали в Нью-Йорк и выступаем там в цирке. Я танцевал с медведями, а ты дрессировал блох – учил их прыгать сквозь игольное ушко.

– Я дрессировал блох?

– Ну да. Там, во сне. И здорово прославился.

Но улыбка Лайла так и осталась настороженной, неуверенной. Возможно, он осознал, что все это не очень похоже на такую уж роскошную карьеру.

Раф вспомнил сказку о принцессе в плаще из шкуры вши, которую рассказывал Виктору, о прядях волос и обо всем, что ему удалось пропихнуть сквозь игольное ушко.

Злобно хмурясь, фея отвернулась от них, отошла в меркнувший круг танцоров и рассеялась, словно дым.

– Все вышло не совсем так, – сказал Раф, поднявшись и протянув Лайлу руку. – Я тебе расскажу, как оно было на самом деле.

Лайл крепко, отчаянно стиснул пальцы Рафа, но улыбнулся во весь рот, а глаза его засияли ярко, как звезды.

– Ладно. Только ничего не упускай.

Холли Блэк

* * *

Холли Блэк – автор многих популярных произведений для детей и подростков в жанре современного фэнтези. Среди ее работ – «Спайдервик. Хроники» (в соавторстве с Тони ДиТерлицци), серия «Современные волшебные сказки», «Костяная кукла», «Холодный город», серия «Магистериум» (в соавторстве с Кассандрой Клэр) и «Самая темная чаша». Финалист Премии Айснера, лауреат премии имени Андре Нортон и Мифопоэтической премии, Холли Блэк также удостоена медали Джона Ньюбери. В настоящее время живет в Новой Англии с мужем и сыном, в домике с потайной дверью.

Обдумывая содержание этой антологии, я с самого начала знала, что непременно включу в нее эту блистательную, неподражаемую научно-фантастическую версию «Красной Шапочки», созданную Кэйтлин Р. Кирнан. Дороги иголок и булавок не раз встречаются в ранних, изустных версиях этой сказки, но их символизм и проблема выбора между ними – скорее, тема для научных дискуссий.

Дорога иголок

31

1

Никс Северн закрывает глаза и делает глубокий вдох, набрав полную грудь свежего, только что изготовленного воздуха, наполняющего Танк-контейнер Четыре. Вот она, ирония судьбы в действии: эта роскошь порождена катастрофой. Несомненно, более двух тысячелетий никто на Земле не дышал воздухом хотя бы вполовину меньшей чистоты. Римляне, греки, древние китайцы – все они положили начало копчению неба, а за два века после Индустриальной революции оно превратилось в целую науку – в науку равнодушия. В искусство халатности и отрицания. И теперь даже скрупулезно созданная искусственная атмосфера Марса не так чиста, как каждый вдох того воздуха, которым дышит Никс. Азот, кислород – четыре пальца N_2 и пятый O_2 – и так далее, и так далее, примеси и тому подобное, и все это превращает каждый вдох, каждый подъем ее груди, в настоящий праздник. Какой радостный день для легочного эпителия, омываемого этой первозданной смесью! Никс закрывает глаза, пытается думать, но этот воздух кружит голову. Нет, не пьянит, но, определенно, голову кружит. Как легко задремать, уснуть, прислонившись спиной к стволу диксонии антарктической, укрывшись от каплюющей сверху мороси под зонтиком ажурных листьев древовидного папоротника и прочих растений, проросших, распустившихся за последние семнадцать часов и заполнивших танк-контейнер доверху. Уснуть, и стать настоящим новым Рипом ван Винклем, а «Дрозд», дрейфующий сам по себе, будет удаляться от лунно-марсианской рельсовой нитки все дальше и дальше. И эту сказочную нарколепсию можно сделать еще приятнее: несколько капсул фенотиазина из левого набедренного кармана красного комбинезона – и больше ей не проснуться никогда. А вскоре лес сомкнется над ней, и она послужит ему пропитанием. Грибы, насекомые, улитки и планктон, бактерии и крохотные позвоночные – все они соберутся на званый обед в честь ее сна, а затем и смерти.

Все чудеса запретных Еве рощ
Омытого росой не оградили
От слез, пролившихся, как черный дождь...³²

Одна мысль о том, чтобы встать на ноги, переполняет все тело свинцовой усталостью.

«Нет, – напоминает себе Никс (вернее, та часть ее разума, что еще не смирилась с поражением). – Это из-за другой мысли. Из-за мысли о пяти танк-контейнерах, оставшихся до мостика. И тех пяти, что остались позади. О том, что я прошла всего полпути, и еще полпути впереди».

Что-то мягкое, почти ничего не весящее, приземляется ей на щеку. Вздвогнув, Никс открывает глаза и судорожно отряхивает щеку. Мягкое, невесомое нечто падает на комок мха у ног и смотрит вверх золотыми глазами. Тельце в ярко-желтых и темно-синих, почти черных пятнах ярко, как костюм арлекина.

«Лягушка».

³¹ "Road of Needles" © 2013 Caitlin R. Kiernan. First publication: *Once Upon A Time: New Fairy Tales*, ed. Paula Guran (Prime Books).

³² Данте Алигьери, «Божественная комедия», пер. М. Лозинского.

Ей доводилось видеть изображения лягушек в сетевых архивах и в учебных файлах, но какое изображение может сравниться с контактом с живым, дышащим существом? Оно коснулось ее щеки и теперь сидит, смотрит на нее! Будь Ома на связи, Никс обязательно запросила бы более точную идентификацию.

«Но, конечно, будь Ома на связи, меня бы здесь не было».

Никс утирает залитые дождем глаза. Капли воды приятно холодят кожу, а на губах, на языке они – просто-таки нектар. Как же легко романтизировать рай, зная только ад да (иногда, если повезет) чистилище! Как не расчувствоваться, когда мысли в голове, вскруженной чистым воздухом, тают, будто воск? Никс изумленно моргает, глядя на всевозможные оттенки зелени вокруг, щурится от искусственного солнечного света, пробивающегося сквозь листву и ветви.

Небо мигает, на миг темнеет, и вновь начинает сиять во все свои шесть сотен ватт. Похоже, резервные топливные элементы сдают быстрее, чем положено. В голове мелькают возможные объяснения: утечка катализатора, смятый катод или анод, ослабление ионного обмена из-за разрыва мембраны... А может, она просто потеряла счет времени? Никс сверяется с консолью в сетчатке левого глаза. Но, может, и консоль дала дуба, и доверять ее показаниям не стоит? Никс протирает глаз: иногда это помогает. Показания остаются теми же. В остатке – сорок восемь процентов от максимума.

«Значит, счет времени я не теряла. Поезд действительно слишком быстро жжет резервы. Почему – уже дело десятое».

Важно одно: выходит, времени, чтобы добраться до Омы и устранить сбой, у Никс меньше, чем она думала.

Никс Северн встает, и это словно занимает целую вечность. Прислонившись к шершавой коре древовидного папоротника, она щурится, пытаясь разглядеть прямую линию мостков, ведущих к контейнерам левого борта и палубам за ними. Но заросли, густеющие едва ли не на глазах, так замедляют движение, что вскоре Никс понимает: дело безнадежное. Придется воспользоваться тесными техническими ходами, протянутыми высоко над головой. Проклятье, отчего она не вспомнила о них сразу? Но лучше поздно, чем никогда, мать его... Ведь они ведут прямо к главной шахте электронного мозга! А прогулка ползком сквозь тесные технические ходы поможет сосредоточиться, отвлечься от райских соблазнов, сотворенных грандиозным сбоем систем терраформинга. Только бы добраться до передней части этого отсека. Там – трап вверх, и, как ни тесны технические ходы, пробираться по ним куда легче. Так она выиграет во времени вдвое, а то и больше. Снова смахнув с лица капли дождя, Никс карабкается через расползшиеся по земле корни баньяна. Ступив на скользкую, заросшую тропку, она опускает на глаза лицевое забрало костюма и затягивает силиконовый капюшон. Стекло испарит и дождевые капли, и конденсат внутри. На лес Никс старается не обращать внимания. Уж лучше подумать о том, как она прибудет на место, выждет карантин и после всех штатных процедур отправится на Землю – там, в тущобах Финикса у границ космоверфей, ждет семья. Ждет дочь... С этими мыслями Никс и продолжает путь.

2

«Носильщики³³ летают в одиночку».

Никс закрывает старинную книгу сказок, найденную в лавке древностей на файрстоунском ночном рынке, и кладет ее на столик у кровати дочери. Ветхие страницы побурели от времени. Одно небрежное прикосновение – и стершийся уголок страницы остается в пальцах. Порой даже предельная осторожность не помогает. Но Майя слышала сказку, прочитанную

³³ В униформу носильщиков на железных дорогах США часто входили головные уборы красного цвета, отчего их называли «красными шапками».

прямо с книжных страниц, всего два раза в жизни. Впервые – когда ей было два. А во второй раз – уже в шесть. От взлета до посадки срок немал, и если ты не только мать, но и носильщик на побегушках, создается впечатление, будто твой ребенок растет какими-то скачками: вот все идет своим чередом, и вдруг – раз... будто кадр сменился. Именно так все и выглядело, несмотря даже на ежемесячные сеансы видеосвязи. Минута здесь, пятнадцать – там; трехнедельный отпуск на Земле; драгоценные переговоры с орбиты; взгляды и голоса, текущие сквозь пустоту тонкой струйкой длиной от 22,29 до 3,03 световых минут.

– Зачем она заговорила с волком? – спрашивает Майя. – Почему просто не прошла мимо?

Никс поднимает взгляд на Шайло, стоящую в дверном проеме. В прихожей за ее спиной горит свет. Улыбнувшись ее темному силуэту, Никс снова смотрит на дочь. Волосы девочки тонки, бесцветны, как кукурузные рыльца. Хрупка, родилась до срока, да вдобавок больной – полуслепой, полуувечной. Глаза – зеленовато-молочного цвета, точно нефрит...

– Да, – поддерживает ее Шайло. – Зачем бы это?

– Думаю, этот волк был волком очень обаятельным, – отвечает Никс, ероша волосы Майи.

«Носильщики летают в одиночку. Отправлять в полет более одного живого, теплого тела, да еще со всем, что ему нужно для поддержания жизни? Зачем так транжирить бюджет? Когда всего-то и требуется – иметь кого-нибудь под рукой на случай катастрофического отказа всей системы? Вот потому-то носильщики и летают в одиночку».

– А вот я ни за что не стала бы заводить разговор с волком. Если бы они, конечно, еще существовали, – заявляет Майя.

– Рада слышать. Теперь я на этот счет спокойна, – отвечает Никс, глядя на пряди волос Майи, оставшиеся в пальцах.

– Если бы волки еще существовали, – повторяет дочь.

– Конечно, – соглашается Никс. – Это само собой.

Губы ее шевелятся. Опустив взгляд к страницам старой-старой книги, она читает:

– Здравствуй, Красная Шапочка, – сказал волк.

– Спасибо тебе на добром слове, волк.

– Куда это ты так рано выбралась, Красная Шапочка?

– К бабушке.

Веки Никс Северн вздрагивают, губы шевелятся. Капсула «милого дома» тихонько шипит, гудит, манипулируя гиппокампами и кортикальными тета-ритмами, вороша долговременную и кратковременную память, превращая мечты в ощущения, куда более реальные, чем сны или дежавю. Ни одно судно не покидает доков без хотя бы одного «милого дома» на борту, дабы сохранить психическую стабильность носильщика в рейсе.

– А теперь детям пора спать, – говорит Никс Майе, но девочка мотает головой:

– Хочу послушать еще раз.

– Вот козявка! Да ты уже знаешь ее наизусть! И сама можешь рассказать, от первого до последнего слова.

– Она хочет послушать, как ты читаешь, – сказала Шайло. – Кстати, и я бы тоже не возражала.

Никс притворно хмурится.

– Двое на одного? Так нечестно!

И все же она бережно листает страницы, возвращаясь к началу сказки, и начинает снова.

«Милый дом» связывает средний мозг с полушариями большого, направляет нейромедиаторы к рецепторам, управляет электрохимической активностью, регулирует уровень кортизола...

– Жила-была маленькая девочка, скромная и добрая, послушная и работающая...

Шайло целует ее в лоб.

– Любовь моя, черт меня побери, если я понимаю, как ты с этим справляешься. Совершенно одна, полагаясь только на эти иллюзии...

– Они помогают оставаться в своем уме. Тут уж – либо освой этот трюк, либо быстро сгоришь.

«Лучший друг носильщика! Лучше самой реальности! Попробуй “милый дом” – может, и домой не захочешь!»

Да. Торговые кооперативы очень на это рассчитывают.

– Чем нянчиться с этими поездами, может, лучше найдешь другую работу? – прошептала Шайло. – Профессия есть, навыки есть. Устроишься на верфи. Сборка или обкатка... Чем плохо?

– Не хочу снова заводить этот разговор.

– Никси, но с твоим-то опытом... Ты глазом моргнуть не успеешь, как станешь бригадиром.

– И буду получать хорошо, если четверть того, что сейчас. И при этом вкалывать день и ночь.

– Но мы бы были с тобой каждый день, вот я к чему. А еще... ты не представляешь, как мне за тебя страшно. Летишь в пустоте, и никого вокруг, кроме этих иллюзий да бездушной электроники... А если что не так?

«Поторопись, отправляйся в путь пораньше, пока не сделалось жарко, иди чинно, смиренно, да смотри – не беги, не то еще, пожалуй, упадешь».

– Все эти несчастные случаи...

– Шайло, новости сильно преувеличены. Половины того, о чем ты слышала, вообще никогда не происходило. И ты это прекрасно знаешь. В который раз я тебе об этом твержу?

– А вдруг уйдешь в эти иллюзии и больше не вернешься?

– Вероятность психоза или остановки сердца астрономически мала.

Шайло перекачивается на бок, отворачивается от Никс. Та вздыхает и закрывает глаза. Завтра в шесть – подготовка к старту, назначенному на следующую неделю. Вовсе ни к чему целый день спать на ходу из-за споров с Шайло.

«...да смотри – не беги, не то еще, пожалуй, упадешь».

Вопль этой треклятой тревожной сирены – сущее убийство. Инъекция адреналина выдергивает Никс обратно на борт «Дрозда», в настоящее, так резко и бесцеремонно, что она ахает и взвизгивает не хуже сирен тревоги. Но ее глаза приучены даже к такой резкой смене обстановки, и Никс начинает изучать результаты диагностики и данные о повреждениях, еще не успев полностью прийти в себя.

Да, на этот раз скверно. И надо бы хуже, да некуда.

Ома молчит.

«Здравствуй, Красная Шапочка...»

3

Конечно, это неправда, будто в мире совсем не осталось волков. Строго говоря, они существуют. Просто, насколько известно зоологам, на воле волки вымерли. То есть, были объявлены вымершими по всему земному шару сорок с лишним лет назад – все тридцать девять (или около того) подвидов. Однако Майя жутко боится волков. Настоящая фобия, невзирая на факт, что «Красная Шапочка» – ее любимая сказка на ночь. Хотя, может, из-за боязни волков и любимая... Когда она вбила себе в голову, будто у нее под кроватью живет волк, и отказывалась спать в темноте, мы с Шайло заверили ее, что волков больше не существует. Подозреваю, она прекрасно знает, что мы врем. Похоже, просто подстраивается, подыгрывает нашему вра-

нюю. Она ведь умна, любознательна и имеет доступ к каждому биту информации, хранящейся в Сети, включая сюда, думаю, и все, что когда-либо было написано о волках.

Я видела волков. Самых настоящих, живых.

Осталась еще горстка – в неволе. И мне довелось видеть пару, в молодости, лет в двадцать с небольшим. Мать еще была жива, и мы с ней ездили в чикагский биопарк. Провели там, в дендрарии, почти целый день, гуляли по тщательно ухоженным, обсаженным деревьями тропкам. Тут и там набредали на одного-двух зверей, видели даже пару небольших стад – несколько видов антилоп, оленей и так далее, – запертых в невидимые загоны при помощи имплантированных в позвоночник шок-чипов. А к концу дня в одном из тупичков, расположенных в той части биопарка, где были воссозданы осинники и красноеся, когда-то тянувшиеся к западу вдоль реки Йеллоустон (помню благодаря установленному на пути плакату), столкнулись и с волками. Там был филин, орел, кролики, чучело бизона, а в самом конце тупичка – пара волков. Не чистокровных, конечно – гибридных. Разбавленных, так сказать, генами немецкой овчарки, или лайки, или еще какими.

Там, под образчиками осины, сосны и ели, стояла скамейка, и мы с матерью ненадолго присели поглядеть на волков. Я знала: работники парка заботятся об этих драгоценных экземплярах со всем возможным старанием, и все же волки были как-то тощеваты. «Худосочны», как выразилась мать. Мне это слово показалось странным. Никогда прежде его не слышала. Возможно, оно было популярным, когда мать была молода.

– По-моему, совсем как обычные собаки, – сказала она.

Но на самом деле это было не так. Несмотря на то, что эти животные никогда в жизни не покидали клеток того или иного сорта, в них явственно чувствовалось что-то дикое. Не смогу объяснить, о чем речь, но так оно и было. А уж это животное, звериное отчаяние в их янтарных глазах... А как они беспокойно расхаживали по своему загону – даже смотреть утомительно! От этого зрелища нервы напряглись до предела, но мать, похоже, ничего не замечала. Отметив, что волки, на ее взгляд, почти не отличаются от обычных собак, она моргнула, включая софтовизор, и, судя по движениям глаз, завела разговор с кем-то в офисе. Я же смотрела на волков. А волки – на меня.

В их янтарных глазах чудилась ненависть.

Чудилось, будто, глядя на меня, они инстинктивно понимают, чувствуют, какова роль моих собратьев в уничтожении их рода.

«Мы жили здесь задолго до вас», – без слов, без единого звука говорили они.

Нет, в их глазах полыхало не только отчаяние. Их взгляды были исполнены злобы, презрения и безнадежной жажды мести, хоть волки и знали, что этому не бывать.

«Десять миллионов лет до твоего появления на свет мы пиروвали на костях твоих пра-матерей».

И в этот миг я ощутила страх. Я испугалась, как всякий мелкий, беззащитный лесной зверек, укрывшийся в тени, замерший без движения в надежде остаться незаметным для этих янтарных глаз, не угодить в эти ненасытные клыкастые пасти. Помнится, мне подумалось, отвечает ли им мой взгляд. Я знала: он молит о милосердии. Но в глазах волков не было ни намека на жалость.

«Вы не в силах спастись даже от самих себя, – говорили янтарные огоньки. – Себя и просите о милосердии».

И мне пришла в голову новая мысль: уж не может ли мать передать страх дочери по наследству?

4

Никс Северн добирается до трапа, ведущего к техническим ходам, но лишь затем, чтоб обнаружить, что он опутан толстыми ползучими стеблями, а болты, крепящие его к переборке, наполовину вырваны из гнезд. Остановившись среди филодендронов и папоротника-орляка высотой по пояс, она меряет взглядом сломанный трап. Может, все же попробовать взобраться наверх? Но Никс тут же отбрасывает эту мысль: ее тяжесть наверняка только довершит то, что начато растениями, и травмы, полученные при падении, могут не позволить добраться до Омы вовремя. А то и вообще.

Выругавшись, Никс наматывает на руку пучок стеблей, дергает изо всех сил. Трап злое еще скрипит, скрежещет и отходит от переборки еще на несколько сантиметров. Никс отпускает стебли и поворачивается к круглому люку, ведущему в Третий и следующие отсеки «Дрозда», заполненные зеленью. Сводка, полученная в момент пробуждения в «милом доме», как ни была коротка, не оставляла сомнений в случившемся: все системы терраформинга одновременно включились, а их предохранительные блоки отказали один за другим, будто падающие костяшки домино. Волна сбоев прокатилась по всему поезду, от носа до кормы. Очередное бревно под ногами прогнило насквозь, обросло грибами и мхом так, будто лежит здесь не семнадцать часов, а несколько лет. Еще несколько шагов, и вот она – кнопочная панель замка, но руки трясутся так, что набрать верный код удастся только с третьей попытки. Четвертая ошибка означала бы блокировку замка. Диафрагма жужжит, щелкает, раздвигается в стороны, расцветает посреди переборки, точно ржавый стальной ирис. Шипит пар. Никс шепотом благодарит бога (в которого на самом деле не верит) за то, что электроника, обеспечивающая доступ к прямым соединительным коридорам, еще цела.

Никс шагает через комингс, и люк немедленно закрывается за ее спиной. Значит, датчики обнаружения тоже пока в порядке. В коридоре – ни следа растительной или животной жизни. Помедлив несколько секунд, Никс делает шаг, другой, третий, четвертый, пятый, подходит к следующей кнопочной панели и набирает следующий код доступа. Вход в Танк-контейнер Три повинует, и Никс вновь поглощает лес.

Пожалуй, в «тройке» положение еще хуже, чем в «четверке». Руки в красных перчатках раздирают завесу из ползучих стеблей и тонких прутьев, затем приходится сражаться с новой преградой в виде толстых корней баньяна, и только после этого Никс снова может хоть как-то двигаться вперед. Но вскоре путь ей преграждает еще одно препятствие – на сей раз в облике небольшого, метров пяти в ширину, пруда от переборки до переборки. Бурая стоячая вода темна, да вдобавок наполовину затянута мелкой ряской – поди пойми, какая там глубина! Лесная почва намного выше уровня палубы контейнера, значит, пруд может оказаться так глубок, что его придется пересекать вплавь. А Никс Северн никогда в жизни не умела плавать.

Пот льет градом. Согласно данным, выведенным на консоль, средняя температура воздуха поднялась до 30,55°C, и Никс откидывает капюшон на спину. Дождя в «тройке» пока что нет, лоб и глаза заливает только собственный пот. Опустившись на колени, она опускает руку в пруд и взмахом ладони гонит мелкую рябь к дальнему берегу.

За спиной трещит ветка и слышится женский голос. Но Никс не встает и даже не оглядывается назад. Шок резкого пробуждения от сна в «милом доме», затем – физическое напряжение и страх, плюс возможное воздействие ядовитой пылицы и спор, витающих в воздухе... Да. Галлюцинации. Как и следовало ожидать.

– Вода широка, и мне нет переправы, – нежно поет голос за спиной. – И крыльев нет, чтобы летать³⁴.

³⁴ Первые строки песни Боба Дилана *The water is wide*.

– Это ведь не ты, Ома, верно?

– Нет, дорогая, – отвечает голос. От нежности в нем не осталось и следа, теперь он звучит почти грубо. – Это не Ома. На нас надвигается ночь, и твоя бабушка спит.

«Никого разумного, кроме меня и Омы, на борту нет, и это значит, что я галлюцинирую».

– Здравствуй, Красная Шапочка, – говорит голос.

Сердце отчаянно бьется в груди, но Никс невольно смеется.

– Иди в задницу, – отвечает она собственному подсознанию, поднимается и вытирает мокрые пальцы о штанину.

– Куда это ты так рано выбралась, Красная Шапочка?

– Неужели мне в голову не приходит ничего лучшего? – спрашивает Никс, и на сей раз оборачивается: рано ли, поздно – взглянуть назад все равно придется.

Оказывается, сзади кто-то стоит. Кто-то, или что-то... Какое из слов лучше использовать – это обсуждается. «Скорее всего, – думает Никс, – это мои несбыточные мечты о том, чтобы кто-то был рядом. Не более того. Все, кто здесь мог бы говорить или наступить на сухую ветку, существуют только в моем сознании. Мой ужас породил чудовище».

– Я тебя знаю, – шепчет Никс.

Существо, стоящее между ней и люком, ведущим обратно в «четверку», смотрит на нее нежными карими глазами Шайло, и, хотя сходство на этом и заканчивается, в нем чувствуется что-то странное, щемяще знакомое.

– Вот как? – спрашивает оно. Оно... или она? – Да, пожалуй, так и есть. Пожалуй, ты и вправду знаешь меня очень и очень давно. Так куда это ты так рано выбралась, Красная Шапочка?

– Я никогда в жизни тебя не видела.

– Разве? Но разве не ты однажды в детстве углядела меня за окном своей спальни? Не ты ли частенько замечала меня прячущимся в переулках? Не ты ли навещала меня в биопарке в тот день? Не я ли живу под кроватью твоей дочки и в твоих собственных снах?

Вот теперь Никс всерьез тянется к левому набедренному карману за антипсихотиком. Всего один шаг назад – и нога погружается в теплую стоячую воду по самую щиколотку. Всплеск кажется необычайно громким – гораздо громче атональной симфонии жужжащих над ухом стрекоз. Безумно хочется отвести взгляд, отвернуться от этого «некто» или «нечто», существующего лишь в ее воображении, от мерзкой твари, в которой куда больше собачьего, чем человеческого, созданной в нелегальной, подпольной генно-инженерной лаборатории там, на Земле. На заказ, для богатенького коллекционера, для частного зверинца мутантов-уродов... Стоп. Стоп. Так могло бы быть, будь эта тварь настоящей. Каковой она не является. Не является.

Никс пытается открыть майларовый пакет аптечки, но он выскальзывает из пальцев и исчезает в густой траве. Тварь облизывается, далеко высунув из пасти крапчатый черно-синий язык, поблескивая глазами Шайло из-под лба.

– А по какой тропинке ты пойдешь? С камнями, или с колючками? – спрашивает она.

– Прошу прощения? – хрипит в ответ Никс.

В горле пересохло, рот будто набит ватой. «Зачем я ответила? Зачем я вообще говорю с ним?»

Тварь скалит зубы.

– Не строй из себя дуру, Никс.

«Знает мое имя... Да, но только потому, что его знаю я!»

– Какой же ты выберешь путь? Путь иголок, или путь булавок?

– Я не могу добраться до технических ходов, – говорит Никс. Собственный голос звучит в ушах, точно издалека. – Пробовала, но трап сломан.

– Значит, ты на Дороге Иголок, – отвечает тварь, изогнув черные губы в жуткой пародии на улыбку и обнажив множество (о, как их много!) острых желтых клыков. – Ты меня удивляешь, Пти Шапрон Руж³⁵. А мне так редко доводится удивляться...

«Довольно. Корабль гибнет на глазах, и этого довольно. Я ни хрена тут не вижу. И не стану растрачивать время на разговоры с собственным ид».

Никс Северн отворачивается – слишком поспешно, слишком неосторожно, и едва не падает ничком в пруд. Ее уже не тревожит, насколько он может оказаться глубок и что может скрываться в темной воде цвета крепкого чая. Она устремляется вперед, с каждым шагом поднимая в воздух фонтаны брызг. В лучах искусственного солнца брызги сверкают, искрятся, как драгоценные камни. Ноги уходят в топкий ил, и вскоре вода достигает груди. «Но утонуть – и то лучше, – думает Никс. – Утонуть – и то много лучше».

5

Скоро неделя, как Никс торчит на пересадочной станции у кратера Шеклтона, и пройдет еще неделя, прежде чем шаттл переправит ее на транспортный «Дрозд», ждущий на стартовой орбите. Свет в кафетерии, как и повсюду на этой станции, чересчур ярок, но, по крайней мере, кормят неплохо. Среди технарей и кооперативных чиновников, можно сказать, никогда настоящему не застревавших на Шеклтоне, распространен миф, будто еда здесь практически несъедобна. А если честно, она куда лучше многого из того, на чем Никс росла с малолетства. Слушая сидящего рядом коллегу – как и она, няньку при космических поездках, – она ковыряет синими пластиковыми палочками для еды в миске удона со стручковым горохом и тофу.

– По мне, так лучше прямые рейсы, – говорит Маршалл Чаудри, жуя лапшу. – Но «терры» вовсе не так уж страшны, как кое-кто из наших болтает. Словом, тут нечего за свой анус зря переживать.

– А мне все равно, – отвечает Никс. – Груз есть груз, ходка есть ходка.

Маршалл ставит миску на стойку и кладет палочки рядом.

– Верно, – говорит он. – Ни слова против не скажу. Ни звука. Просто сам прямые предпочитаю. Меньше суеты с погрузкой-разгрузкой и прочей ерундой, больше времени на отдых...

Никс пожимает плечами, прожевывает стручок гороха, проглатывает зеленую кашу и говорит:

– А я так скажу: фишки есть фишки, как бы я их ни заработала. Радоваться надо, что работа есть.

– Кстати о работе... – начинает Маршалл, но тут же умолкает.

– Чаудри, с чего моя личная жизнь вдруг стала твоей заботой?

– Да это я так, сестренка, по-товарищески.

– Ну что ж, раз уж тебе интересно, Шайло все еще зудит насчет перехода на верфи. – Никс ставит миску перед собой и опускает взгляд к остаткам бульона на дне. – Как будто еще до брака и до рождения Майи не знала, что я вожу грузы и нигде, кроме внесемелья, работать не желаю.

– Я через то же самое жену потерял, – говорит Маршалл, будто для Никс это новость. – Она и предупредила напоследок, и все такое, но хрен там. Хрен им всем. Она же знать не знала, что такое пространство. Знать не знала, о чем просит, каково это для носильщика – оставить космос. Что у тебя в крови, того уже не вытравишь.

Левую половину лица Маршалла пересекает жуткий шрам – память об аварии трехлетней давности. Выброс хладагента, в результате – обморожение. Глядя на него, Никс старается не

³⁵ Красная Шапочка (*фр.*).

задерживать взгляда на шраме, но это, как всегда, нелегко. Только чудом глаза не лишился. Треснули бы защитные очки – ходить бы ему одноглазым.

– Может, и со мной то же самое, – говорит она. – Не знаю. Не могу сказать. Конечно, в полете я скучаю по ним. Временами просто чертовски скучаю.

– Но это не заставляет тебя бросить летать и наняться на верфи.

– Эх... Иногда я жалею, что не заставляет.

– Ходить-то девочка будет? – спрашивает он.

– Об этом я стараюсь не думать. Особенно перед полетом. Как бог даст.

Маршалл снова берется за палочки и вылавливает из миски кусочек тофу.

– В один прекрасный день, в не таком уж далеком будущем, заменят нас кооперативы роботами, – вздыхает он, забрасывая белый кубик в рот. – Не многим ли мы жертвуем, если скоро профессии нашей конец?

– Профсоюзные страшилки...

Никс пренебрежительно машет рукой, хотя понимает, что он, вероятнее всего, прав. Слишком уж многих издержек можно избежать, наконец-то полностью избавившись от людей на борту. «Странно, что этого до сих пор не случилось», – думает она.

– Так я к чему: может, стоит подумать о том, как обойтись без особых потерь?

– Ты сам только что объяснял, что выбора у нас нет: что в крови, того не вытравишь, другой жизни мы не знаем и не хотим... Ты уж, брат, определись: либо одно, либо другое.

– Будешь доедать? – спрашивает он, кивнув на ее миску.

Никс качает головой и придвигает миску к нему. Мысли о Майе и Шайло напрочь отбили аппетит.

– Ладно. Как бы там ни было, ты не волнуйся: «терры» – они не страшнее любых других грузов.

– Я и не волнуюсь. В первый раз мне, что ли?

– Верно, сестренка, но я не к тому.

Маршалл подносит белую – такую же беспощадно-белую, как и стойка, и сиденья, и потолки, и стены, и свет – миску к губам и шумно втягивает в себя остатки бульона. Покончив с этим, он утирает губы рукавом и продолжает:

– Может, нам, носильщикам, лучше оставаться холостыми? И не было бы всей этой тоски от старта до посадки...

Никс хмурит брови и тычет в его сторону палочкой.

– Думаешь, возвращаться из одиночного рейса, зная, что тебя никто не ждет, легче?

– Есть в жизни и другие радости, – замечает он.

– Неудивительно, что от такого козла бесчувственного жена ушла.

Маршалл потирает виски и меняет тему разговора. При всех своих недостатках он прекрасно чувствует, куда лучше не соваться.

– А вот с «Касэй» ты раньше не сталкивалась, верно?

– Да, верно.

– Ничего, уж ты-то справишься – да и не раз уже справлялась – с игрушками похуже касэевских.

– Я слышала, отзывы неплохи, – говорит Никс, но голова ее занята совсем другим, и сейчас она от души надеется, что Маршаллу вскоре надоест болтовня, и она сможет вернуться к себе, закинуться парочкой розовых и уснуть часов на шесть-семь.

– На северном конце бульвара Каттаринетта – в Красном Квадрате – есть бордель. Пожалуй, что лучший на всем этом камешке. Я чисто случайно знаком с владелицей.

Нет, Никс вовсе не ангел и вовсе не выше того, чтобы искать утешения у шлюх в разлуке с Шайло. Ведь месяцы копятя, копятя... Месяцы в рейсах, в бесконечном ожидании на орбите Фобоса, недели среди красной пыли и изнуренных тяжким трудом колонистов...

– Зовут ее Падди, – продолжает Маршалл. – Просто скажи ей, что ты старинная подруга Маршалла Мейсона Чаудри, и она позаботится, чтобы тебя обслужили как надо. И не эти полуголодные крестьянские девчонки. Товар будет высшего сорта.

– Очень любезно с твоей стороны. – Никс встает. – Непременно воспользуюсь.

– Пустяки, – небрежно отмахивается Маршалл. – И, слышь, еще раз повторю: груза не бойся. Что «терры», что алюминий, что фарма – все едино.

– Черт возьми, не впервой мне «терры» возить. Сколько раз повторять?

Однако про себя Никс думает: «Если “терры” ничем не отличаются от всего остального, откуда берется семипроцентная надбавка за риск?» Нет, она никогда не спросит об этом вслух, но как тут не задашь этот вопрос самой себе?

– Кстати. Твоя Ома – она...

– Увидимся, брат, – перебивает его Никс и быстро, пока он не успел сказать еще слово, а то и десяток, идет к выходу.

Порой она готова поспорить на любые деньги: одиночество здорово подтачивает душевное здоровье мужчин. Слишком уж часто случается с ними такое дерьмо.

Свет в коридоре, ведущем к жилому модулю, не так яркий, как в кафетерии. Что ж, и на том спасибо...

6

Перемазанная в грязи, взмокшая от пота, искусанная и изжаленная насекомыми, едва дыша, Никс Северн, наконец, добралась до дна глубокой шахты, ведущей к центральному вычислительному блоку Омы. Ноздри и легкие жжет от сотен миллионов гаметофитов, рассеянных в воздухе, который пришлось вдыхать на трудном пути через заросшие танк-контейнеры, ноги подгибаются, руки обвисли, как плети, желудок скрутило узлом... Бзу³⁶ следовал за ней на всем этом мучительном пути, не отставая ни на шаг. Однако Никс поняла, что это бзу, только на полпути через второй контейнер. Разумные вирусы встречаются крайне редко, и вероятность создания бзу в результате отказа Омы (или наоборот) близка к нулю, пренебрежимо мала для любого транспортного судна. Однако результат налицо. «Галлюцинация» – вовсе не галлюцинация.

Час назад Никс наконец-то собралась с духом настолько, чтоб просканировать эту тварь, и обнаружила те самые явные признаки, ту самую последовательность байт, что характерна для стелс-вирусов.

– А вот еще на добрую четверть часа пути дальше в лесу, под тремя старыми дубами; там и стоит ее дом, кругом его еще изгородь из орешника, – заговорил бзу, когда сканирование завершилось. – Красная Шапочка! Ты только глянь! Посмотри-ка на эти славные цветочки, что растут кругом – оглянись! Ты, пожалуй, и птичек-то не слышишь, как они распевают? Идешь, словно в школу, никуда не оборачиваясь; а в лесу-то, поди-ка, как весело!

Да, Ома знает психологический профиль Никс, а значит, и бзу прекрасно знает, чем она дышит...

Никс снова поднимает лицевое забрало и откидывает капюшон – все это послужило защитой от небольшой утечки гелия у верхней кромки шахты – и пытается сосредоточиться, чтобы понять, что стряслось. Мертвая, темная Ома безмолвствует. Голоэкран отключен; придется положиться на память и ручное управление – тумблеры, клавиши, горизонтальные и вертикальные ползунки, поворотные ручки, наборные диски, рубильники... и все это – без

³⁶ Коварный волк-оборотень, отличающийся необычайным обаянием; персонаж некоторых народных версий сказки о Красной Шапочке.

помощи Омы. Да, ее обучали, тренировали и для таких случаев, но диагностика и устранение неполадок в системах искусственного интеллекта никогда не были ее сильной стороной.

Бзу присаживается рядом, следит краденными глазами Шайло за каждым движением Никс.

– Кто там? – спрашивает он.

– Я больше не играю в эти игры, – бормочет Никс, склонившись над пультом и начиная процедуру жесткого перезапуска системы. – С меня хватит. Еще пятнадцать минут, и ты будешь стерт. Насколько я понимаю, это злонамеренный саботаж.

– Кто там и с чем пришел? – снова спросил бзу.

Никс дергает один из рубильников. Ничего.

– Толкни дверь посильнее, – советует бзу. – Она подперта ведерком с водой.

Выбор варианта загрузки! Вот дура – от усталости и страха путается в последовательности действий... Никс щелкает еще одним тумблером. Уж это должно оживить Ому, когда почти все остальное не помогает...

Система не отвечает. Похоже, начинают сбываться самые худшие опасения. Полномасштабный сбой? Авария из тех, для устранения которых требуются специалисты трех профессий, что означает сухой док, что, в свою очередь, означает, что она – в полной и окончательной заднице? Самой Никс не вернуть «Дрозда» на рельсы ни за что на свете. Такое отклонение от курса – гарантированная медленная смерть от удушья, переохлаждения или голода.

Не глядя на бзу, Никс продолжает разговор, а между тем достает из ремнабора ИДА – изолирующего дыхательного аппарата, который она (мало ли, что?) не решилась бросить, до сих пор висевшего за спиной мертвым грузом – тонкую отвертку.

Быть может, игра еще не окончена... Сделав глубокий вдох, она насаживает на рукоять биты диаметром 2,4 мм и смотрит на панель. Чтоб разговаривать с бзу, смотреть на него ни к чему.

– Ладно, – говорит она. – Допустим, ты – создание безобидное, снабженное алгоритмом отката.

– Надави на щеколду, – откликнулся бзу, – я слишком слаба и не могу встать с постели.

– Хорошо, бабушка. Как я долго шла, чтоб навестить тебя.

Никс тут же представляет себе, как читает Майе вслух, сосредоточенное внимание в глазах дочери, Шайло, стоящую в дверях...

– Закрой получше дверь, мой ягненок. Корзинку поставь на стол, а сама снимай платье да приляг рядом, отдохни чуток.

«Закрой дверь. Закрой дверь и отдохни чуток. Авария головки, частичная порча диска, режим защиты от сбоев как реакция на инородную сущность. Добровольная кома».

Кивнув, Никс выдвигает один из блоков памяти, вытаскивает из него желтую плату и заменяет ее другой, снятой с полки с запчастями. Мозг Омы отзывается негромким, еле слышным гудением.

– Это код, – поясняет Никс сама себе.

«И если я не перепутаю порядок вопросов, если бзу ничего не заподозрит и не натворит гадостей...»

Со лба скатывается капля пота. В правом глазу жутко щиплет, но Никс не обращает на это внимания.

– А теперь, бабушка, послушай меня, пожалуйста.

– Слушаю тебя, дитя мое, во все уши слушаю.

– Бабушка, какие же у тебя длинные уши!

– Это чтобы лучше слышать тебя, дитя мое.

– Правильно... конечно...

Никс выдвигает второй блок – блок приема-передачи – и выдергивает из гнезд две обгорелые платы. Выходит, она не могла говорить с Фобосом. Выходит, она была глуха и нема все это время, чтоб их всех... Центральный вычислительный блок Омы гудит громче, вспыхивает, пробуждаясь к жизни, шестиугольник органических светодиодов в основании голоэкрана. Загрузка пошла...

«Один есть».

– Бабушка, какие у тебя большие глаза!

– Это чтобы получше видеть тебя, Роткапхен³⁷.

«Правильно. Хрен тебе, волк. В задницу и тебя, и твои треклятые дороги камней и иглолок».

Никс отдает команду на сброс данных из памяти всех оптических следящих систем и всей прочей периферии. Наградой ей служит глухой стук, сменяющийся нестройным перезвоном перезагрузки.

– А уж какие у меня большие зубы, – говорит Никс, поворачиваясь к бзу. По мере пробуждения Омы вирус начинает бледнеть, меркнуть, покрывается рябью помех. – Это чтобы съесть тебя!

– Вот где ты мне попался, старый греховодник! – успевает выговорить вирус сквозь треск помех. – Давно уж я до тебя добираюсь!

Выходит, бзу был призывом на помощь, посланным Омой в последние наносекунды до сбоя?

³⁷ Красная Шапочка (нем.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.